
Вестник
Московского государственного областного университета
Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 1

Выходит 4 раза в год

2011

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 27.10. 2010 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

Учредитель журнала:

Московский государственный областной университет

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik.mgou.ru)

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik.mgou.ru

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях, без разрешения редакции, запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2010 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

The founder of journal:

The Moscow State Regional University

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik.mgou.ru)

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University
10a Radio st., office 98
Moscow, Russia
Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Site: www.vestnik.mgou.ru

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

№ 1

Issued 4 times a year

2011

Series «History and Political Sciences»

Bulletin of the
Moscow State Regional University

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»
Publishing council «Bulletin of the MSRU»

Председатель совета **Пасечник В.В.** – д.пед.н., проф., ректор МГОУ
Зам. председателя совета **Дембицкий С.Г.** – д.э.н., проф., проректор по учебной работе МГОУ
Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию ж-ла «Вестник МГОУ»
Белозеров В.Е. – д.ф.м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)
Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)
Лекант П.А. – д.фил.н., проф. МГОУ
Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
Нелюбин Л.Л. – д.фил.н., профессор МГОУ
Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., ректор Орловской региональной академии государственной службы
Поляков Ю.М. – канд. фил. н., гл.ред. «Литературной газеты»
Пустько В.С. – д.ф.н., проф. Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана
Трайтак С.Д. – к.ф.м.н., доц., проректор по научной работе и международному сотрудничеству МГОУ
Троиц К. Г. – доктор, проф. Кобленц-Ландау Университета (Германия)
Ху Гумин – д.фил.н., проф., Институт иностранных языков Уханьского университета (Китай)

Chairman of the Council **V.V. Pasechnik** – Doctor of Pedagogics., Professor, the Principal of the MSRU
Deputy Chairman of the Council **S.G. Dembitsky** – Doctor of Economics, Professor, the Vice-principal for education of the MSRU
A.V. Abramov– Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University
B.E. Belozerov – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)
K.F. Zatulin – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)
P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University
L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
V. F. Nitsevich – Doctor of Politics, Professor, the Principal of the Oryol Regional Academy of Public Service
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"
V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University
S.D. Traytak – Ph.D. in Physics and Mathematics, Associate Professor
Klaus G. Troitzsch – Doctor, Professor of Koblenz-Landau University (Germany)
Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Ukhun University (China)

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»
Series editorial board «History and Political Sciences»

Ответственный редактор серии:
Смоленский Н.И. – доктор исторических наук, профессор
Заместитель ответственного редактора серии:
Волобуев О.В. – доктор исторических наук, профессор.
Ответственный секретарь серии:
Насонова С.А. – кандидат исторических наук.
Члены редакционной коллегии серии:
Журавлев В.В. – д.и.н., проф.; **Захаров В.Н.** – д.и.н., проф.;
Фукс А.Н. – к.и.н., проф.; **Абрамов А.В.** – к.полит. н., доц.;
Дж. Гонзалес, доктор наук, университет Вуллонгонг (Австралия); **Могильницкий Б.Г.** – д.и.н., проф. (ТГУ, Томск); **Протасов Л.Г.** – д.и.н., проф. (ТГУ, Тамбов);
Наталици М. – доктор наук (университет Сиена, Италия)

Editor-in-chief :
N.I. Smolensky, Doctor of History, Professor
Deputy editor-in-chief:
O.V. Volobuyev, Doctor of History, Professor
Executive secretary of the series: **S.A. Nasonova**, Ph.D. in History
Members of Editorial Board: **V.V. Zhuravlev**, Doctor of History, Professor; **V.N. Zakharov**, Doctor of History, Professor; **A.N. Fuks**, Ph.D. in History, Professor; **A.V. Abramov**, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor; **J. González**, Doctor of Science (University of Wollongong, Australia); **B.G. Mogilnitsky**, Doctor of History, Professor (Tomsk State University; Tomsk); **L.G. Protasov**, Doctor of History, Professor (Tambov State University; Tambov); **M. Natalici**, Doctor of Science (University of Siena, Italy)

ISSN 2072-8360

Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2011. - № 1. – М.: Изд-во МГОУ. – 186 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство **ПИ № ФС77-26139**

Выходит 4 раза в год.

Индекс серии «История и политические науки» по каталогу агентства «Роспечать» **36759**

ISSN 2072-8360

Bulletin of the MSRU. Series «History and Political Sciences». – 2011. – № 1. – М.: MSRU Publishing house. – 186 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate **ПИ № ФС77-26139**

Issued 4 times a year.

Index series «History and Political Sciences» under "Rospechat" agency catalog **36759**

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930.2

Нигматуллин С.Х.

Московский государственный областной университет

ДОКУМЕНТЫ ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ МОСКОВСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*

S. Nigmatullin

Moscow State Regional University

THE DOCUMENTS ON THE STAFF OF MOSCOW EDUCATIONAL INSTITUTIONS AS A HISTORICAL SOURCE

Аннотация. В настоящей статье рассматривается информационный потенциал документов по личному составу учреждений образования города Москвы. А также использование в исторических исследованиях документов по личному составу Центрального объединенного архива учреждений системы образования города Москвы. В архивах системы образования города Москвы с конца 1920-х гг. хранятся документы: государственных органов управления в сфере образования; дошкольных образовательных учреждений; средних общеобразовательных школ; детских домов; учреждений профессионального образования и других учреждений системы образования.

Ключевые слова: документы по личному составу, приказы по личному составу, личные дела, учителя, учащиеся, исторический источник, образование в Москве.

Abstract. The present article discusses the information potential of the documents on the staff of educational institutions in Moscow and also the use in historical studies the documents of the staff of the Central Joint Archives of educational institutions in Moscow (USSR). The archives of the education system of Moscow have stored records and documents since late 1920-ties: public administration in education, pre-school educational institutions, secondary schools, orphanages, vocational training institutions and other educational institutions.

Key words: documents on the staff, orders on the staff, private affairs, teachers, pupils, students, a historical source, education in Moscow.

В настоящее время среди исторических источников все большее значение приобретают массовые официальные документы о гражданах. Это объясняется повышенным интересом к изучению «малой истории». Составление генеалогического древа, изучение истории рода или отдельной семьи, изучение быта – все это требует привлечения таких документов.

Так или иначе, все юридически значимые и прочие общественно важные события жизнедеятельности человека находили свое отражение в массовых, официальных документах. Будь то рождение или смерть, заключение брака, служба в армии, уплата налогов, учеба, профессиональная карьера и т. д. Массовый характер этих документов указывает на то, что они формировались повсеместно, в некоторых случаях даже на каждого человека (напри-

* © Нигматуллин С.Х.

мер, записи о рождении). Официальный характер этих документов обуславливает их юридический статус, именно эти документы используются органами власти и организациями при работе с гражданами (например, назначения пенсии).

К массовым официальным документам о гражданах относятся: метрические книги, акты гражданского состояния, домовые книги, медицинские карты, документы воинского учета, документы по личному составу и т. д. В них раскрываются факты жизни и деятельности человека, его персональные данные. Не случайно именно они часто становятся единственными источниками о неизвестных сторонах жизни тех или иных личностей [2; 3; 4; 5].

Рассмотрим комплекс массовых официальных документов о гражданах, отложившийся в составе фондов Центрального объединенного архива учреждений системы образования г. Москвы, а также проанализируем их информационный потенциал в качестве исторических источников. Основу комплекса составляют документы по личному составу. Следует отметить, что документы по личному составу – один из наименее исследованных видов исторических источников, поскольку они практически недоступны массовому исследователю [6; 15]. Во-первых, потому, что, в соответствии с российским законодательством, открытый доступ к этим документам может быть ограничен на срок до 75 лет (со дня создания документа). Во-вторых, они не поступают целенаправленно на государственное хранение, а находятся непосредственно у фондообразователей (максимальный срок их хранения определен 75 лет), что также затрудняет к ним доступ.

Центральный объединенный архив учреждений системы образования города Москвы (ЦОА УСО г. Москвы) – это ведомственный объединенный архив Департамента образования города Москвы. Одной из его задач является комплектование и организация хранения документов по личному составу: государственных органов управления в сфере образования; централизованных

бухгалтерий; дошкольных образовательных учреждений; средних общеобразовательных школ; детских домов; школ-интернатов; санаторно-лесных школ; учреждений профессионального образования и других учреждений, входящих (входивших) в систему образования г. Москвы. В составе архива хранятся документы как действующих, так и уже ликвидированных организаций. Самые ранние из хранящихся в архиве документов относятся к концу 1920-х гг.

Спецификой документов по личному составу московских учреждений образования является деление их на две основных группы источников: документы, заводившиеся на работников этих учреждений (руководство, учителей и т.д.), и документы, заводившиеся на учащихся¹.

Приказы по личному составу – один из основных кадровых документов. В них закреплялись решения руководства в отношении работника (о приеме, увольнении, перемещении, премировании и т. д.) или учащегося (о приеме, переводе в следующий класс, выдаче документов об образовании и т. д.). Они являются информативным историческим источником для изучения биографии человека, истории организации или даже отдельных исторических периодов в целом. Например, по приказам Московского городского отдела народного образования (Мосгороно)² можно проследить влияние Великой Отечественной войны на образование в Москве. Уже в самом начале войны резко возрастает количество приказов об увольнении со следующими стандартными формулировками: «освободить в связи выездом из г. Москвы», «согласно личному заявлению в связи с выездом из г. Москвы по семейным обстоятельствам», «освободить согласно п. «а» ст. 47 КЗОТ»³, «освободить

¹ Это правило относится к школам, детским домам, профессиональным училищам и т. д.

² Мосгороно-Московский городской отдел народного образования, главный государственный орган управления образованием в Москве в 1931-1975 гг.

³ В соответствии, с действовавшим на тот период Кодексом законов о труде по этой статье увольняли «в случае полной или частичной ликвидации предприятия,

согласно личного заявления в связи с уходом в ряды РККА»¹. В октябре 1941 г., когда в столице было введено осадное положение, появились общие приказы об увольнении «в связи с сокращением объема работы», временно на 50-250 работников². С возобновлением в 1942 г. учетных занятий в Москве было проведено массовое «восстановление в должностях директоров школ» и «назначение временно исполняющих обязанностей директоров школ»³.

Личные дела работников – это комплекс разнообразных документов, содержащих подробные сведения о человеке: его полное имя, место и дата рождения, образовании, социальном положении, политических взглядах, профессиональной карьере, семейном положении, участии в войнах, наградах и т. д. В состав документов личного дела работника входят: личный листок по учету кадров, автобиография, копии личных документов, копии или выписки из приказов, справки и т. д. Так как личное дело формировалось на всем протяжении службы работника в учреждении, то в нем откладывались все документы, которые относились к этому работнику (как положительные, так и отрицательные). Личные дела позволяют не только проследить биографию отдельно взятого человека или историю конкретного учреждения, но в своей совокупности с другими личными делами реконструировать интересные исторические факты, относящиеся в целом к системе московского образования или даже к социальным явлениям того или иного исторического периода.

В некоторых личных делах встречаются интересные автобиографии. Например, в автобиографии директора немецкой школы им. Карла Либкнехта (немца по происхождению) описаны события и факты его участия в Первой мировой войне в составе германс-

ких войск, последующей эмиграции в СССР в 1920-м г. и его дальнейшая политическая деятельность в России⁴. Простой язык и открытое изложение позволяют увидеть глобальные события через призму жизни отдельного человека.

Достаточно интересны и информативны личные листки по учету кадров. Вся информация в них запрашивалась в структурированном виде, что позволяет широко применять математические методы исследования. Например, формирование социального облика советского учителя в тот или иной период времени.

В образовательных учреждениях также велись личные дела на учащихся или воспитанников⁵. В основном в архиве отложились личные дела воспитанников, так как они имеют больший срок хранения, нежели дела учащихся.

Тарификационные ведомости⁶ (списки) – специальный документ, в котором фиксировалась учебная нагрузка преподавателей и ставки оплаты. Тарификационные ведомости – хороший источник для проведения статистического анализа занятости учителей (с учетом преподавания в разных классах, ведения различной педагогической работы) и их материального положения.

Документы по заработной плате⁷ работников представлены расчетно-платежными ведомостями, карточками лицевых счетов, карточками-справками. В целом следует отметить, что документы по зарплате являются важным массовым историческим источником по изучению финансового положения сотрудников образовательных учреждений (не только преподавательского состава). Массовый характер, хорошая сохранность документов позволяют использовать их при проведении статистических исследований. Теоретически документы должны сохра-

учреждения или хозяйства, а равно в случае сокращения работ в них».

¹ Центральный объединенный архив учреждений системы образования г. Москвы (далее ЦОА УСО г. Москвы). Ф. 292. Оп. 1 л/с. Д. 102; Д. 115.

² ЦОА УСО г. Москвы. Ф. 292. Оп. 1 л/с. Д. 115. Л. 72-88.

³ ЦОА УСО г. Москвы. Ф. 292. Оп. 1 л/с. Д. 121. Л. 3-70.

⁴ ЦОА УСО г. Москвы. Ф. 322. Оп. 1 л/с. Д. 65.

⁵ Личные дела на воспитанников заводились в детских домах.

⁶ ЦОА УСО г. Москвы Ф. 1540. Оп. 1 л/с. Д. 18; Ф. 632. Оп. 1 л/с. Д. 56.

⁷ ЦОА УСО г. Москвы. Ф. 405. Оп. 1 л/с. Д. 13.; Ф. 292. Оп. 1 л/с. Д. 92.

ниться на каждого работавшего в системе народного образования, т. к. эти документы служат основанием для начисления государственной пенсии и реализации других социально-значимых гражданских прав. Но на практике в архиве хранятся не все документы, в том числе из-за их утраты или хранения в архивах образовательных учреждений.

Алфавитные книги учащихся¹ – это специальные книги, в которых содержалась общая информация на учеников: его ФИО и год рождения; год поступления в школу и класс (группа); домашний адрес.

Сводные ведомостей учета успеваемости учащихся² – учетные документы, в которых отражались сведения об учащихся и их родителях, об оценках успеваемости по предметам, посещаемости предметов и т. д. Особый интерес представляют записи о родителях в сводных ведомостях в период Великой отечественной войны: «отец на фронте», «отец пропал без вести», «отец не родной на фронте», «отец ранен на фронте», «отец убит»³.

Книги регистрации выдачи учащимся свидетельств, аттестатов зрелости, похвальных грамот, золотых и серебряных медалей⁴ – также являются высокоинформативными учетными документами, раскрывающими сведения о конкретных людях, получавших образование, уровню полученных ими знаний. Сами по себе без использования дополнительных документов книги являются полным историческим источником по восстановлению состава учащихся или по

проведению статистического анализа уровня образования, получаемого учениками в конкретной школе в разные периоды ее существования.

В целом следует отметить высокий информационный потенциал документов по личному составу и их историческую значимость при изучении биографии отдельных граждан, истории образовательных учреждений, истории образования в Москве в целом и т. д. Хорошая сохранность документов позволяет широко применять математические методы исследования данных документов в качестве исторических источников.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Артизов А.Н., Мякушев С.Д. Сохранение и использование документов по личному составу: прошлое, настоящее, будущее // Отечественные архивы. – 2005, № 4. – С. 20-29.
2. Бакалейник М.А. Штрихи к биографии П.А. Флоренского // Отечественные архивы. – 1992, № 2. – С. 95-99.
3. Богданов Н.Ф. Новое о дате рождения философа Н.Ф. Федорова // Отечественные архивы. – 2007, № 6. – С. 52-54.
4. Поляков В.Б. Гимназист Иван Бунин // Отечественные архивы. – 2001, № 1. – С. 69-70.
5. Романова Г.В. Неизвестные страницы биографии главы уголовного розыска Российской империи А.Ф. Кошко по документам Госархива Ульяновской области // Отечественные архивы. – 2007, № 5. – С. 73-76.
6. Туманов В.Е. Информационный потенциал документов по личному составу как исторических источников: проблемы и решения // Отечественные архивы. – 2007, № 5. – С. 14-22.

¹ ЦОА УСО г. Москвы. Ф.538. Оп.2л/с. Д.1; Ф.538 Оп.2л/с. Д.3.

² ЦОА УСО г. Москвы. Ф.1563. Оп.2л/с. Д.49; Ф.2672. Оп.2л/с. Д.72.

³ ЦОА УСО г. Москвы. Ф.538. Оп.2л/с. Д.2; Ф.1373. Оп.2л/с. Д.2.

⁴ ЦОА УСО г. Москвы. Ф.548 Оп.2л/с. Д.1а.; Ф.538. Оп.2л/с. Д.3а.; Ф.548. Оп.2л/с. Д.10.

УДК 94(470)»1941/1945

Дюков А.Р.

Фонд «Историческая память»

АНТИЕВРЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА ОУН И УПА ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ¹

A. Dyukov

Fund «Historical memory»

ANTI-JEWISH POLICY OUN & UPA DURING THE SECOND WORLD WAR: THE MODERN HISTORIOGRAPHY

Аннотация. В статье дается обзор новейших работ по антисемитской политике Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) во время Второй мировой войны. Рассмотрев опубликованные во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов работы канадских, европейских, украинских, польских и российских историков, автор статьи приходит к выводу о том, что внимание исследователей сосредоточилось преимущественно на изучении политико-идеологические установки ОУН по «еврейскому вопросу» и организованных украинскими националистами антиеврейских погромов лета 1941 года. Вопрос же о служивших в УПА евреях и их судьбе предметом серьезного научного исследования так практически и не стал, несмотря на повышенное общественное внимание к данной проблеме. В статье также обращается внимание на деятельность официальных украинских историков-ревизионистов, пытающихся внедрить в общественное сознание миф о непричастности ОУН и УПА к уничтожению евреев.

Ключевые слова: Организация украинских националистов, Украинская повстанческая армия, антиеврейская политика, Холокост, историография.

Abstract. The article deals with modern researches devoted to anti-Semitic policy of Organization of Ukrainian Nationalists (OUN) and Ukrainian Insurgent Army (Ukrayins'ka Povstans'ka Armiya, UPA) during the Second World War.

The Canadian, European, Ukrainian, Polish and Russian researches, which were published in 1990th in the beginning of 2000, were considered by author. The author found other researchers, basically, paid their attention to OUN's political-ideology aim concerning "Jewish question" and pogroms in the summer of 1941, organized by Ukrainian Nationalists. The issue of the service of Jews in the "UPA" armed forces and the issue of Jewish fates are not the subjects of serious scientific researches until now, despite the great public attention to these problems.

In addition, the author pays attention to the activity of official Ukrainian historians-revisionists, who try to inculcate in the mind of the general public the myth about OUN and "UPA" non-participation in destruction of Jews.

Key words: Organization of Ukrainian Nationalists, Ukrainian Insurgent Army, Anti-Jewish policy, Holocaust, historiography.

Отношение Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии к евреям – одна из наиболее дискуссионных проблем в историографии ОУН и УПА. К настоящему времени исследователи этой проблемы разделились на два непримиримых лагеря. Одни считают, что ОУН и УПА принимали активное участие в уничтожении евреев, другие это отрицают. С обеих сторон звучат обвинения в политической ангажированности и использовании «пропагандистских штампов», порою вполне справедливые.

На наш взгляд, такое положение вещей свидетельствует не столько о сложности вопроса, сколько об его политической значимости и, одновременно, недостаточной научной изученности. Причины последнего понятны. Вплоть до «архивной революции» 1990-х гг. источни-

¹ © Дюков А.Р.

ковая база по данной тематике была крайне узка. Исследователь, взявшийся изучить отношение ОУН и УПА к евреям, имел в своем распоряжении лишь воспоминания, немногочисленные немецкие отчеты о политическом положении на оккупированной Украине, а также опубликованные эмигрантскими украинскими историками документы ОУН и УПА, аутентичность которых порою вызывала сомнения.

Открытие украинских архивов для исследователей в 1990-х гг. позволили перевести исследование истории ОУН и УПА на прочную научную основу. Историкам стали доступны десятки тысяч архивных документов, значительное число их было опубликовано. И хотя в фокусе внимания исследователей в первую очередь оказалась борьба УПА с советской властью, постепенно начали появляться работы, посвященные отношению украинских националистов к «еврейскому вопросу».

Разработка этой тематики велась преимущественно в рамках исследования Холокоста на оккупированной нацистами Украине. Одним из первопроходцев стал известный израильский историк И. Арад, давший краткий обзор осуществлявшихся украинскими националистами антиеврейских акций лета 1941 г. По данным Арада, в первые дни после прихода немецких войск украинскими националистами на Западной Украине было уничтожено более пятнадцать тысяч евреев [3, 161].

В монографии доктора исторических наук Феликса Левитаса, опубликованной в 1997 г., был впервые опубликован важный для понимания отношения ОУН к евреям документ – протокол состоявшегося в середине июля 1941 г. совещания членов ОУН во Львове. По мнению Левитаса, этот документ свидетельствует о наличии в ОУН двух лагерей по отношению к еврейскому вопросу – «радикального и демократического» [26, 180]. Однако это предположение выглядело как минимум сомнительно: ведь протокольная запись свидетельствовала о предельно негативном отношении участников совещания к

евреям, а разногласия сводились к вопросу тактического характера.

В том же году в свет вышла монография немецкого исследователя Д. Поля «Преследования евреев в Восточной Галиции». Автор сосредоточил свое внимание прежде всего на роли немецких оккупационных органов в уничтожении евреев. Однако помимо этого в исследовании была дана и характеристика отношения к антиеврейской политике местного украинского населения, а так же ОУН. Используя ряд пропагандистских и внутренних документов ОУН, Д. Польш констатировал, что во многих случаях погромы лета 1941 г. на Украине проводились созданной ОУН украинской милицией [58; 24, 227-235].

Историк Ж. Ковба затронула вопрос об отношении ОУН-УПА к евреям в вышедшей в 1998 г. монографии «Человечность в пропасти ада», однако сформулировать однозначный ответ так и не смогла. Дав короткий и заведомо неполный обзор нормативных документов и высказываний руководителей ОУН, носящих несомненно антисемитский характер, Ж. Ковба тем не менее заявила, что четкой позиции ОУН(Б) по отношению к евреям якобы не имела [18, 249]. Источниковая база этой работы оказалась крайне фрагментарна, не проводилось даже элементарной критики источников.

Намного более четкой оказалась позиция ведущего российского специалиста по истории Холокоста И.А. Альтмана, отмечавшего, что позиция ОУН по «еврейскому вопросу» оставалась негативной как в довоенный период, так и во время войны [1, 220-225]. Справедливость утверждения о негативном отношении ОУН к евреям в предвоенный период была продемонстрирована в исследованиях украинского историка М.М. Гона, посвященных украинско-еврейским взаимоотношениям на Западной Украине в 1935-1939 гг. [10; 11; 12]. На солидной документальной основе Гон показал, что хотя перед Второй мировой войной евреи и не рассматривались ОУН в качестве главного врага, членами этой организации проводились акции по оказанию на

евреев психологического давления и уничтожению их имущества.

Позицию ОУН по «еврейскому вопросу» после начала войны в определенной степени позволило прояснить изучение конкретных антиеврейских погромов летом 1941 г. Ф. Фридман [42], Х. Хеер [53], А. Круглов [21], А. Ермаков [17] и И. Химка [44] исследовали историю разразившегося после захвата немецкими войсками погрома во Львове, Б. Болл [49; 50] и М. Царинник [46] – массовые убийства евреев в Злочеве и Дубно в начале июля 1941 г. Используя немецкие документы, исследователи продемонстрировали активное участие членов ОУН в обеих антиеврейских акциях.

Гораздо более дискуссионным оказался вопрос об участии в убийствах львовских евреев военнослужащих украинского батальона «Нахтигаль». Официальные украинские историки участие «соловьев» в погроме отрицают, апеллируя к решению западногерманского суда по «делу Оберлендера» [29, 8]. Однако, как замечает А. Круглов, прокуратура Бонна установила, что «с большой вероятностью украинский взвод 2-й роты батальона «Нахтигаль» имел отношение к актам насилия в отношении согнанных в тюрьму НКВД евреев и виновен в смерти многочисленных евреев» [21, 13]. Существуют свидетельства того, что, по крайней мере, отдельные военнослужащие «Нахтигалья» принимали участие в уничтожении евреев.

Еще одна дискуссионная тема – участие в расстрелах евреев в Бабьем Яру сформированного из украинских националистов «Буковинского куреня». Об участии «Буковинского куреня» в убийстве киевских евреев пишут историки И. Фостий [41] и М. Коваль [4], однако в последнее время эта точка зрения подвергается сомнению [28]. Чья позиция более адекватна, понять невозможно, поскольку объем введенной в научный оборот информации по этому вопросу совершенно недостаточен.

Польский историк Г. Мотика посвятил львовскому погрому июля 1941 г. и теме взаимоотношения УПА и евреев два раздела

монографии «Украинское партизанское движение». Введя в научный оборот новые внутренние документы ОУН, Г. Мотика пришел к выводу, что украинские националисты рассматривали евреев как своих врагов. Одним из первых он обратил внимание на антиеврейскую деятельность СБ ОУН в 1943-1944 гг., а так же высказал предположения о числе уничтоженных УПА евреев [56, 96-99, 287-298].

Однако гораздо большее значение для изучения позиции ОУН-УПА по еврейскому вопросу, чем все предыдущие работы, имела вышедшая в журнале «Harvard Ukrainian Studies» статья К. Беркгофа и М. Царинника [48]. В этой статье была опубликована «Автобиография» одного из руководителей ОУН(Б) Я. Стецко, написанная летом 1941 г. «Москва и жидовство – главные враги Украины, – писал Стецко. – Поэтому стою на позиции уничтожения жидов и целесообразности перенесения на Украину немецких методов экстремизации [уничтожения] жидов, исключая их ассимиляцию и т. п.» [48, 162]. Авторам статьи были приведены и другие свидетельства антиеврейских взглядов руководства ОУН. Таким образом, была продемонстрирована ложность послевоенных заявлений Стецко, утверждавшего, что он препятствовал антиеврейским акциям. И хотя «Автобиография» Стецко была введена в научный оборот еще Ф. Левитасом [26, 179] и Д. Полем [58, 49], статья Беркгофа и Царинника привлекла гораздо больше внимания.

До этого вопрос об отношении ОУН-УПА к евреям находился на периферии внимания украинских историков и публицистов. Произведения «обличительной историографии» привычно игнорировались как ненаучные, работы историков Холокоста общественного внимания так же не привлекали. Украинская диаспора в США и Канаде не испытывала желания обсуждать проблемные страницы истории украинского национализма [46]. Не удивительно, что разработкой данной проблемы украинские историки практически не занимались; значимым исключением стала лишь опубликованная в 1996 г. статья исто-

рика Я. Грицака «Украинцы в антиеврейских акциях в годы Второй мировой войны» [14]. Кроме того, отдельные упоминания об антиеврейских акциях встречались в работах, посвященных боевой деятельности ОУН и УПА [33, 26; 7; 2].

Появление статьи Беркгофа и Царинника изменила положение вещей. Проигнорировать опубликованную в солидном академическом журнале статью было невозможно. Очень скоро увидел свет сокращенный украинский перевод этой работы [5]. Со стороны прооуновски настроенных украинских историков последовала настоящая волна критики; использованные исследователями документы попытались объявить «сомнительными» и даже «сфальсифицированными». Такое предположение относительно «Автобиографии» Я. Стецко, в частности, высказал львовский историк Тарас Гунчак [15, 253-264]. При этом, однако, аргументация Гунчака оказалось откровенно слабой, что было впоследствии продемонстрировано канадскими историками Т. Курило и И. Химкой [25, 253].

Попытки «отчистить» ОУН от обвинений в уничтожении евреев продолжались и далее. Были повторены старые аргументы об участии евреев в УПА и о «советской пропаганде», а также заявлено, что ни в ОУН, ни в УПА не отдавались приказы по уничтожению евреев [9, 133; см. также: 36]. Эти утверждения показали убедительными далеко не всем, свидетельством чему стали дискуссии историков и публицистов на страницах киевского журнала «Критика» [13; 19; 37; 46; 8].

Общественный интерес к проблеме и осознание ее политической значимости сыграли свою роль в том, что вскоре директор львовского Центра исследования освободительного движения Вятрович В. опубликовал книгу, ставшую практически первым монографическим исследованием позиции ОУН по отношению к евреям [6].

К сожалению, эту монографию нельзя охарактеризовать иначе, как ревизионистскую. Несмотря на все заклинания о «научной объективности», принципы использования

Вятровичем В. архивных документов не могут не вызывать изумления. Главным источником Вятровича В. при описании позиция ОУН по «еврейскому вопросу» стали пропагандистские материалы, распространявшиеся этой организацией. Разумеется, это достаточно ценный, хотя и специфический источник, использование которого требует осторожности и сопоставления с внутренними, не предназначенными для пропагандистских целей, документами. Однако Вятрович В., активно используя пропагандистские материалы ОУН, проигнорировал большую часть антиеврейских указаний, содержащихся в инструкции «Борьба и деятельность ОУН во время войны» (май 1941 г.). Не заметил Вятрович В. и других важных для проблемы исследования документов: обращения Краевого провода ОУН(Б) от 1 июля 1941 г., инструкцию № 6 проводника ОУН(Б) И. Климова (август 1941 г.), инструкций Службы безопасности ОУН о тайной ликвидации служивших в УПА евреев. Практически полностью им проигнорированы также воспоминания очевидцев, свидетельствующие об участии членов ОУН и УПА в уничтожении евреев. Проигнорированным оказался также целый ряд антисемитских статей, опубликованных в официальных изданиях ОУН.

Описывая предвоенную позицию ОУН по «еврейскому вопросу», Вятрович В. умудрился не сказать ни слова о масштабной антиеврейской акции, организованной ОУН на Волыни летом 1936 г. Акции, в результате которой крыши над головой лишилось около 100 еврейских семей. «Не замечает» Вятрович В. и многочисленных антиеврейских акций, производившихся членами ОУН летом 1941 г.

Не приходится удивляться, что в результате содержащиеся в монографии Вятровича В. выводы оказались совершенно неадекватными. Так, например, утверждается, что ОУН «не позволила себе в идейно-политической плоскости опуститься до антисемитизма» [6, 101]. Однако как иначе можно трактовать лозунг «Москва, Польша, Мадыяры, Жидова – твои враги. Уничтожай их!» [39, 129; 31, 261],

выдвинутый Краевым проводом ОУН(Б) в начале войны?

Имеющая весьма слабое отношение к науке, ревизионистская работа Вятровича В. была подвергнута серьезной критике как российскими, так и украинскими специалистами [16, 17-19; 25]. Тем не менее она оказалась востребована мечущейся в поисках «национальной истории» современной украинской властью. В начале 2008 г. Вятрович В. был назначен сначала советником председателя Службы безопасности Украины по научно-исследовательской работе, а затем начальником отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины. На этих постах Вятрович В. развернул активную работу по пропаганде ревизионистских взглядов на историю ОУН и УПА. Выступая в украинских СМИ, он регулярно заявляет о непричастности украинских националистов к уничтожению евреев в годы войны. И хотя с реальностью такие заявления не имеют ничего общего, от непрерывного повторения они могут получить в украинском обществе статус «общеизвестного факта». Характерно, что, несмотря на свою явную неадекватность, тезисы ревизионистов уже начали воспроизводиться в работах украинских студентов как полностью достоверные [27].

Как видим, несмотря на то, что вопрос об отношении ОУН и УПА к евреям неоднократно поднимался историками и публицистами, говорить о его полной исследованности не приходится. Одни работы слишком публицистичны и не отвечают строгим научным критериям, в других игнорируются не вписывающиеся в авторскую концепцию источники, третьи описывают лишь отдельные аспекты интересующей нас проблемы или затрагивают ее мимоходом. Трудно отделаться от мысли, что исследования последних полутора лет оказались не слишком продуктивными.

К счастью, присвоение осенью 2007 г. звания Героя Украины командующему УПА Р. Шухевичу и вызванный этим решением президента В. Ющенко общественный резонанс привели к интенсификации исследований

политики ОУН и УПА в отношении евреев. Автором этих строк в 2008 г. был опубликован первый (разумеется, несовершенный) вариант исследования «Второстепенный враг» [16; рец. см.: 32]. Канадский историк И. Химка опубликовал ряд статей, рассматривавших отдельные аспекты, связанные с антиеврейской политикой украинских националистов, а также сделал обобщающий доклад «Украинская повстанческая армия и Холокост» на 41-й национальной конференции Американской ассоциации содействия славянским исследованиям в Бостоне [25; 44; 54]. Ряд весьма интересных докладов, посвященных антиеврейским погромам на Западной Украине летом 1941 г., сделал канадский исследователь М. Царинник [51; 52]. Обобщающие данные об этих погромах привел украинский историк А. Круглов [55; 22]. Таким образом, в достаточно короткие сроки были исследованы антиеврейские установки политики ОУН в предвоенный период, роль украинских националистов в уничтожении евреев летом 1941 г., политика различных формирований украинских националистов по отношению к евреям в 1943-1944 гг.

Новый всплеск интереса к проблеме «украинский национализм и евреи» произошел в начале 2010 г., после присвоения президентом В. Ющенко звания Героя Украины С. Бандере. Это сомнительное решение вызвало протесты как со стороны международных общественных организаций [30; 35], так и Европейского Парламента, призвавшего украинские власти отменить посмертное награждение лидера ОУН [47]. Указ о награждении Бандеры вызвал серьезные дискуссии и в среде профессиональных историков: в публичной дискуссии, инициированной критической по отношению к решению Ющенко статьей профессора Альбертского университета Д. Марплза, приняли участие директор Канадского института украинских исследований З. Когут и профессор И. Химка¹.

¹ Полностью дискуссия опубликована в электронной рассылке кафедры украинских исследований Университета Оттавы «The Ukraine List». Украинский перевод ключевых статей см.: 40.

Впоследствии к дискуссии о роли Бандеры в украинской истории подключились и другие исследователи [57; 38; 23; 34]. Показательно, что одним из главных предметов дискуссии стал вопрос о причастности или непричастности ОУН и лично Степана Бандеры к проведению антиеврейской политики.

Как видим, несмотря на то, что вопрос об отношении ОУН и УПА к евреям неоднократно оказывался в сфере внимания исследователей, серьезные научные исследования стали появляться лишь во второй половине 1990-х гг. Исследователями были затронуты ключевые аспекты данной темы. М. Гон дал описание довоенных украинско-еврейских отношений. Усилиями таких историков, как Х. Хеер, М. Царинник, Б. Болл, А. Круглов и А. Ермаков исследованы ключевые антиеврейские акции начала июля 1941 г. и участие в них ОУН. Острые дискуссии разразились по вопросу об участии в убийствах евреев батальона «Нахтигаль» и «Буковинского куреня». Ф. Левитас, Ж. Ковба, И. Альтман, К. Беркгоф, М. Царинник и И. Химка исследовали политико-идеологические установки ОУН по «еврейскому вопросу», продемонстрировав их антисемитское содержание. И. Химка и Т. Курило дали краткий, но весьма информативный обзор публикаций, касающихся «еврейского вопроса» в официальных и полуофициальных изданиях ОУН конца 1920-х – 1930-х гг. Вопрос о служивших в УПА евреях и их судьбе предметом серьезного научного исследования так и не стал, несмотря на повышенное общественное внимание к данной проблеме. Одними из немногих историков, затронувших этот вопрос, стали Г. Мотика, описавший процесс уничтожения служивших в УПА евреев, и И. Химка, посвятивший участию УПА в истреблении евреев отдельное исследование. Несмотря на это, в период правления президента Украины В. Ющенко пользующиеся серьезной государственной поддержкой украинские историки-ревизионисты (В. Вятрович, А. Ищенко и др.) активно пытались внедрить в общественное сознание миф о непричастности ОУН и УПА к уничтожению евреев.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941-1945 гг. – М.: Фонд «Ковчег», 2002.
2. Антонюк Я. Діяльність СБ ОУН на Волині. – Луцьк: Волинська книга, 2007.
3. Арад И. Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941-1945). – Днепропетровск: Центр «Ткума»; М.: Центр «Холокост», 2007.
4. Бабин Яр (вересень 1941 – вересень 1943 рр.) // Український історичний журнал. – 1991. – № 9.
5. Беркгоф К., Каринник М. Організація українських націоналістів, її ставлення до німців та євреїв. Життєпис Ярослава Стецька від 1941 р. // Голокост і сучасність. – 2003. – № 1.
6. В'ятрович В. Ставлення ОУН до євреїв: Формування позиції на тлі катастрофи. – Львів: Мс, 2006.
7. Веденеев Д., Биструхін Г. Меч і тризуб: Розвідка і контррозвідка руху українських націоналістів та УПА (1920-1945). – Київ: Генеза, 2006.
8. Гірік С. Українсько-єврейський конфлікт 1941 року в Галичині: Спроба пошуку причини // Незалежний культурологічний часопис «І». – 2007. – № 48.
9. Гогун А., Вовк А. Евреи в борьбе за независимую Украину // Корни. – 2005. – № 25.
10. Гон М.М. «Комуністичний» фактор українсько-єврейських взаємин у Західній Україні (1935 – 1939 рр.) // Галичина. – Львів, 2003. – 36. 9.
11. Гон М.М. Із кривдою на самоті: Українсько-єврейські взаємини на західноукраїнських землях у складі Польщі (1935 – 1939). – Рівне: Волинська обереги, 2005.
12. Гон М.М. Українські праворадикали та євреї Західної України (друга половина 1930-х років) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. – Київ, 2006. – Вип. 15.
13. Грачова С. Вони жили серед нас? // Критика. – 2005. – № 4.
14. Грицак Я. Українці в антиєврейських акціях у роки другої світової війни // Незалежний культурологічний часопис «І». – 1996. – № 3.
15. Гунчак Т. Проблеми історіографії: історія та її джерела // Український визвольний рух. – Львів: Мс, 2005. – 36. 4.
16. Дюков А.Р. Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». – М.: REGNUM, 2008.
17. Ермаков А. Вермахт против евреев: Война на уничтожение. – М.: Яуза-пресс, 2009.
18. Ковба Ж. Людяність у безодні пекла: Поведінка місцевого населення Східної Галичини в роки «остаточного розв'язання єврейського питання». 3-е вид., випр. и доп. – Київ: Дух і літера, 2009. – С. 249.

19. Ковба Ж. У пошуках власної відповідальності // Критика. – 2005. – № 9.
20. Косик В. Гарвард патронує ненаукові методи історичного дослідження // Український визвольний рух. – Львів: Мс, 2003. – Зб. 1.
21. Круглов А. Львов, июль 1941: Начало уничтожения // Голокост і сучасність. – 2003. – № 5.
22. Круглов А. Погромы в Восточной Галиции летом 1941 г.: организаторы, участники, масштабы и последствия // Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы: Материалы международной научной конференции (Москва, 26-28 апреля 2010 года). – М.: Фонд «Историческая память», 2010.
23. Кулик В. Неуникний Бандера // Критика. – 2010. – № 3-4.
24. Курило Т. [Рец. на кн.:] Pohl D. Judenverfolgung in Ostgalizien, 1941-1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. München, 1997 // Україна модерна. – 2003. – № 8. – С. 227-235.
25. Курило Т., Химка І. Як ОУН ставилася до євреїв? Роздуми над книжкою Володимира В'ятровича // Україна модерна. – 2008. – № 2. – С. 253.
26. Левитас Ф.Л. Евреї України в роки Другої Світової війни. – Київ, 1997. – С. 180.
27. Михаленок И. Отношение Украинской повстанческой армии к евреям: свидетельства очевидцев // Проблемы еврейской истории: Материалы научных конференций Центра «Сэфэр» по иудаике. – М., 2009. – Ч. 2. – С. 143-149.
28. Нахманович В. Буковинський курінь і масові розстріли євреїв Києва в осени 1941 р. // Український історичний журнал. – 2007. – № 3.
29. Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: Фаховий висновок робочої групи істориків при урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА. – Київ: Наукова думка, 2005.
30. Организатор массовых убийств не имеет права носить звание Героя Украины! Заявление лидеров российских и зарубежных НКО. URL: <http://antirasizm.ru/index.php/news/211-mbhr-news-bandera-2010?ff64eda6be7c8c0a513b4f753d39ad99=5a0510dae055c782bfd437f1f9533b52> (дата обращения 17.08.2010).
31. ОУН в 1941 році: Документи / Упор. О. Веселова, О. Лисенко, І. Патриляк, В. Сергійчук; Передмова С. Кульчицький. – Київ: Інститут історії України НАНУ, 2006.
32. Павлов И. Следы зверя: ОУН и УПА в свете документов // Свободная мысль. – 2009. – № 9. – С. 205-208.
33. Патриляк І.К. Легіони Українських Націоналістів, 1941 – 1942: Історія виникнення та діяльності. – Київ: Інститут історії України НАНУ, 1999.
34. Портнов А. Контекстуалізація Степана Бандери // Критика. – 2010. – № 3-4.
35. Резолюция Международного антифашистского движения «О ситуации в Украине», г. Рига, Латвия, 16 марта 2010 г. URL: <http://www.wctj.org/resolution/detail.php?ID=794> (дата обращения 17.08.2010).
36. Рибак А.І. Українська держава у планах ОУН (1939-й – 1950-ті роки): Історико-політологічний аналіз. – Острог, 2007.
37. Русначенко А. Не про підручники йдеться // Критика. – 2007. – № 3.
38. Снайдер Т. Фашистський герой у демократичному Києві // Критика. – 2010. – № 3-4.
39. Українське державотворення. Акт 30 червня 1941: Збірник документів і матеріалів / Інститут української археографії та джерелознавства НАНУ; Упор. О. Дзюбан; Передмова В. Кук; Я. Дашкевич. – Львів; Київ: Піраміда, 2001.
40. Українці та Бандера: розбіжні погляди. Зенон Когут – Іван Химка // Критика. 2010. № 3 – 4.
41. Фостий І. Діяльність ОУН на Буковині у 1940 – 1941 рр. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 2000. – № 2-4.
42. Фрідман Ф. Винищення львівських євреїв // Незалежний культурологічний часопис «І». – 2009. – № 58.
43. Химка І. Воєнні злочини: біла пляма у колективній пам'яті північноамериканської української діаспори // Україна модерна. – 2006. – № 10.
44. Химка І. Достовірність свідчення: Реляція Рузі Вагнер про львівський погром влітку 1941 р. // Голокост і сучасність. – 2008. – № 2.
45. Царинник М. «Жиди, поляки та інша сволоч»: Руда Ружанецька, 30 червня 1941 р. Доклад прочитан на конференції «Вторая мировая война и (вос)создание исторической памяти в современной Украине» (Київ, 23-27 сентября 2009 г.). Машинопись, 2009.
46. Царинник М. Золочів мовчить // Критика. – 2005. – № 10.
47. B7-0120/2010 European Parliament resolution on Ukraine, 17.02.2010. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+MOTION+B7-2010-0120+0+DOC+PDF+V0//EN> (дата обращения 17.08.2010).
48. Berkhoff K.C., Carynyk M. The Organization of Ukrainian Nationalists and its Attitude toward Germans and Jews: Yaroslav Stets'ko's 1941 Zhyttiepis // Harvard Ukrainian Studies. – 1999. – № 3-4.
49. Boll B. Zloczow, Juli 1941: Die Wehrmacht und der

- Beginn des Holocaust in Galizien // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. – 2002. – № 10.
50. Boll B. Zloczow, July 1941: The Wehrmacht and the Beginning of the Holocaust in Galicia: From a Criticism of Photographs to a Revision of the Past // Crimes of War: Guilt and Denial in the Twentieth Century. – New-York, 2002.
51. Carynnyk M. “Jews, Poles, and other scum”: Ruda Różaniecka, Monday, 30 June 1941. Paper prepared for the Fourth Annual Danyliw Research Seminar in Contemporary Ukrainian Studies, Ottawa, 23-25 October 2008. Typescript, 2008.
52. Carynnyk M. The Zolochiv Pogrom of 1941: Paper prepared for the forty-first national convention of the American Association for the Advancement of Slavic Studies, Boston, 12-15 November 2009. Typescript, 2009.
53. Heer H. Blutige Ouvertüre: Lemberg, 30 Juni 1941: Mit dem Einmarsch der Wehrmachtstruppen beginnt der Judenmord // Der Zeit. 2001. – № 26.
54. Himka J.-P. The Ukrainian Insurgent Army and the Holocaust: Paper prepared for the forty-first national convention of the American Association for the Advancement of Slavic Studies, Boston, 12-15 November 2009. Typescript, 2009.
55. Kruglov A. Jewish Losses in Ukraine, 1941-1944 // The Shoah in Ukraine. History, testimony, memorialization. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2008.
56. Motyka G. Ukraińska partyzantka, 1942-1960: Działalność Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów i Ukraińskiej Powstańczej Armii. Warszawa: Rytm, 2006.
57. Motyl A. Difficult Task Defining Bandera's Historic Role // The Moscow Times, 11.03.2010.
58. Pohl D. Judenverfolgung in Ostgalizien, 1941-1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. München: Oldenbourg, 1997.

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 9.908

Барсукова А.В.

*Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт (г. Коломна)*

РОЛЬ ГОСТЕЙ В ТОРГОВЛЕ КОЛОМНЫ XVII ВЕКА*

A. Barsukova

*Moscow Region State Institute of Humanities
and Social Studies (Kolomna)*

THE ROLE OF GUESTS IN THE TRADE OF KOLOMNA in 17TH CENTURY

Аннотация. В статье на основе различных видов письменных источников показана эволюция форм участия гостей в экономической жизни подмосковной Коломны на протяжении XVII столетия. Последовательно было прослежено, что на рубеже XVI - XVII вв. на коломенском рынке вели торговлю лишь гости местного происхождения Петровы-Юрьевы и знаменитые Строгановы, но после 20-х гг. XVII в. Коломна, как важный экономический центр, вошла в сферу деловых интересов крупнейших торговцев Г.Л. Никитникова и С.А. Левашова. Если первоначально заботы гостей, за исключением Петровых-Юрьевых, были связаны с транзитной торговлей зерном, солью и рыбой, то со второй половины XVII в. гости стали активно включаться в местные товарно-денежные отношения, приобретая своих агентов в торговле и предпринимательстве. Изучаются общие и особенные черты торговли русского города XVII в. по материалам Коломны.

Ключевые слова: торговля России XVII в., гости, региональный рынок, письменные источники, товарно-денежные отношения, купеческий род.

Abstract. The article based on different types of written sources shows the development of the guests' concern forms in an economic life of Kolomna, the town situated near the Moscow, during the XVII century. In research it was found out that at the turn of the XVI - XVII centuries only local guests Petrov-Yuriev family and famous Stroganov family, conducted trade at the Kolomna market. The situation was changed after 20ies of the XVII century. Kolomna came into the sphere of business interest of such tradesmen as G.L. Nikitnikov, S.A. Levashov, as an important economic center. First guests dealt only with transit trade of grain, salt, and fish, but in the second half of the XVII century they became more interested in the local commodity-money relations, and they have their own representatives in trade and entrepreneurship. The research analyses common and peculiar features of Russian town trade in the XVII century illustrated by Kolomna.

Key words: trade of Russia in the 17 century, guests, regional market, written sources, commodity-money relations, merchant clan.

В XVII столетии торговля России переживала подъем. Ведущую роль в ней играла купеческая верхушка – представители привилегированной корпорации гостей, которые вели дела и на внешнем, и на внутреннем рынке. В настоящей статье определяется роль торговой элиты в экономической жизни подмосковной Коломны. Последняя, являясь достаточ-

* © Барсукова А.В.

но крупным рынком, занимала видное место как транзитный пункт в снабжении Москвы.

Коломна была родиной гостей Петровых-Юрьевых (т.н. «Коломнетиных»), известных по источникам с середины XVI в. Родоначальником их был некий Петр (вторая половина XV в.), имевший сына Юрия (первая половина XVI в.). На основе архивных источников была прослежена их связь с городом по двум направлениям – владение дворами и наличие стационарной собственности на торгу.

В 1577/78 г. два гостя, братья Никифор и Иван Юрьевы дети Петровы, владели двумя дворами и 13 лавками. Совместно они держали по две лавки в Большом Суконном, Иконном, Сапожном, по одной – в Большом Щепетинном, Старом Рогожном, Чупрунном рядах. Персонально за И. Петровым числилось пол-лавки в Сермяжном ряду, а за Н. Петровым – лавка в Большом Соляном ряду. Из состава рядов, где были торговые заведения гостей Петровых-Юрьевых, видно, что они сосредоточили свои интересы на довольно разнородной торговле текстильными и кожевенными изделиями, солью, иконами, домашним рукоделием. О размерах торговых операций свидетельствует наличие в их собственности двух кладовых лавок – складских помещений, необходимых для хранения оптовых товарных партий [5, 39-41, 43, 45, 50-52, 54]. К 1598 г. Петровы-Юрьевы, скорее всего, уже жили в столице, но не потеряли связей с родным городом [4, 51]. Они сохраняли здесь свои дворы и лавки вплоть до 70-х гг. XVII в.. Так, в 1623/24 г. Василий Иванов сын Юрьев, названный уже московским гостем, не только владел двором площадью 510 кв. саж., но и держал индивидуально и в совладении «с братьями» 5 торговых объектов – в Рыбном ряду (две лавки), в Соляном, Житном и Солодяном, Москотильном рядах (по одной лавке)¹. Переписная книга 1646 г., четко локализуя двор

¹ Писцовая книга г. Коломны писцов Галицкой четверти А.Л. Ушакова и подьячего Д. Брянцева. 1623/24 г. // Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 201. Л. 69 об., 70 об., 191 об. -192об., 212 об.-213, 237 об.-238, 276-276 об.

гостя В. Юрьева на территории коломенского кремля²; упоминает еще и его племянника гостя Ивана Васильева сына Юрьева, за которым по описанию 1623/24 г. значилось лавочное место в «Соляном Новоприбылом» ряду³. Перечень рядов показывает, что с 20-х гг. XVII в. Петровы-Юрьевы направили свою активность на самые выгодные направления коломенской торговли (пользующиеся наибольшим спросом соль, рыба, зерно, солод). О прочных местных интересах Петровых-Юрьевых в Коломне первой половины XVII в. свидетельствует патронат над храмом Николая Гостиного, старейшего храма коломенской купеческой корпорации. Гость В. Юрьев профинансировал его капитальный ремонт в 1641 г. и дал сюда ряд вкладов [6, 23, 38-39]. Линию молитвенного обращения к Николаю Угоднику, покровителю путешественников по воле купцов, продолжил сын гостя В. Юрьева Фёдор (1643-1678 гг.)⁴, который сделал запись о поминовении рода в Зарайском Никольском соборе⁵.

Для православного человека, проживавшего в России того времени, была естественной практика делать вклады и пожертвования на поминовения своего рода. Записи о них фиксировались в особых церковных книгах – синодиках. Род Петровых-Юрьевых представлен в поминаниях Голутвина Богоявленского и Бобренева Богородице-Рождественского монастырей. В синодике первой обители содержатся записи о поминовении рода, сделанные от имени родоначальника фамилии «Юрия Петрова», одного из его сыновей «Иоанна Юрьева» и представителя рода в пятом колене – «Алексея Федорова

² Переписная книга г. Коломны писцов Поместного приказа Ф.П. Неелова и подьячего Г. Богданова 1646 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед.хр. 206. Л. 954 об.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 201. Л. 248-248 об.

⁴ Для гостей здесь и далее в скобках приводятся даты упоминания их в составе привилегированной корпорации по: Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т.1. М.,1998.

⁵ Синодик Зарайского Николаевского собора. Середина XVII в. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее: ОР РГБ). Ф. 310. Ед. хр. 153. Л. 78 об.

сына Юрьева» [7, 76, 86]. В 1577/78 г. Никифор Юрьев сын Петров был вкладчиком загородного Бобренева монастыря, для икон двух архангелов церкви Рождества Пречистой Богородицы «приложил венцы серебряны золочены, а в них три камня, два лазоревы, третьей червчет» [5, 61]. Во второй половине XVII в. вкладчиками Бобренева монастыря от рода Юрьевых были Федор Васильевич и его сыновья, Алексей и Иван¹. Таким образом, синодики двух крупных коломенских обителей зафиксировали период активного участия и поддержания постоянных связей гостей Петровых-Юрьевых с Коломной (совпадающий с данными других источников) с середины XVI в. до конца 70-х гг. XVII в.

Вторым видным родом гостей в Коломне были Строгановы – крупнейшие торговцы и предприниматели России XVI-XVII вв. Благодаря им город стал важным центром реализации и перераспределения на дальнейшие рынки сбыта прикамской соли. С 70-х гг. XVI в. до начала 80-х гг. XVII в. Строгановы держали в Коломне соляные амбары [5, 55]. Они активно использовали недвижимость в Коломне, о чем свидетельствует деловая запись от 5.01.1578 г. о «разделе между Семеном Аникиевичем, Максимом Яковлевичем и Никитой Григорьевичем по третям соли и всякой рухляди, находящейся в Переяславле и на Коломне» [3, 98-99]. Один из упомянутых в источнике представителей рода Строгановых, совладелец соляного амбара в Коломне и внук основоположника династии Аники Федоровича, – Максим Яковлевич – получил звание гостя в мае 1610 г., а также право писать отчество с «-вичем» и называться «именитым человеком» [3, 57]. Грамотой царя Михаила Фёдоровича от 1614 г. это пожалование было подтверждено и расширено по кругу лиц на детей именитых людей Максима Яковлевича и Никиты Григорьевича [9, 157]. Таким образом, Строгановы по своему правовому и финансовому положению признавались выше всех торговых объединений.

¹ Синодик церкви Рождества Богородицы Бобренева монастыря г. Коломны. 1798 г. // Коломенский краеведческий музей (далее – ККМ). Ед.хр.160. Л.8.

Поэтому наличие собственности в Коломне столь крупных предпринимателей, как Строгановы, подчеркивало их значение в процессах оборота торговых и товарных капиталов на формирующемся всероссийском рынке.

С 20-х гг. XVII в. собственность гостей Строгановых в Коломне составляли два двора с соляными амбарами. Один из дворов принадлежал сыновьям Семена Аникеевича – Андрею (1610–1649 гг.) и Петру (1610–1639 гг.)². После 1668 г. сохранявшийся во владении рода двор держала Агафья Тимофеевна Строганова, супруга Данилы Ивановича, племянника упомянутого Андрея Семеновича. К 90-м гг. XVII в. характер собственности Строгановых изменился. Вместо дворов и соляных амбаров за внуком Андрея Семеновича, именитым человеком Григорием Дмитриевичем Строгановым, числились лавки в Масленом и Судовом, Орешном рядах. Его дела в Коломне вели несколько приказчиков – И. Коровин и М. Кудрявцев, активно отстаивавшие интересы хозяина³. О систематическом участии Строгановых в экономической жизни Коломны свидетельствует запись о поименовании рода «именитых Иоанникиевых детей Строгановых» в Синодике церкви Рождества Богородицы Бобренева монастыря⁴.

Как и Строгановых, соляная торговля привлекла в Коломну одного из самых видных и богатых торговых людей России первой половины XVII в. – Григория Леонтьевича Никитникова (1613-1651 гг.), платившего со своего соляного двора, расположенного на посаде, в год 20 руб. оброка в земскую избу [8, 80]. По данным 1646 г., вел дела Г. Никитникова «дворник Игнатко Микитин»⁵. После его смерти соляной двор, дававший большие прибыли, прикупил еще один гость, выходец из новгородской торговой элиты – Семен Афанасьевич Левашов (1657-1669 гг.).

Таким образом, Петровы-Юрьевы, Стро-

² РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Ед. хр. 201. Л. 328об.

³ Переписная книга оброчных объектов г. Коломны, составленная подьячим В. Алексеевым. 1696 г. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Коломна. Ед. хр. 2. Л.112об., 250-251.

⁴ ККМ. Ед. .хр.160. Л.12.

⁵ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Ед. хр. 206. Л. 95б.

гановы, Г.Л. Никитников, С.А. Левашов сделали коломенский рынок около устья Москвы-реки важным экономическим центром соляной торговли страны, прямое и посредническое участие в которой привлекало в город большое число денежных и товарных капиталов. Недаром путешественник середины XVII столетия Павел Алеппский дал такую характеристику Коломны: это «город богатый и знаменитый <...> здесь бывает сборище всех купцов» [1, 152].

Во второй половине XVII в. произошли перемены в формах участия представителей корпорации гостей в экономической жизни Коломны. К этому времени в составе оброчников коломенского посада встречается ряд гостей. Это связано с тем, что посадские тяглецы просроченные кредиты покрывали своей заложенной недвижимостью (дворами и торгово-промышленными заведениями). Таким путем в деловой среде города появились члены корпорации гостей рода Шустовых, выходцев из крестьян окских дворцовых сел Ловец и Дединова. Через Коломну они вели свои операции, а затем у них сформировались интересы на местном рынке.

Гость Василий Федорович Шустов (1675-1704 гг.) в зачет денежного долга размером 310 рублей с полтиною в 1682 г. получил во владение «лавку с двором и с омшеником» в Старом Хмелевом и Гротовом ряду. Его интересы представлял в Коломне приказчик И. Федоров¹. Подтверждением постоянных отношений этого гостя с Коломной служит запись о поименовании «рода гости Шустовых Василея с братьями» в Синодике церкви Рождества Богородицы Бобренева монастыря². Другой представитель этого же рода Григорий Федорович Шустов (1675-1712 гг.), являвшийся с 1660-х гг. старостой очень влиятельной в торговых кругах Кадашевской слободы Москвы, обладал огромным имуществом, наиболее ценную часть которого составляли соляные варницы в Соли Камской. В 1707 г. он «дал вкладу 13 рублей да десять пудов железа» в Богоявленский Го-

лутвин монастырь на поименование своего рода [7, 76]. Подобный интерес гостей братьев Шустовых к обителям, расположенным рядом с экономически важными для Окско-Волжского бассейна коломенским торгом и пристанями был объективен, т. к. их предпринимательская деятельность интенсивно развивалась в данном регионе, ориентированном на столичный рынок.

Как и братья Шустовы, гость Василий Гаврилович Шиловцев (1675-1699 гг.), подписавший от имени еще суконной сотни Новоторговый устав 1667 г., кредитовал коломенских посадских людей. Его гарантией в случае неустоек по займам являлось покрытие долгов недвижимостью: дворами, дворовыми или огородными местами. Например, Я. Круговой взял займы 20 рублей на 1676-1677 гг., за что «заложил двор свои и дворовое место и огородную землю и с садом <...> на Коломне в Запрудной слободе в приходе церкви Бориса и Глеба»³. К этому гостю обращались не только малоимущие коломенцы, но и представители таких крупных торговых семей города, как Москвитиновы, оформившие займ на 300 рублей⁴.

Коломенцы, вступая в долговые отношения, брали кредиты как деньгами, так и товаром, что делало их своеобразными «агентами» гостей, создавая систему односторонних деловых обязательств. В свою очередь, гости создавали своеобразную «сетевую» торговлю по городам России. По судебным делам последней трети XVII в. удалось определить несколько фамилий гостей, связанных с торговой деятельностью коломенских посадских людей. Так, гость Василий Гаврилович Стоянов (1651-1689 гг.) из числа новгородской торгово-предпринимательской элиты (владел соляными варницами в Старой Руссе и на Мшаге), был ведущим участником все-

³ Выпись по судному делу посадского человека г. Коломны И. Набокова с гостем В. Шиловцевым о владении огородом в г. Коломне. 1680-1681 гг. // РГАДА. Ф.159. Оп.4. Ед.хр. 237. Л. 3.

⁴ Судное дело по иску гостя В.Г. Шиловцева к посадскому человеку г. Коломны Ф.И. Москвитину о взыскании заёмных денег. 1686 г. // РГАДА. Ф. 159. Оп. 4. Ед. хр. 472. Л. 3.

российского рынка и крупным держателем финансового капитала [2, 78]. В 1676 г. он и его сын Алексей открыли кредит коломенским посадским людям Ослоповым солью и денежной суммой в размере 50 рублей, которыми коломенцы «торговали год». Следовательно, товарные и денежные капиталы гостей позволяли коломенцам поддерживать свою экономическую активность. Однако из-за неудачного расчета или «за скудостью» они могли перейти в личную зависимость от своего привилегированного кредитора.

Другой гость, В.Г. Шиловцев, опираясь на особый юридический статус, обратился за разбором дела о своем наемном работнике А. Ялфимове напрямую к царю Феодору Алексеевичу. Ялфимов обвинялся в воровстве, за что преследовался коломенским воеводой И.С. Крюковым¹. Это хороший пример такой привилегии гостей, как освобождение их и зависимых от них людей от подсудности местным властям. Все возбуждавшиеся против них судебные иски подлежали рассмотрению только царем или его специально уполномоченным лицом и разбирались в приказах. С другой стороны – это иллюстрация формы опосредованного участия гостей в экономической жизни Коломны, демонстрирующая, что в торговле города были представители гостей, на которых распространялся особый правовой режим, являвшийся дополнительным фактором дифференциации ее участников.

Кроме займа денежных и товарных капиталов, коломенцы нанимались на работу к представителям корпорации гостей, что фиксировалось артельными кабальными записями. Например, выполнением определенных работ для Алексея Осиповича Суханова (1663/64-1689 гг.), гостя родом из Костромы, был обязан коломенский посадский человек Иван «Емельянов» Трофимов².

¹ Дело по челобитной гостя В. Шиловцева о неподсудности его коломенскому воеводе. 1680 г. // РГАДА. Ф.159. Оп.4. Ед.хр.151. Л.307.

² Дело по взаимным искам вдовы гостя М.Ф. Сухановой и посадского человека г. Коломны И.Е. Трофимова о взыскании заёмных и товарных денег. 1684 г. // РГАДА. Ф.159. Оп. 4. Ед. хр. 379. Л. 1.

Итак, в конце XVI - начале XVII в. в Коломне торговали лишь гости местного происхождения: Петровы-Юрьевы и знаменитые Строгановы. После 1620-х г. торговые интересы здесь закономерно появились у крупнейших торговцев Г.Л. Никитникова и С.А. Левашова. Поначалу заботы гостей (кроме Петровых-Юрьевых) были связаны с транзитной торговлей хлебом, солью и рыбой. Во второй половине XVII в. гости стали активно включаться в местные товарно-денежные отношения (наем и кредит), обрстая своими агентами в торговле и предпринимательстве.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алеппский Павел. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом П. Алеппским. Вып II.: от Днестра до Москвы. М., 1897.
2. Варенцов В.А., Коваленко Г.М. Хроника «бунташного» века: очерки истории Новгорода XVII века. Л.: Лениздат, 1991. 157с.
3. Введенский А.А. Торговый дом XVI—XVII вв. Л.: Путь к знанию, 1924. 182 с.
4. Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т.1. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 524 с.
5. Извлечение из приправочного списка с писцовой книги г. Коломны и Коломенского уезда Д.П. Житова и Ф. Камынина 1577/78 г.: г. Коломна. (1618 г.?) // Города России XVI в.: материалы писцовых описаний / Отв. ред. М.Я. Волков, З.В. Дмитриева. М.: Древлехранилище, 2002. С.1-76.
6. Мазуров А.Б. Храм Николы Гостиного в Коломне. Коломна: Лига, 2009. 120 с.
7. Мазурова Н.Б., Мазуров А.Б. Синодик Коломенского Старо - Голутвина монастыря начала XVIII в. как исторический источник // Вестник КГПИ: научно-методический журнал. 2007. № 1. С. 61-103.
8. Тришкан И.Е. Из истории казенных соляных дворов XVI-XVII вв. // Государственные учреждения России XVI-XVIII вв.: сб. посвящается памяти А.Д. Горского. М., 1991. С.77-97.
9. Хронологический реестр разных документов и случаев, относящихся до истории о Строгановых // Пермский край: сборник сведений о Пермской губернии / Сост. Ф.А. Волегов. Т. 3. Пермь, 1895. С. 149-175.

УДК 091

Гутиева М.А.

Горский государственный аграрный университет (г. Владикавказ)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ОПЫТ И УРОКИ ИСТОРИИ*

M. Gutieva

Gorsk State Agrarian University (Vladikavkaz)

FRAMEWORK OF RUSSIA'S NATIONAL POLICY IN THE NORTHERN CAUCASUS: THE EXPERIENCE AND THE LESSONS OF HISTORY

Аннотация. Кавказ был и остается важным узлом национальных и религиозных противоречий, жесткого военного и политического противостояния, участие в котором вынуждена принимать Россия с момента своего естественного геополитического расширения на Юг. Боевые действия на Северном Кавказе в 1990-е гг. и начале нового XXI в., в той либо иной степени затронувшие все местные народы, заметно обострили интерес к историческому прошлому этого региона, к многогранной и истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе. В представленной статье с позиций взвешенного объективного анализа показаны особенности национальной политики России в этом регионе.

Ключевые слова: национальная политика, межнациональные отношения, политическая интеграция, этнические элиты, национальные особенности.

Abstract. The Caucasus has always been and now remains an important hub of national and religious controversy, fierce military and political confrontation in which Russia has to take part since the beginning of its natural geopolitical extension to the south. Hostilities in the North Caucasus in the 1990's and at the beginning of the new XXI century affected each local nation in varying degrees and visibly increased interest to the historical past of this disquieting region, particularly, to the polyhedral and complicated history of the state nation-building in the North Caucasus. This article submits specific features of Russian national policy in terms of a weighted objective analysis.

Key words: national policy, inter ethnic relations, political integration, ethnic elites, national characteristics.

На современном этапе в России все большую актуальность приобретает проблема регионального сепаратизма на Северном Кавказе, который является прямым следствием накопившихся противоречий в национальном развитии как всей страны, так и этого региона. В большинстве случаев сепаратистские настроения основываются на предвзятых оценках исторического прошлого России, той роли, которую она сыграла в исторической судьбе кавказских народов. Формирование тенденциозных представлений об исключительно насильственном присоединении Кавказа к России имеет огромный разрушительный потенциал, который нельзя недооценивать. Влияние на появление сепаратистских настроений негативных знаний о прошлом подтверждается многими исследователями [8; 9]. Опасность подобных интерпретаций особенно возросла на современном этапе, когда стратегические притязания на окраинные территории России объявили многие страны.

Россия, как полагают современные российские и зарубежные исследователи, никогда не была колониальной империей. Так, Л.С. Гатагова пишет: «В пользу утверждения, что Россия не была колониальной империей, можно выстроить целую систему доказательств, начиная с географического фактора, который обусловил «живые токи коммуникаций» (в отличие от европейских стран и их колоний, разделенных морями и океанами), а также апеллируя к

* © Гутиева М.А.

политическим установкам, которыми руководствовалось самодержавие в своей бесконечной экспансии: рассматривать вновь приобретаемые территории как естественное продолжение России» [1, 237].

Структура многонациональной Российской империи оставалась сложной и неоднозначной. Известный западный специалист А. Каппелер замечает: «Российская империя в том виде, в каком она сформировалась к началу XIX в., отличалась сильной гетерогенностью, которая не поддается определению с помощью таких ярлыков-штампов, как «российское унитарное государство», «православная империя» или «колониальная держава» [2, 119].

В колониальной зависимости от России никогда не находилась северо-западная периферия империи. И хотя центральные области России, особенно обе ее столицы, переживали стремительный хозяйственный, социальный и культурный подъем, все же и Царство Польское, и Финляндия, и Прибалтийские провинции сохраняли явное преимущество в социально-экономическом и социально-культурном уровне развития. Эти регионы использовали для нужд своей экономики российский рынок сбыта и импорт сырья из России. По состоянию и уровню развития сельского хозяйства большинство регионов на западе и юге империи также отличались в лучшую сторону от российского центра и от областей на востоке страны.

Исторический опыт присоединения Северного Кавказа к Российской империи свидетельствует о том, что в отличие от других империй российскому типу была свойственна интеграция инородческих окраин, «гражданское приобщение» инородцев. Россия значительно отличалась от тех колониальных империй, в которых метрополии долгое время старались сохранить неэквивалентный обмен, а жители колоний не имели гражданства метрополии. Национальная политика России на Северном Кавказе, особенно в советский период, была ориентирована на скорейшее выравнивание статуса центра и национальной периферии.

Имперское освоение пространства чревато в итоге государственной деструкцией. Как отмечает В.В. Макаренко, «сутью имперской формы организации является неравномерность развития географического пространства при объективной взаимосвязанности и взаимозависимости его частей. Неравномерность развития приводит к тому, что прорывы на качественно новый уровень в области духа, вооружений или промышленности происходят локально, а затем стремительно распространяются вширь, сплавивая окружающее пространство в империю. Но затем освоение периферией культурных и военно-политических новшеств готовит изживание имперской формы организации пространства» [4, 81].

Указанная тенденция к универсализации власти внутри империи, унификации провинций с системообразующими территориями имперского центра выливается в явление, которое сформулировано Г.С. Кнабе так: «Империя изживает себя, когда провинции догоняют центр». Экономический аспект этой проблемы выступает как «противоречие между основной целью империи, состоящей в эксплуатации провинций в интересах господствующего народа, следовательно, в недопущении их самостоятельного развития сверх определенных границ, и реализацией этой цели, которая предполагает прогрессивное развитие производительных сил провинций, иначе неспособных быть экономическим и военным резервом империи» [3, 76]. Рано или поздно это развитие провинциальной экономики (и неизбежное при этом формирование новых групп интеллектуальной, культурной, профессиональной и экономической провинциальной элиты) приводит к гомогенизации экономического пространства империи, к исчезновению в нем структурных различий. Как отмечает О.В. Ситникова, «в результате выравнивания провинций и центра неэквивалентный обмен становится невозможен, части превращаются в соперников, империя распадается» [7, 77].

Исторический опыт развития России свидетельствует о том, что обогащения титульно-

го народа империи за счет народов Северного Кавказа, равно как и за счет других инородцев, не происходило. Этот факт В.А. Матвеев выделяет в качестве особенности российской модели государственности [5, 54]. С этой точкой зрения, в целом, можно согласиться. Россия тем и отличалась от классических колониальных государств, наподобие Британской империи, что инородцы зачастую имели весомые фискальные льготы, в сравнении с великороссами. Б.Н. Миронов полагает, что один из основных принципов национальной политики России «состоял в создании некоторых преимуществ в правовом положении нерусских сравнительно с русскими» [6, 31; 33]. Как имперское, так и советское правительство с помощью налоговой системы и иных мер способствовало искусственному выравниванию уровня развития различных национальных территорий страны в интересах политической целостности государства.

Нельзя не заметить гибкость политики Российской империи в отношении народов Северного Кавказа. При присоединении тех или иных регионов с народами, имевшими государственность, заключался формальный договор. С теми же, кто ее не имел, все ограничивалось принесением присяги на верность царю. Добровольное присоединение осуществлялось в форме протектората, переходившего со временем в полное подчинение.

Иначе решался вопрос при завоевании. В этом случае административное общественное устройство завоеванных областей зависело от воли России, которая обычно предоставляла завоеванной области широкую автономию, не приводившую к ее обособлению в отдельное государство. Степень автономии зависела от многих обстоятельств. Основным принципом политики на инкорпорированных территориях Кавказа было сохранение существовавшего до вхождения в состав России порядка, местных законов и учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры. Проходило несколько десятилетий, прежде чем вводились общероссийские порядки, но вплоть до 1917 г. полной административной, общественной

и правовой унификации в так называемых национальных окраинах не произошло.

Национальные критерии в России никогда не являлись определяющими при продвижении по социальной лестнице. Различные народы имели равный этнический статус. Благодаря этому между социальным статусом и национальностью отсутствовала связь, а политическая, военная, культурная и научная элиты России были многонациональными и включали в себя представителей других, в том числе и северокавказских народов [5, 54].

Объективный анализ позволяет выявить ряд преимуществ в правовом положении народов Северного Кавказа сравнительно с русскими (на них не распространялось крепостное право, не вводились или вводились на более легких основаниях рекрутская и воинская повинности и т. д.). Отдельные этносы Северного Кавказа пользовались налоговыми и иными льготами. При этом Кавказ, безусловно, находился под более жестким управлением, нежели, к примеру, западные окраины страны. В то же время правление этим регионом во многом находилось в руках самих горцев, точнее – лояльных империи элит [10, 67].

С.Ю. Витте отмечал: «Вся ошибка нашей многодесятилетней политики – это то, что мы до сих пор еще не сознали, что со времени Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская империя. Когда около 35% населения – инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белоруссов, то невозможно в XIX и XX вв. вести политику, игнорируя этот исторический капитальной важности факт, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю, – их религию, их языки и проч.»¹.

Интеграционная политика России на Северном Кавказе всегда опиралась на значительные слои местного общества, ориентированные на развитие торгово-экономических и социокультурных контактов с Империей. Совмещение военно-политических огра-

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 543. Оп. 1. Д. 460. Л. 5.

ничений с гарантиями невмешательства во внутренние дела позволило существенно расширить численность пророссийски ориентированных местных сообществ. В итоге для народов Северного Кавказа Россия стала не только государственным образованием на полиэтнической основе, но и объединительной идеей, Родиной.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гагагова Л.С. Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996. – 354 с.
2. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. – М., 2000. – 212 с.
3. Кнабе Г.С. Империя изживает себя, когда окраины догоняют центр // Восток. – 1991. – № 4. – С. 64-76.
4. Макаренко В.В. Неравномерность развития создает империю, изживание неравномерности ведет к кризису // Восток. – 1991. – № 4. – С. 80-85.
5. Матвеев В.А. Россия и Кавказ в объективе исторических познаний. – Армавир, 1998. – 156 с.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). 3-е изд. – М., 2003. – Т. 1. – 478 с.
7. Ситкикова О.В. При выравнивании провинций и центра неэквивалентный обмен невозможен, части превращаются в соперников, империя распадается // Восток. – 1991. – № 4. – С. 76-79.
8. Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: концепция этнической субъектности. – Ростов-на-Дону, 1997. – 293 с.
9. Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы съезда ученых-кавказоведов (27-28 августа 1999 г.) / Под ред. В.Г. Игнатова. – Ростов-на-Дону, 2000. – 319 с. и др.
10. Шнайдер В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. – М., 2005. – 277 с.

УДК 2-79 (470.319) “18/19”

Мищенко В.В.

*Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского
(филиал в г. Новозыбкове)*

**СЕКТАНТСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ОРЛОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII-XIX вв.¹**

T. Mishchenko

Bryansk State University name after I.G. Petrovsky (Branch in Novozybkov)

**SECT IN TERRITORY OF THE ORYOL PROVINCE
IN THE END OF XVIII-XIX CENTURIES**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с появлением сектантства в Орловской губернии как особой группы населения. Исследуется возникновение мистического сектантства (хлысты, скопцы) на территории Орловской губернии в конце XVIII-XIX вв. Изучается проникновение на Орловщину в XIX в. рационалистического сектантства (штундисты).

Ключевые слова: сектантство, Орловская губерния, скопцы, хлысты, штундисты, статистика сектантов, география расселения.

Abstract The article discusses issues related to the emergence of sectarianism in the Orel province as a distinct population group. Investigate the occurrence of mystical sectarianism (whips, eunuchs) in the Orel province at the end of XVIII - XIX centuries. We study the penetration of Orel in the XIX century. rationalistic sects (stundists).

Key words: sectarianism, Orel province, eunuchs, whips, Stundists, statistics sectarians, distribution.

1 © Мищенко В.В.

В условиях современной обстановки, переживаемой российским обществом, обострения религиозных конфликтов, необходимо глубокое взаимопонимание не только между представителями различных религий, но и между различными конфессиональными группами.

Объектом исследования являются конфессиональные группы сектантов Орловской губернии. Предметом исследования выступают исторические условия их формирования на территории данного региона.

Исследуемый регион (Орловская губерния) интересен разнообразным этноконфессиональным составом. Территория Орловской губернии являлась сферой распространения сектантства. На протяжении XVIII-XIX вв. на Орловщине обосновались христоверы (хлысты), молокане, субботники, штундисты. Орловскую губернию также можно считать родиной скопчества.

Характерно, что изучаемые конфессиональные группы сектантов проживали в центральной части губернии (Кромской, Малоархангельский, Орловский, Болховский уезды), северо-западные (Брянский, Карачевский уезды) и юго-западный (Севский уезд) уезды, то есть в Нечерноземном регионе, где развивались подсобные промыслы и фабрично-заводское производство. В Орловском, Карачевском, Болховском было распространено пенькотрепание. В Дмитровском, Трубчевском, Брянском, Кромском – ломка камня, мела, фосфора, выжигание извести. В Болховском, Брянском, Дмитровском – маслобойни, канатное и веревочное производство. В Брянском и Трубчевском – рубка и пилка леса, добывание древесного угля и смолы, судостроение и гонка плотов по реке Десна. В Малоархангельском уезде – добывание торфа, дубильни, выделка сукна, ковров, шерстяных поясов. В восточных, земледельческих уездах промыслы были менее развиты, за исключением Елецкого, где процветало кружеплетение.

В дореволюционной историографии принято делить секты на мистические и рационалистические. Это деление, правда, не име-

ет официального подтверждения: «русское законодательство по делам веры и церкви православной не знает деления сектантов на рационалистов и мистиков» [3, 431]. 16 августа 1864 г. Особый Временный Комитет по раскольничьим делам ввел классификацию «раскольников» на две категории – более вредных и менее вредных.

Тем не менее Д. Грацианский, аргументируя правильность классификации сектантства на рационалистическое и мистическое, писал: «Деление это имеет коренную верность — потому, что помимо сектантства типы людей по психологическому складу имеют классификацию по двум направлениям: воли и чувства... Под эти категории отчасти подходят... и все виды неверия и уклонения от вселенской церковной истины... К рационалистическим относятся шелапуты и молокане с их разветвлениями, к мистическим – хлысты, скопцы, малеванцы, духоборы, постники» [5, 973].

Один из первых советских исследователей сектантства В.Д. Бонч-Бруевич предлагал свою классификацию сектантства. В основу своей классификации В.Д. Бонч-Бруевич положил отношение сектантов к повседневной жизни, делам, политике, церкви. Есть исследователи, которые делят секты на простонародные и интеллигентные, но такое деление вряд ли можно считать верным так как, например, и к хлыстам и к скопцам принадлежат как люди из народа, так и интеллигенты [7, 47]. Несмотря на разные варианты классификации сектантства, в исторической науке закрепилась классификация сект на мистические и рационалистические.

Возникновение хлыстовской секты связывают с именем крестьянина Владимирской, по другим данным, Костромской губернии Данилы Филипыча, объявившего себя Богом. Он заявил: «Аз есмь Бог... нет другого Бога кроме меня», – и дал своим последователям двенадцать заповедей. Объявив себя воплотившимся «Саваофом», превышшим «Богом» (в 1645 г.), он стал распространять свое учение по Костромской, Владимирской и Нижегородской губерниях. Ревностным

помощником был крестьянин Владимирской губернии, Муромского уезда, Иван Тимофеев Суслов. После смерти Данилы Филипыча и Сулова Христом был признан один из стрельцов – Прокопий Лупкин, после стрелецкого заговора сосланный в Нижний Новгород. Он распространял учение в Нижегородской и Ярославской губернии. В 1716 г. вместе с несколькими последователями он был схвачен здесь и предан суду; но вскоре отпущен на свободу. С тех пор он окончательно поселился в Москве со своей женой Акулиной Ивановной, которую выдавал за «богородицу». В 1733 г. было произведено первое следствие о хлыстовской секте. По решению Верховного Совета 116 сектантов были наказаны кнутом и разосланы в разные места Сибири. Наиболее активные распространители – «пророчица и богородица Агафья Карпова», «пророки» Феодор Муратин и Тимофей Струков – были казнены¹. Другие сектанты были наказаны кнутом и сосланы в Сибирь; некоторые же после наказания плетью оставлены на прежних местах жительства.

Следствие и казни не остановили распространение хлыстовщины. Кроме Московской, Нижегородской, Костромской, Владимирской и Ярославской губерний, секта появилась в Рязанской, Орловской, Тверской, Симбирской, Пензенской и Вологодской; в Петербурге образовался хлыстовский корабль с лжехристами Иваном Феодоровым Чуркиным и после него Алексеем Ивановым и «богородицей» Авдотьей Прокофьевой [1, 19]. В Москве явился свой «Христос», юродивый Андриан Петров, крестьянин из Орловской губернии. В 1745 г. возникло второе следствие о хлыстах, продолжавшееся до 1752 г. К следствию было привлечено 416 человек, в числе которых были священники, монахи, монахини и другие. Из них многие были сосланы на тяжкие работы, а другие были отправлены в дальние монастыри или препровождены на прежнее местожительство².

¹ См. подробнее: РГАДА. Ф.301. Оп.1. Д.3.

² См. подробнее: РГАДА. Ф.301. Оп.1. Д.2.

Со скопцами впервые государственная власть столкнулась в 1772 г. Жена Трифона Емельянова сообщила священнику деревни Маслово Орловской губернии о том, что мужа ее забрали в рекруты незаконно, потому лишь, что он узнал тайну еретиков, «скопивших себя сами». Сказанное звучало странно, но поскольку женщина называла священнику фамилии трех оскотившихся односельчан, тот написал рапорт в Святейший Синод, в котором передал услышанное. Из Петербурга в губернское правление пришло распоряжение проверить полученную информацию. Врач осмотрел поименованных в полученном распоряжении крестьян – Михаила Петрова (32 года), его отца Петра Петрова (50 лет) и Кондратия Порфенова (37 лет) – то сразу стало ясно, что мужчины действительно кастрированы. Когда выяснилось, что донесение священника соответствует истине, следствие проявило необыкновенную дотошность в деле установления истины. В течение месяца была вскрыта широкая сеть скопческих общин, распространившихся чуть ли не по половине Орловской губернии. Удалось установить, что «скопческие семьи» проживали в 24 деревнях и помещичьих имениях. Численность секты нового толка составляла 43 человека (39 мужчин и 4 женщины); еще около 50 человек клонились к тому, чтобы принять новое учение, но не успели это сделать [14]. Руководил сектой Андрей Иванович Блохин, 30 лет, он был арестован 28 мая 1772 г. Все они почитали некую Акулину Иванову, женщину, наделенную даром всеведения и прорицания. Скопческие и хлыстовские предания приписывали ей многочисленные пророчества и чудотворения. Помимо Акулины Ивановой сектанты почитали и Павла Петрова, крепостного крестьянина графа Шереметьева, который тоже творил разнообразные чудеса. Расследование, назначенное губернатором, закончилось арестом скопцов. Отличительной чертой расследования 1772 г. следует признать то, что властям практически не пришлось пытаться подсудимых, поскольку они давали показания не особенно запираясь. Конспиративная традиция скоп-

цов на тот момент еще не успела оформиться, и сектанты охотно рассказывали о себе и своей вере.

Расследование установило, что всего были оскоплены 32 человека (все мужчины). Непосредственно кастрацию осуществляли Андрей Блохин и его друг Кондратий Трифонов (Селиванов). Когда материалы расследования были доложены Екатерине Второй, она так сформулировала задачу государственной власти в отношении нового вероучения: «удушение в самом начале подобных безрассудных глупостей». Императрица посчитала, что рядовых сектантов наказывать не следует, а вот зачинщики должны понести заслуженное наказание. Андрея Блохина выпороли кнутом на глазах жителей его родной деревни Брасово, после чего сослали на вечные работы в городок Нерчинск, на серебряные рудники. Михаила Никулина высекли батогами на рыночной площади в городе Орле и также отправили «в каторжные работы». Был наказан батогами и еще один сектант — Алексей Сидоров — который после порки тоже был отправлен на каторгу. Все остальные сектанты были отпущены на свободу без телесных наказаний и каких-либо поражений в правах.

Однако большая часть приверженцев странного изуверства скрылась, в том числе Кондратий Селиванов. Информация о нем постепенно накапливалась. Так, удалось установить, что этот человек был родом из деревни Столбище Севского уезда Орловской губернии. Разным людям он был известен под разными фамилиями: Трифонов, Трофимов, Никифоров. Менял он и имена — был Фомой, Андрияном, Андреем, Иваном [4, 295]. Но в 1775 г. был пойман властями. Весной 1775 г. православный священник одного из орловских храмов Иван Емельянов сообщил полицмейстеру, что ему стало известно о случае оскопления двух мальчиков в деревне Сосновка [14]. Поиски по горячим следам привели к задержанию человека, который назвался Кондратием Селивановым. Следствие установило, что это и есть тот самый Кондратий Трифонов, избежавший поимки

тремя годами ранее. Фамилия «Селиванов», которой он назвался при задержании, так и закрепилась за ним, хотя на самом деле это не была исконная его фамилия. Селиванов был порот плетьюми и в том же 1775 г. отправлен в каторжные работы в Сибирь.

От хлыстовства скопчество переняло организационную структуру (общины-«корабли» с христами, богородицами и пророками) и практику экстатических радений. По мнению П.И. Милюкова, «скопчество сначала было своеобразным монашеским орденом в рамках хлыстовской общины, а отделилось лишь по прошествии длительного времени» [11, 116-117].

Характерно, что на протяжении полутора столетий Орловщина была местом не только возникновения или временного пребывания, но и местом постоянного жительства сектантских общин. Официальные данные по Орловской губернии позволяют выделить в середине XIX в. присутствие в регионе представителей скопцов, хлыстов, молокан, субботников.

«Во второй половине 1849 г. скопчество получило особое развитие в Орловской губернии: там непрерывно возникали дела об оскоплении большого или меньшего числа людей, даже открыт оскопитель. Начальник Губернии доносил Министерству, что скопчество быстро распространяется по Кромскому уезду, что там вдруг оскопилось до 70 человек и что многие из оскопленных с дерзостью приходили в суд и объявляли о своем оскоплении» — так характеризует ситуацию в Орловской губернии чиновник министерства внутренних дел Н. Варадинов [3, 344].

Официальная статистика отмечает рост количества сектантов. В частности это видно на примере скопцов: их количество в 1878 г. увеличивается до 58 человек.

Власти на местах сами признают активность скопцов. Севский уездный исправник в своем рапорте отмечает: «В 1844 г. по решению Правительствующего Сената все скопцы бывшие в Севском уезде сосланы в Сибирь и в другие отдаленные места... До конца 1865 г. о существовании этой секты во

вверенном мне уезде не было даже малейшего слуха»¹. «В ночь со дня 11 сентября 1867 г. караульщик солдатской слободы севский мещанин Тимофей Степанов заявил полиции, что у Чижова в доме происходят моленье на распев»². «По заявлению члена комиссии Августинович, что скопцы употребляют при богомолии платки, надевая их на указательный палец. Комиссия не могла не обратить внимание на огромное количество платков, не сообразимое с числом потребителей, коих кроме местных и бывших в употреблении найдено 38 бумажных, шелковых, шерстяных и еще не разорванных примерно 24, в кусках или штуках»³. Скопцы себя именовали «белыми голубями» (в отличие от «серых голубей» — хлыстов). На радениях у скопцов обязательно должны были быть белые платки, которые они называли «покровами».

Из показаний следствия по оскотлению Бирюковым: «...обнаружилось 43 человека, пострадавших от изуверства Бирюкова»⁴, в материалах того же дела государственный крестьянин Орловского уезда деревни Маслово Апполон Алексеевич Маслово показывает, что «... из числа оскотившихся 53 человек, содержусь только я один»⁵.

В 1901 г. Русская Православная Церковь предоставляет другие данные о численности скопчества: «Число зараженных здесь [в Орловской епархии] скопчеством приходов доходит до 49; в них в настоящее время насчитывается до 216 душ мужского пола и до 600 – женского» [12, 547]. В отчете о состоянии рационалистического и мистического сектантства, кроме статистических данных, указываются и основные центры распространения скопчества. Это Орловский, Мценский, Карачевский, Кромской, Дмитровский, Болховский, Малоархангельский и Ливенский уезды [8, 37].

Кроме скопчества в Орловской губернии была распространена хлыстовщина, но в гораздо меньшем масштабе. «К этому тече-

нию принадлежит 105 мужчин и 112 женщин в 5 приходах Ливенского, Елецкого, Брянского Трубчевского уездов» [8, 39].

Врач-психиатр П.И. Якобий в начале XX в. опубликовал исследование, в котором он объясняет причины большого количества психических заболеваний в Орловской губернии, наличие кликушества и даже эпидемий религиозного экстаза. «В 1898 г. в Супоневе вспыхнула психиатрическая эпидемия религиозного характера, охватившая все население большого села (слишком 1000 домов), и подавшая повод к погромам и к судебному следствию» [16, 12]. Автор связывает эти явления с проживанием на этой территории племени вятичей, которых он считает финно-угорским племенем, зажатым с двух сторон славянами. «Вот уже два с половиною столетия, что в Вятичской области свило себе гнездо одно из самых странных, самых изуверских, по мнению нашего духовенства, сект, именно хлыстовство, к которому с 18 века присоединилось еще скопчество. Поставленный в необходимость, как эксперт, изучить хлыстовство, и в литературе его, и по судебным делам, и исследовавшем самих хлыстов, я представил судебно-психиатрическую работу, в которой говорю, что под влиянием психического расстройства эпидемического характера, в массовом населении поднимаются еще очень поверхностно лежащие не заглушенные историческими и культурными наслоениями, примитивные инстинкты и психо-общественные формы. По моему исследованию хлыстовство, как религиозное верование и как культ, есть возвращение к почти чистому шаманизму восточно-финской расы: как общественный склад (ненависть и гадливое отношение к браку, предписание непременно вести беспорядочную половую жизнь, «свальный грех», «радения» с их половой распущенностью, и т. д.) хлыстовство есть возвращение к коммунальному браку, к примитивному гетэризму, к священной проституции. Нет сомнения, что все это составляет очень резкие этнические черты, характеризующие своеобразную этническую индивидуальность» [16, 15].

¹ ГАОО. Ф. 580. Оп. 1. Д.2182. Л.1.

² ГАОО. Ф. 635. Оп.2. Д.4. Л.4 об.

³ ГАОО. Ф. 5. Д.1172. Л. 359 об.

⁴ ГАОО. Ф. 5. Д.1172. Л. 404.

⁵ ГАОО. Ф. 5. Д.1172. Л. 174.

Современных историков продолжает интересовать природа русского мистического сектанства. Л. Энгельштейн, в соответствии со своей идеей об оскоплении – подражании распятию, полагает, что определенную роль в генезисе скопчества сыграло широкое распространение практики телесных наказаний в России XVIII в.: «Распятие Христа превращало жестокость светской казни в божественную драму. Это – старинный христианский мотив. Однако для крестьян екатерининской России кнут, иногда становившийся причиной смерти, был не отдаленным воспоминанием или метафорой, но реальностью, которую многие испытали на своей коже. Эта близость подкрепляла исходную сверхъестественную связь: распятие и порка были формами боли и насилия, исполненными морального и духовного значения. Кастрация была столь же значимым мучением, на сей раз причиняемым самому себе» [15, 37].

Менее всего в Орловской епархии проявлялось рационалистическое сектанство. «Этого сектанства у нас держатся только люди пришлые из других губерний (молокане, пашковцы на Брянском заводе) или же наши собственные крестьяне долго проживавшие на чужой стороне (штундисты в Орловском, Малоархангельском, Брянском, Трубчевском уездах и пашковцы в приходах Орловского, Кромского, Болховского уездов)» [8, 39].

Молоканство получило широкое распространение, особенно в среде государственных и помещичьих крестьян, а также среди городских элементов. В 30-х гг. XIX в. в России, по официальным данным, их насчитывалось около 200 тысяч [6].

В Орловской губернии молокане проживали еще с XVIII в., хотя известно о них стало правительству только в 1814 г. «Первыми в числе открывшихся молокан было 33 человека из села Барилова [Болховский уезд], о которых орловский епископ в отношении своем гражданскому губернатору изъявил, что люди те издавна содержат иконоборческую секту и обрядов православной веры не соблюдают» [10, 585]. Лидером орловских

молокан начала XIX в. был живший в г. Болхов ямщик Семен Нечушкин. Суд признал их преступниками на основании статей 237 и 243 устава благочестия. При таком повороте событий одиннадцать вернулись в православие, 21 остались при своих убеждениях и оставлены под стражей, а позднее сосланы на «Молочные Воды» в Таврическую губернию. Во второй половине XIX в. представители духоборческой секты по-прежнему проживали на территории Орловской губернии в Болховском уезде.

Во второй половине XIX столетия по всей Малороссии быстро стала распространяться новая секта штундистов. Начала штундизма в России нужно отнести к 1862 г., но первое известие о появлении его было напечатано в «Одесском Вестнике» от 14 марта 1868 г.

В семидесятых и восьмидесятых годах штундизм распространился по всему югу России, заходя на севере в Орловскую губернию. Профессор Буткевич в своей книге «Обзор русских сект» приводит следующие сведения о распространении штундизма: «В восьмидесятых годах прошлого столетия штундизм охватил уже весь юг и центральные губернии России. Штундистские общины (и даже в значительном числе) существовали уже, как это видно из всеподданнейших отчетов обер-прокурора Св. Синода за 1873-1885 гг., в следующих губерниях: Волынской, Подольской, Екатеринославской, Таврической, Полтавской, Орловской, Бессарабской, Воронежской, Харьковской, Калужской, Пензенской, Рязанской, Нижегородской, Тамбовской, Оренбургской, Самарской, Саратовской, Смоленской, в земле Войска Донского и даже в Москве» [2, 438]. Центрами распространения штундизма в Орловской губернии были Орловский, Малоархангельский, Брянский, Трубчевский уезды [8, 41]. Как видим штундизм распространялся там, где отсутствовало старообрядческое население.

Эти учения заносились в различные пункты Орловской епархии местными крестьянами, возвращавшимся с заработков с юга России. При возникновении секты некоторое влияние, по словам самих сектантов, оказала

пропаганда одного из трубчевских уроженцев, Кусакина, который ходил на заработки в Мелитопольский уезд и там познакомился с учением штундистов.

«Библейское общество» в деревнях Любцы, Глыбочка, Сагутьево Трубчевского уезда Орловской губернии появилось в 1880 г., где, по словам самих сектантов, от безземелья «житья не стало». Доктрина и организация «библейских христиан» были продиктованы практическими мотивами. Сектантская община штундистов появилась впервые в селе Любцы Трубчевского уезда. Поводом к образованию и отделению от православия послужило поведение местного священника. Талантами, о которых говорилось в евангельских притчах, священник называл деньги и все свои действия направлял на стяжание этих «талантов». Он установил твердую таксу на все требы и на молебны различным святым и иконам и вымогал с крестьян. От него не отставали монахи соседнего монастыря, постоянно являвшиеся на село за поборами «на Божию мать». Эти вымогательства стали тяжким бременем для бюджета любцовцев, и без того страдавших от безземелья.

Доведенные до крайности, любцовцы, люди основательные и трезвые, не гоняясь за «духом», обратились к Библии и сейчас же нашли там, что было им нужно: священник должен быть под наблюдением прихожан, которые могут удалить его, если он не подходит к требованиям, установленным самим апостолом Павлом; а последний, кроме всего прочего, требовал, чтобы клирики были честны, благочинны, трезвы, некорыстолюбивы и несребролюбивы [13, 391].

Любцовцы решили, что духовенство не только не удовлетворяет этим требованиям, но подлежит осуждению от самого бога, провозглашенному через пророков Исаию и Иезекииля: теперешние попы и монахи — это «псы, жадные душою и не знающие сытости», «все, каждый до последнего, смотрят на свою корысть», «едят тук и волну (шерстью – авт.) одеваются, а стада не пасут» [12, 391]. Найдя в Библии разрешение проблемы о пастырях, любцовцы стали проверять Биб-

лией и все то, чему учило духовенство. Таким путем была выработана идеология, чрезвычайно сходная с лютеранской догмой. В ней было мало оригинального, но вся она была проникнута трезвой мужицкой сметкой.

Организация постепенно создавалась также чисто практического характера. «Библейские христиане» не ушли из мира и не осудили современное им государство и общество. Собственность в их глазах была священной, воровство считалось тяжелым грехом; наемный труд вполне законен, только надо честно «разбираться с батраками». Они исправно несли все повинности, молились за царя и считали существование сословий вполне естественным и разумным делом. В семье власть мужа и отцов не только не оспаривалась, но получала еще новое обоснование из писания, путем подбора соответствующих мест из Ветхого завета. Общины «библейских христиан» стали своеобразными кредитно-кооперативными организациями, помогавшими сектантам выбиваться из нужды и из бедняцкого состояния подниматься на следующие ступени. Центр тяжести заключался в учреждении при каждой общине кассы взаимопомощи, капитал которой составлялся из взносов членов; так как бедняцкие элементы одни своими средствами не могли создать значительных фондов, то в общины стали допускаться и зажиточные элементы. Эти кассы платили за неимущих братьев казенные налоги, выдавали пособия в случае неурожая или неудачи в делах; в особенности охотно давались ссуды вступающим новичкам, если хозяйство последних было в расстроеном состоянии. Эти кассы освобождали «библейских христиан» от цепких лап деревенских кулаков, которые и повели против «библейских христиан» кампании в любцовском и сагутьевском обществах обычными средствами: угощением мира водкой и составлением приговоров об исключении из общества и отобрании наделов. При этом они пытались вернуть заподозренных в штунде в лоно православной церкви: «С согласия и ведома и священника и начальства заперли заподозренных штундистов в церк-

ви, принесли стол, накрыли чистой скатертью, поставили икону и стали выводить по одному. – Приложись! – Не хочу прикладываться к идолам... – А! пороть тут же. Послабже которые, после первого же раза, возвращались в православие. Ну, а которые до 4 раз выдерживали» [Цит. по: 9, 338].

Одновременно с деревенскими богатеями повели кампанию и местные священники, по доносу которых в 1883 г. был возбужден судебный процесс против любцовских штундистов. Процесс кончился приговором сектантов к переселению на Кавказ. В 1898 г., в деревне Глыбочке, Трубчевского уезда в 1898 г. было штундистов 40 душ обоего пола, включая сюда и 21 душу детей; сослано же было в Закавказье, по постановлению окружного суда, в том же году лишь 7 человек, за совращение ими других лиц в штунду.

Из Трубчевского уезда Орловской губернии пропаганда «библейских христиан» пошла в соседние губернии: Тамбовскую, Воронежскую, Пензенскую, Смоленскую, Рязанскую, Калужскую, т. е. главным образом в те губернии, где условия землепользования были сходны с Орловской губернией, как, например в Тамбовской, Пензенской и Воронежской.

Обобщая сказанное, надо отметить наличие в конце XVIII-XIX вв. в Орловской губернии устойчивых замкнутых конфессиональных групп – сект. Устойчивость сект на протяжении полутора столетий можно объяснить их постоянным пополнением из крестьянской среды. Наиболее многочисленными из них были христоверы (хлысты) и скопцы, на что указывали косвенные признаки, но не официальная статистика. К причинам, породившим это явление, относят причины психического характера, духовного склада орловских крестьян.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондарь С.Д. Секты хлыстов, шалопутов, духовных христиан, старый и новый Израиль и субботников «иудействующих». – Пг., 1916.
2. Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. – Харьков, 1910.
3. Варадинов Н. История распоряжений Министерства внутренних дел по расколу. – Т. VIII. – СПб., 1863.
4. Высоцкий Н.Г. Первый скопческий процесс. – М., 1915.
5. Грацианский Д. Что такое секта вообще и «рационалистическая» и «мистическая» – в частности // Миссионерское обозрение. – 1904. – № 6-10.
6. Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. М. 1964 [Электронный ресурс]// URL: http://www.krotov.info/lib_sec/04_g/gre/grekulov.htm.
7. Далецкая В.Ю. Политика российского государства и церкви в отношении сектантов XVIII-XIX веках. Специальность 07.00.02: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2005.
8. Краткий отчет о состоянии рационалистического и мистического сектантства и борьба с ним в Орловской епархии за 1901 год. – Орел, 1903.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 5. – М., 1967.
10. Ливанов Ф.В. Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. В 4-х томах. – Т. 2. – Изд. 1-е. – СПб., тип. М. Хана, 1870.
11. Милуков П.И. Очерки по истории русской культуры в 3-х тт. – Т. 2. – Ч. 1. – М., 1994.
12. Миссионерское обозрение. – 1901. – №№ 1-5.
13. Никольский Н.М. История русской церкви. – М., 1985.
14. Пеликан Е.В. Судебно-медицинские исследования скопчества и исторические сведения о нем. – СПб., 1872 // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс]// НПП «Гарант-Сервис».
15. Энгельштейн Л. Скопцы и Царство небесное. – М., 2002.
16. Якобий П.И. Вятчи Орловской губернии. Исследование. Географо-этнографический этюд. – СПб., 1907.

УДК 745/749 (470.341) “19”

Моркунцов С.А.

Московский государственный гуманитарный университет

**КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
И НАПРАВЛЕНИЯ ИХ РАЗВИТИЯ К СЕРЕДИНЕ XIX в.***

S. Morkuntsov

Moscow State Humanitarian University

**DOMESTIC INDUSTRIES OF NIZHNIY NOVGOROD PROVINCE
AND THE DIRECTION OF THEIR DEVELOPMENT TO THE
MIDDLE OF THE XIX-TH CENTURY**

Аннотация. В статье отражены сдвиги в кустарной промышленности Нижегородского края, происходившие в середине XIX в., характеризующиеся теоретическим понятием «протоиндустриализация». В силу объективных условий протоиндустриализация экономики кустарей протекала здесь эволюционно. Комплементарные условия развития кустарных промыслов Нижегородской губернии определили их особое место в социально-экономическом строе крестьянских хозяйств и обусловили региональную специфику модернизационных процессов в кустарной отрасли экономики.

Ключевые слова: кустарные промыслы, протоиндустриализация, модернизация, традиционное хозяйство.

Abstract. In the article the shifts in the domestic industry of Nizhniy Novgorod province, occurred in the middle of the XIX-th century, characterized by theoretical concept «protoindustrialization» are presented. By the virtue of objective conditions protoindustrialization of handicraftsmen's economy proceeded here evolutionary. Complimentary conditions of the development of domestic industries of Nizhniy Novgorod province defined their special place in social and economic base of the country facilities and caused regional specific character of modernization processes in handicraft branch of economy.

Key words: handicraft, protoindustrialization, modernization, traditional economy.

Нижегородская губерния в плане развития кустарной промышленности занимала одно из первых мест в России. Жители губернии вполне воспользовались выгодами ее положения при слиянии двух рек – Оки и Волги. Нижегородская ярмарка как содействующая успешному сбыту изделий значительно способствовала развитию промыслов.

Несмотря на явную недостаточность источников, отражающих состояние кустарных промыслов Нижегородской губернии к середине XIX в., тем не менее имеющиеся материалы позволяют наметить основные тенденции их социально-экономического развития, составляющие содержание, описываемое континуумом протоиндустриализации.

Важнейшим промыслом в губернии являлся лесной, в особенности развитый в заречной стороне, в Балахнинском, Семеновском и большей части Макарьевского и меньшей – Васильского уездов, изобилующих лесом. В первом уезде процветало судостроение; во втором – приготовление в огромном количестве ложек, чашек и вообще щепной посуды; в третьем – мочальный и рогожный промыслы.

Другим по значимости и масштабам распространения следовал замечательнейший и занимающий большее число рук металлический промысел, укоренившийся преимущественно в Горбатовском уезде: селах Павлово, Ворема и других 40 селениях этого уезда, занятых производством стальных и железных изделий (замков, перочинных и столовых ножей, ножниц,

* © Моркунцов С.А.

брить, столярных, слесарных, токарных и даже хирургических инструментов). В особенности павловские замки, ножи и ножицы приобрели себе значительную известность. Производством весовых коромысел славилась в Семеновском уезде целая местность под названием «Красная Рамень». В прибрежных селениях Балахнинского уезда ковали якоря и другие судовые принадлежности. В селе Безводном Нижегородского уезда выделывалась проволока и морские рыболовные снасти. Крестьяне Семеновского, Балахнинского и многих селений, прилегавших к большим проезжим и торговым трактам в Нижегородском и Арзамасском уездах, занимались кузнечеством.

Кожевенная отрасль, хотя и в большей степени представленная фабричным производством, также включала большой сегмент кустарной промышленности. Переработка кожевенного сырья была сосредоточена в пригородах Арзамаса, являвшегося центром производства юфти и скорняжества. Например, крестьяне села Выездного владели сапожным мастерством. В Васильском и Княгининском уездах преобладало овчинное производство; особенную известность приобрели мерлушки, дубленые овчины, производимые жителями села Мурашкино. Село Катунки Балахнинского уезда славилось своими опойками, село Богородское – рукавицами и шорным товаром.

К числу промыслов, занимавших значительное количество рук, относился войлочный промысел нижегородских крестьян. Так, в Семеновском уезде до 100 небольших селений занимались валянием обуви и шляп, этим же промыслом занимались во многих селениях Балахнинского и Горбатовского уездов.

В кратком обзоре мы ограничились лишь кратким упоминанием наиболее развитых отраслей кустарной промышленности Нижегородского края. Подробное описание поуездного расположения кустарного производства и его специализации содержится в «Памятной книжке Нижегородской губернии на 1865 год» (с. 49-74). Кроме того, даль-

нейшая детализация общей картины территориального размещения и номенклатуры выпускаемой кустарями продукции является предметом поиска местных краеведов. Предмет настоящего исследования состоит в другом – в определении направлений социально-экономической мобильности кустарных промыслов, проявившихся в дореформенную эпоху и первый пореформенный период, наполнявших содержанием процессы, предшествующие и подготавливающие модернизацию мелкой крестьянской промышленности Нижегородской губернии.

Имеющиеся данные позволяют говорить о высоком уровне товарности кустарных промыслов Нижегородчины. Причем товарный характер мелкой сельской промышленности проявился задолго до XIX столетия. Одни кустарные районы были связаны региональными, другие – общенациональными торговыми отношениями. Так, например, изделия ардатовских кустарей (веревки и канаты из с. Сакон, деревянная посуда, бочки и бочонки из с. Сарминского Мандана, лапти из д. Ужовки и с. Нучи) поставлялись в Тульскую и Воронежскую губернии. Жители семнадцати селений этого же уезда продавали конопляное семя и пеньку в Москву, Владимир, Муром и Воронеж [5, 55]. Васильковские крестьяне являлись традиционными поставщиками лесоматериалов (бревен, досок, брусьев, смолы, дегтя, поташа) в Саратов и Астрахань [5, 51].

Сбыт продукции горбатовских кустарей «бывает большей частью на Нижегородской ярмарке, кроме того, кожевенных и слесарных – в Санкт-Петербург и Москву, на ярмарках Ростовской, Лебедянской и других ярмарках и городах Российской империи и на месте. Мыло и прядильные изделия большей частью продаются на месте; сани, телеги, валенные и теплые сапоги, топоры, смола и деготь – на базарах Горбатовской, Арзамасской и Владимирской губерний, Муромского, Гороховецкого и Вязниковского уездов; скипидар идет преимущественно во Владимирскую губернию и частью в низовые города».

Благодаря исключительной товарности

промысловых занятий крестьян Нижегородской губернии уже к середине XIX в. сформировались кустарные «гнезда», специализирующиеся на производстве одного вида продукции. Так, в третьем выпуске «Нижегородского сборника» корреспондент губернского статистического Комитета священник А. Борисовский описал кузнечно-топорный и бердовый промышленные районы с центром в деревне Красногорке [4, 235-239]. Причем эти «гнезда» выросли на основе промыслов, существовавших «с незапамятных времен».

Самым обширным кустарным «гнездом» являлся Павловский металлообрабатывающий район в Горбатовском уезде. Объединяя население почти тридцати крупных сел, металлообрабатывающий район охватывал более 7 000 взрослых работников, что составляло седьмую часть всего населения уезда. Село Павлово, считавшееся колыбелью стале-слесарного производства Нижегородской губернии, специализировалось на производстве замков. Другой центр района – Ворсма – специализировался на выпуске перочинных, столовых и хлебных ножей; в с. Шутилове, Поляне, Банникове и Охотине ковали гвозди, а в селе Селидьбе – топоры.

Большую известность во всей стране получил Семеновский ложкарный район, который объединял население 12-ти сел. Всех видов семеновской ложки насчитывалось десять, а именно: «1) складная, 2) межеумок, 3) тонкая и хлыстовка, 4) барская, 5) сибирка, 6) староверческая, 7) жидовка, 8) носковая, 9) детская и 10) дюжинная или чайная» [8, 20].

Нижегородская губерния, несмотря на выгодное месторасположение между востоком и западом империи, наличие Волжской транспортной коммуникации и включение в систему национальных торговых связей, не являлась в середине XIX в. губернией с развитой крупной промышленностью, что создавало благоприятные условия для эволюционного развития кустарных промыслов. Например, испытывавший во второй половине XIX в. негативные последствия индустриализации кузнечный промысел в Московской губернии [2, 21-72] благополучно

развивался в Нижегородчине. При среднем годовом доходе кустика Нечерноземья в 180–200 руб. валовый доход кузнеца Нижегородской губернии составлял «в сутки 7 рублей; в неделю – 42 руб.; в месяц – 168 руб.; в полгода – 1000 руб. сер.» [4, 236]. Сбыт топоров был настолько значимым, что требовал от кустарей покупки специальных свидетельств от казначейства.

Всего фабрик и заводов в губернии, по сведениям статистического Комитета за 1862 г., насчитывалось 474, с числом рабочих – 13 918 и общей выработкой за год в 4 117 687 руб. Для сравнения, менее промышленная Московская губерния превосходила Нижегородскую губернию по числу фабрик и заводов в 3 раза, по численности рабочих крупных промышленных предприятий – в 10 раз, по годовой выработке – в 10 раз [4, 237].

В большинстве отраслей Нижегородской промышленности крупное и мелкое производство имели практически монопольные сферы деятельности и лишь в стале-слесарном и кирпичном производствах было занято сопоставимое число кустарей и фабричных рабочих. Однако абсолютные цифры, отражающие количество участников производства в этих отраслях, позволяет уверенно говорить только о потенциальной возможности конкуренции. В целом кустарная промышленность Нижегородчины не испытывала деструктивных последствий индустриализации.

Менее ощутимые последствия форсированной индустриализации и капитализации создавали здесь более благоприятные условия для сохранения традиционного уклада промысловых хозяйств. Несмотря на исключительную товарность кузнечного и бердового промыслов, промышленные занятия совмещались с земледелием. «Деятельность топорно-кузнечного промысла, – писал А. Борисовский, – бывает более оживлена в свободное от полевых работ время, особенно зимнее» [4, 235].

Само по себе совмещение промышленной деятельности с сельским хозяйством или даже доминирование последнего не со-

ставляло характерной особенностью нижегородских кустарных хозяйств, достаточно прочное положение традиционной отрасли было присуще и экономике крестьян-промышленников Московской губернии [6, 1-302]. Вместе с тем, важной чертой, обусловленной отсутствием в Нижегородской губернии жесткого прессы капиталистической экспансии и конкуренции с крупным производством, являлась невысокая интенсивность концентрации мелкой кустарной промышленности, стимулируемой, помимо прочих других причин, в Московской и Владимирской губерниях активным насаждением фабрик и заводов [4, 237].

Даже в Павловском стале-слесарном районе, где сама специфика отрасли предполагала механизацию и техническое оснащение трудового процесса, требующую капитальных вложений, концентрация производства шла медленными темпами. У большинства павловских металлистов отсутствовало даже специальное помещение для промышленных занятий. «Особые помещения для мастерских здесь весьма редки: даже в таких селах, как Павлово, Ворсма, Озябниковский Погост, Варез, где вовсе нет запашки, где лето и зиму кормятся промыслом, даже там мастерская обыкновенно совпадает с жилым помещением; о деревнях, где промысел ведется не круглый год, и говорить нечего», – говорится в описании Павловского района В.Н. Григорьева [3, 15-16].

Процесс концентрации производства в Павловском районе проходил эволюционно на основе традиционных ценностей. Решающими факторами появления крупных предприятий была не величина капитала или наличие совершенных машин, но, прежде всего, уникальные умения мастеров и трудовые затраты.

Например, средний недельный доход «настоящих мастеров», выпускавших сложные замки, составлял 5 руб., а кустарей, изготавливающих замки «расхожих сортов», – всего 2 руб. 50 коп. Среди замочных специалистов самый большой заработок приходился на ковалей, так как его работа была «настолько тя-

жела, что он занимался промыслом только 5 дней в неделю, делая себе праздник посреди недели» [3, 62-63].

Общее функциональное пространство кустарной промышленности Нижегородского края состояло из мелких и мельчайших предприятий.

Выражаясь языком авторов XIX столетия, «кустарный характер», например, металлообрабатывающей промышленности хорошо иллюстрировался данными о количестве наемных рабочих в мелких предприятиях.

Из 4423 мастерских района 69,3% принадлежали кустарям-одиночкам, 19,7% использовали труд только семейных рабочих, 10,3% имели до 5 наемных рабочих, от 5 до 10 наемных рабочих – 0,4%, свыше 10 наемных рабочих – только 0,3% [3, 54].

Капитализация кустарных промыслов в дореформенный период также имела свою специфику. Крупный капитал, проникая в недра кустарных промыслов Московской и Владимирской губерний (особенно в области текстильного производства), вносил революционные изменения в традиционный уклад крестьян-промышленников, фактически трансформируя его в домашнюю систему крупного производства [7, 3-62]. Совсем иной эволюционный характер носила капитализация кустарных промыслов Нижегородского края в середине XIX в. Организаторами производства в Павловском районе являлись крупные торговцы-комиссионеры, имевшие значительно большие возможности в продвижении продукции металлообработки на национальный рынок. Под клеймом известных поставщиков ножей, ножниц, замков Завьяловых, Кондратовых, Варыпаевых выпускалась продукция кустарей, работавших самостоятельно по домам. Даже известный своими перочинными ножами на всю страну Завьялов «лучших сортов этих изделий не готовил на своей фабрике». Готовые изделия кустари доставляли фабрикантам. «Так, ножницы разных сортов вырабатывают на Варыпаева, Кондратова и Завьялова в Тумботине, Вязовке, Хренове, а частью – и в Павлове, где работает лучший по всему

району мастер ножниц А.М. Горшков. Перочинные ножи на фабрикантов выделывают кустари Ворсмы, частью и Павлова; «штучные» ножи, т. е. высший сорт, фабриканты получают от известных мастеров: Сорокина, Хонина, Корытцева и других в Ворсме или у Кошечкина в Павлове и проч.» [3, 56].

Еще одной особенностью кустарной промышленности региона в связи с относительно невысоким уровнем капиталистической экспансии было широкое развитие, альтернативного капиталистическому, направления концентрации хозяйств промысловиков через объединение их трудовых и имущественных ресурсов в кооперации.

Например, в бердовом промысле кустари объединялись, распределяя между собой отдельные операции. «Один, например, раскалывает зубья, другой тешет и чистит, третий накладывает, а четвертый отделяет начисто; короче, все работают, кому досуг» [4, 238].

Кооперативные объединения широко применялись кустарями в Павловском сталелесарном районе. «Выделка замка, – говорится в очерке В.И. Григорьева, – ведется нередко одним и тем же мастером с начала до конца; но в большинстве случаев эта работа разделяется между тремя мастерами: ковалем, покрывальщиком и отделяльщиком или опиловщиком» [1, 60].

По-иному, нежели в Московской и Владимирской губерниях, выглядели место и роль традиционной отрасли в хозяйствах крестьян Нижегородской губернии. Комплиментарные условия развития кустарной промышленности, о чем говорилось выше, создавали здесь специфическую систему мотивации хозяйственной деятельности крестьян. Большая рентабельность кустарных занятий в сравнении с земледелием побуждала крестьян направлять основные усилия в промысловую деятельность. Даже в относительно благоприятной в плане сельского хозяйства волости Павловского района, где среднедушевой надел составлял почти 4 десятины, только 54% крестьян-промысловиков обрабатывали землю самостоятельно, а в

отдельных селах этот показатель был значительно выше (например, в с. Глядково – 91%, д. Мордовское – 76%, Давыдово – 83% и т. д.). И это при том, что урожайность зерновых составляла здесь сам – 4, сам – 5. Еще меньше внимания земледелию уделяли крестьяне Тумботинской волости, отмеченной «крайне не выгодными естественными условиями (то сыпучий песок, то Ока затопляет)». При урожайности зерновых в этой волости сам – 2,5, только 25,7% крестьян возделывали пашню самостоятельно. Для сравнения: в Московской губернии средняя урожайность составляла сам – 3,4, при этом практически вся надельная земля обрабатывалась промысловиками самостоятельно [10, 137-210]. Занятия промыслом дифференцировались с земледелием в центрах кустарного производства – Павлово, Варезе, Погосте и Ворсме. Несмотря на наличие, хотя и в небольших количествах, надельной земли, кустари совершенно отстранились от сельскохозяйственных занятий.

Таким образом, к середине XIX в. кустарные промыслы Нижегородской губернии эволюционировали под действием условий, порождаемых процессами формирования национального рынка и ростом товарности крестьянских хозяйств.

Содержание этих изменений может быть описано в рамках теоретического концепта протоиндустриализации, системообразующими качествами которого являлись: концентрация производства через частную инициативу и объединение материальных и трудовых ресурсов мелких собственников, капитализация традиционных промыслов и формирование собственного функционального пространства мелкого промышленного производства.

В силу объективных условий протоиндустриализация кустарной промышленности региона протекала эволюционно. Например, укрупнение кустарных предприятий в значительных масштабах осуществлялось на кооперативной основе. В качестве условия создания средних частных заведений доминирующим фактором являлся не столько ка-

питал, сколько особые уникальные умения и навыки мастеров. Несмотря на исключительную товарность промыслов, подавляющая масса мелкой сельской промышленности имела «кустарный характер». Проникновение капитала в кустарную промышленность осуществлялось по линии торговых сбыто-снабженческих операций. В этой связи важнейшее место в социально-экономической организации кустарного производства принадлежало скупщикам.

Высокий уровень товарности кустарной промышленности стал причиной формирования в регионе такого специфического феномена, как районы с высокой плотностью промышленного населения, полностью организованные торговым капиталом.

Комплиментарные условия развития кустарных промыслов определили их особое место в социально-экономическом строе крестьянских хозяйств. В отличие от кустарей Московской и Владимирской губерний, даже при более благоприятных условиях земледелия, промысловики Нижегородчины, руководствуясь хозяйственной выгодой, уделяли сельскохозяйственным занятиям значительно меньше внимания. Это обстоя-

тельство делало нижегородского кустаря более уязвимым к рыночной стихии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Григорьев В.И. Кустарное замочно-ножевое производство Павловского района. – М., 1881. – 371 с.
2. Исаев А. Промыслы Московской губернии. Т. II. – М., 1876. – 342 с.
3. Материалы к изучению кустарной промышленности Волжского бассейна. Приложение к изданию «Волтеа». – М., 1881. – 437 с.
4. Нижегородский сборник. Т. III. – Нижний Новгород, 1870. – 375 с.
5. Памятная книжка Нижегородской губернии на 1865 г. – Нижний Новгород, 1864. – 812 с.
6. Соколов Н.Д. Промысловые занятия населения Московской губернии и его обращаемость в лечебницы. – М., 1909. – 601 с.
7. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. VII. Вып. II. – М., 1883. – 534 с.
8. Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Т. II. – СПб., 1879. – 816 с.
9. Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Т. V. – СПб., 1882. – 792 с.
10. Шторх А.К. Материалы для статистики Российской империи. Т. I. – СПб., 1896. – 381 с.

УДК 94(470)

Шматова М.Б.

*Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова*

**ЖУРНАЛ «РУССКИХ БЛАНКИСТОВ» «НАБАТ»
В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОКОВ***

M. Shmatova

*The Moscow State Humanitarian University
named after M.A. Sholokhov*

**THE MAGAZINE OF RUSSIAN «BLANKISTS» «NABAT» («ALARM»)
IN THE ESTIMATION OF CONTEMPORARIES**

Аннотация. Статья посвящена анализу оценок современников, которые они давали журналу русских бланкистов «Набат». Журнал издавался в 1875 - 1881 годах идеологом бланкистского течения в народничестве П.Н. Ткачевым. Это издание имело свою информационную специфику, свой облик и пропагандистские цели. Он громко выступал против своих оппонентов, сторонников пропагандистской тактики П.Л. Лаврова и анархизма М.А. Бакунина. Журнал проповедовал тактику натиска революционного меньшинства на самодержавное государство, он агитировал за политическую борьбу, за захват власти.

Ключевые слова: журнал «Набат», русский бланкизм, П.Н. Ткачёв, народовольцы, социализм. М.А. Бакунин, анархизм, П.Л. Лавров, революционное движение.

Abstract. The articles of M.B. Shmatova is devoted the analysis of estimations of contemporaries, which they gave to the magazine of Russian blankists «Nabat» («Alarm»). This magazine was published in 1875 - 1881 by the ideologist of blankists currents P.N. Tkachyov. This edition had its informational specificity, its own shape and propaganda purposes. It loudly opposed the opponents, supporters of propaganda P.L. Lavrov's tactics and M.A. Bakunin's anarchism. The magazine advocated the tactics of the pressure of revolutionary minority on the autocratic State, he agitated for political strike, for power capture.

Key words: magazine «Nabat» («Alarm»), Russian blankism, P.N. Tkachiov, narodovoltzi, socialism, M.A. Bakunin, anarchism, P.L. Lavrov, revolutionary movement.

Русская революционная эмиграция в середине 1870-х гг. развернула деятельность на Западе с целью заявить свою позицию в условиях европейской свободы слова. Ее активисты стремились добиться того, чтобы их голос «с того берега» был услышан в России, где молодежь революционного подполья готовилась к «хождению в народ». Но эмигрантская среда, как известно, не представляла тогда собой идейного единства. Разобщение во взглядах на тактику борьбы за социализм в России сталкивало сторонников П. Лаврова, М. Бакунина и П. Ткачева. Материальным воплощением теоретических исканий лидеров революционной эмиграции стала пресса. Ее роль в истории российской общественно-политической мысли и революционного движения достаточно широко освещена в литературе. При этом наибольшее внимание уделено изданиям П.Л. Лаврова (газете и журналу «Вперед!»). Менее изучен журнал «Набат», издававшийся в 1875-1881 гг. идеологом бланкистского течения в народничестве П.Н. Ткачевым. Между тем это издание имело свою информационную специфику, свой облик и пропагандистские цели. Проповедуя тактику натиска революционного меньшинства на самодержавное государство, «Набат», в отличие от других органов эмигрантской

* © Шматова М.Б.

социалистической прессы, агитировал за политическую борьбу и захват власти.

Не случайно В.И. Ленин отдавал должное тому, кто являлся предшественником большевиков в радикальном разрешении вопроса о тактике революционной борьбы. По свидетельству В.Д. Бонч-Бруевича, Ленин «внимательно изучал «Набат» и другие произведения Ткачева и хотел собрать все то, что Ткачев писал в легальной прессе» [1, 113]. С этой целью один из сотрудников библиотеки РСДРП в Женеве просматривал, хотя и безуспешно, различные материалы 1870-х гг., чтобы отыскать произведения Ткачева [10, 596].

В историографии русского бланкизма и журнала «Набат» видное место занимают труды Б.М. Шахматова, И.С. Вахрушева, Е.Л. Рудницкой. Б.М.Шахматов подробно описал ситуацию создания журнала «Набат», поиски Ткачевым путей выхода из изоляции, в которой тот оказался в 1870-х–1880-х гг., отметил попытку сблизиться с «Народной волей» [6, 23-24]. Историк одним из первых раскрыл значение «Набата» в политической и общественной деятельности Ткачева за границей, представил его соратников, выявил цели и задачи журнала.

В исследовании И.С. Вахрушева дана еще более подробная история появления этого издания, характеристика редакторов и опубликованных материалов. Автор затронул тему распространения «Набата» в России, поставил множество спорных и не разрешенных вопросов, косвенно связанных с изданием «Набата», таких, как вопрос о существовании «Общества Народного Освобождения», причастность журнала к организации террористических актов, которые совершались в России народовольцами [2, 78-96].

Е.Л. Рудницкая обратилась к публицистике «Набата» в монографии, посвященной русскому бланкизму. «Именно в «Набате», - утверждает исследовательница, - под пером Ткачева русский бланкизм получает свое окончательное завершение» [7, 111].

В целом в трудах отечественных историков показана идейная дистанцированность

русского бланкизма от других течений, что и отразили публикации «Набата». Громкие выступления журнала против своих оппонентов, сторонников пропагандистской тактики П.Л. Лаврова и анархистской – М.А. Бакунина, обеспечила ему особое место в истории революционной прессы и политической мысли России.

Для изучения истории «Набата» определенный интерес представляют оценки современниками этого издания и взглядов его создателя, П. Ткачева. В мемуарах известных деятелей революционного движения В.Н. Фигнер, Л.Г. Дейча, Н.А. Морозова, Н.С. Русанова, бежавших от полицейского преследования в Европу, запечатлены их встречи с П. Ткачевым в Женеве, где и было организовано издание «Набата».

Наиболее полные сведения содержат воспоминания Л.Г. Дейча «Русская революционная эмиграция 70-х годов», где редактор «Набата» представлен в двух «измерениях». С одной стороны, Дейч утверждает, что «решительно все признавали» Ткачева чрезвычайно талантливым и довольно сведущим публицистом и полемистом, имевшим за собою значительное революционное прошлое и «занимавшим известное положение в легальной литературе»: его уважали, как соратника знаменитого критика Д. Писарева в «Русском слове», публицистика которого отличалась «хлестким, забористым стилем». Блестяще владел им и П. Ткачев, что создало ему среди «тогдашней молодежи большую популярность», а побег за границу, при участии П.Л. Лаврова, поставил «его в ряд наиболее крупных эмигрантов – вожаков» [3, 82]. Появление в Европе Ткачева в 1874 г. вселило надежды в революционной среде, а Лавров даже приглашал его к сотрудничеству в своем журнале «Вперёд!».

С другой стороны, по оценке Дейча, Ткачев занимал «совершенно исключительное положение в революционном движении семидесятых годов», чему способствовал издававшийся им с 1875 г. журнал «Набат». Статьи этого журнала выявили принципиальные разногласия между Ткачевым и

«преобладающим большинством тогдашних деятелей», которые «пришли в ужас» настолько, что даже стали избегать каких-либо личных с ним сношений. Причину такой реакции Дейч объяснил так: «Известно, что социалисты первой половины 70-х годов отличались резко отрицательным отношением к политической борьбе – к вопросу о завоевании для России конституции, они считали совершенно безразличным для экономического положения трудящихся существование самодержавной, конституционной монархии или республики, и были глубоко уверены, что социальные условия нашей родины настолько во многих отношениях благоприятны, что нам удастся из неограниченной монархии прямо перейти в коммунистическо-анархический строй. Диаметрально противоположную проповедь нес Ткачев» [3, 82].

В этой «проповеди» «Набата» осуждались методы борьбы лавристов и бакунистов. Ткачев считал, что они были преступны, поскольку призывать революционную молодежь с точки зрения искомого результата пропагандировать социализм при монархическом строе бессмысленно и губительно.

Дейч выделил в программе «Набата» ключевую мысль: «Единственной плодотворной задачей русских революционеров может и должен стать заговор с целью захвата государственной власти революционерами. Эта задача легко осуществима в России, так как государственная власть не имеет в нашей стране никаких твердых основ, за ней нет исторических традиций, она висит в воздухе и держится исключительно благодаря лишь привычке масс к повиновению, но при малейшем натиске со стороны революционеров она разлетится, как пыль. Несколько тысяч молодых революционеров, составят заговор и, расшатав путем цареубийства и других террористических актов власть, легко смогут захватить ее в свои руки. Революционер должен проникнуться сознанием, что не пропаганда делает возможной революцию, а наоборот, только после революции пропаганда станет возможной. Пока же необходимо не готовить революцию, а делать ее. Для

этого следует создать крепкое, сплоченное, централизованное и основанное на строгой иерархии тайное общество, наподобие всех тех, которые с древних времен возникали для борьбы с деспотами» [3, 83].

Мемуарист ретранслировал программу «Набата», чтобы подчеркнуть, на какой почве возникла необратимая идейная вражда между Ткачевым и Лавровым и эмигрантской средой, где придерживались революционной аксиомы: «Освобождение народа должно быть делом самого народа» [3, 83]. Идеи, проповедуемые «Набатом», стали называть «якобинскими».

Не поддержали русские социалисты и призывы «Набата» создать тайное общество. Дейч и его соратники видели в этом повторение «нечаевщины». Явившись «на политическую арену» Европы вслед за скомпрометировавшим себя нечистоплотными приемами Нечаевым, Ткачев, пояснял Дейч, предложил похожую идею о тайном обществе: «По нашему убеждению, с задачами, которые выдвигал Ткачев, и с предложенной им организацией, неразрывно связаны были мистификации, обманы, всякого рода недостойные приемы, даже тайные убийства и другие преступления». Близость Ткачева «к мистификациям С. Нечаева», писал Дейч, вызывала у тогдашних революционеров, «судороги от злости, негодования и возмущения Ткачевым». Одним своим именем он вызывал к себе такое озлобление и негодование, какого не было к другим эмигрантам. С ним не полемизировали, все «отвернулись от него» [3, 84].

Сильное возмущение в среде народников-эмигрантов вызвало заявление в «Набате» о том, что В.И. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова по решению тайной «бланкистской» организации. Было принято решение опубликовать опровержение. Оно появилось в эмигрантской газете русских анархистов «Община» (№ 8-9) за подписями И. Бохановской, Л. Дейча, В. Засулич, С. Кравчинского, Я. Стефановича. «Ткачев, – вспоминал Дейч, – не опровергал наших доводов и доказательств лживости

его сообщения. Он с присущей ему развязностью и хлестаковством заявил, что наша заметка как раз на руку III-му Отделению. Отношения после этого еще больше обострились» [3, 86].

Завершая рассказ о «Набате», Дейч сделал неожиданное признание: «Тогда, летом и осенью 1878 г., мы все были глубоко убеждены, что русские революционеры, не только далеки от «якобинства», но что к нему они впредь будут относиться с глубокой апатией. Но, увы, неизмеримо скоро оказалось, что мы глубочайшим образом заблуждались насчет стойкости как взглядов, так и чувств тогдашних наших товарищей. В этом же отношении Ткачев обнаружил куда большую дальновидность, чем мы все. Пример 1879 г. создание «Народной воли» и ее метод террора. В виду чрезвычайно крупного значения, которое в истории нашей страны сыграли народовольцы приходится признать, что пропагандистская роль «Набата» оказалась далеко не безрезультатной. Напротив, программные статьи Ткачева в его журнале имели огромный успех в течение нескольких десятилетий» [3, 86].

Таким образом, Дейч вынужден был согласиться с тем, что дальнейшая практика борьбы за социализм в России складывалась под влиянием «набатовской» или бланкистской «проповеди» Ткачева. Именно поэтому, говоря о лидерах народнического движения, мемуарист ставил редактора «Набата» в один ряд с ними.

Обратимся к воспоминаниям В.Н. Фигнер. В годы Шлиссельбургского заключения она начала писать записки, которые потом вышли под названием «Запечатленный труд». В нем есть страницы, посвященные П.Н. Ткачеву и «Набату». Встреча Ткачева и Фигнер произошла в Швейцарии, в Берне, который являлся центром притяжения русских революционеров. Давая оценку личности Ткачева, Фигнер отмечала, что «он был веселый и занимательный собеседник, очень живой и общительный», поэтому она не пренебрегала общением с ним [9, 129]. Отсюда утверждение Дейча об изоляции Ткачева в эмигрант-

ской среде представляется несколько преувеличенным.

Для Фигнер личность Ткачева и идеи его «Набата» были разделимы. Человеческое обаяние редактора «Набата» не удержало Фигнер от жестких констатаций в отношении его позиции в революционном движении и здесь ее мнение во многом созвучно мнению Дейча. «Ткачев явился к нам, – писала Фигнер, – с программой якобинской и централистической, и так как он пользовался репутацией человека, признающего фикции полезными в революционном деле, а мы были против политики Нечаева, то после нескольких бесед с Петром Никитичем мы отказались от предлагаемого союза» [9, 126-127].

Она подчеркивала, что партия «Народная воля» не находилась во власти идей Ткачева, что программа «Набата» отвергалась народовольцами: «Как далеки мы были от якобинства... Выставляя требование созыва Учредительного собрания, комитет [«Народной Воли» – М.Ш.] обещал подчиниться воле народа, выраженной его представителями, и смысл этого обещания был такой, что в случае, если бы народное представительство не оправдало надежд революционной партии, она обратилась бы не к насилию над ним, не к террору, а к пропаганде своих идей в народе, оказавшимся не на высоте положения» [9, 200]. Первоначально всякий террор отвергался народниками, Ткачев же его проповедовал как единственный метод революционной борьбы за социализм. Но, когда народовольческое движение «приняло боевой характер и атаковало самодержавие», пояснила Фигнер, «Набат» горячо приветствовал эти выступления и «приписывал себе, своему влиянию, поворот революционных сфер к политике. Напрасно» [9, 202].

Этот журнал, по ее убеждению, не имел прочных, налаженных связей с Россией. Она не видела ни одного номера в крупных городах и центрах страны, о нем не было разговоров. К последователям «якобинцев» в России Фигнер причисляла Заичневского, Южакова, Лаврениуса, Тимофеева, Спицына и Лебедева. Но из них настоящим «якобинцем», «рус-

ским бланкистом» был, по ее убеждению, только Тимофеев. Такой вывод она делает, основываясь на воспоминаниях самого Тимофеева, который помогал распространению «Набата» в России. В Петербурге вообще не существовало никакой организации для приема и распространения «Набата». Но его тиражи все же переправлялись [9, 202].

Больше позитивных черт в портрете редактора «Набата» в воспоминаниях А. Тверитинова. Впервые он встретился с ним в тот момент, когда тот практически разошелся с Лавровым и «доживал последние дни в издательстве «Вперёд!» [5, 38]. После не очень продолжительного общения Тверитинов составил довольно приятное мнение о Ткачеве, который, в отличие от Лаврова, проявил заинтересованность в общении с ним: «Ткачев мне был гораздо полезнее, чем Лавров» [5, 38].

Вспоминая о взаимоотношениях Ткачева и Лаврова, Тверитинов пытался понять, почему Лавров, зная убеждения Ткачева как «приверженца» Нечаева, все же помогал бежать ему и даже пригласил работать в свою редакцию. Свой вопрос он не оставил без ответа. «А приглашен был Ткачев, – только что бежавший из Луги, – рассуждал Тверитинов, – куда он с женой был выдворен административным порядком, – редакцией «Вперёд!» жить вместе в надежде, что состоится соглашение, но соглашения не состоялось, а приключилась вместо того ссора. Очевидно, Лавров, Смирнов и К^о рассчитывали, что Ткачев откажется от своих убеждений и будет воспевать вместе с ними общинное землевладение и круговую поруку» [5, 39].

Встречаясь с Ткачевым уже в Берне, Тверитинов глубже познакомился с публицистикой «Набата». Он сочувствовал идеям П. Ткачева, но при этом пытался найти объективную причину их непопулярности: так как «бернские студенты все были отчаянными лавристами, то, разумеется, ни брошюра Ткачева, ни сам автор ее успеха в Берне не имели. Ткачев был, как мне помнится, не совсем не прав в своей полемике с Лавровым, а может быть, даже почти совершенно прав. Но тогда

были такие времена, времена народнических, что всякий, кто не восторгался общинным землевладением и круговой порукой, казался, если не глупым то, во всяком случае, глуповатым человеком» [5, 61]. У Ткачева не было шансов в деле революционной пропаганды стать выше популярности Лаврова. Признание ценности теоретических идей Ткачева Тверитиновым – редкий факт, не характерный для умонастроений большинства эмигрантов, группировавшихся тогда вокруг П. Лаврова или М. Бакунина.

Откровенным и последовательным сторонником Ткачева стал народоволец Н.А. Морозов. С первой встречи с редактором «Набата» в Швейцарии он был покорен его умом, с большим удовольствием любил бывать у него и вести долгие беседы. Взгляды их совпадали по многим вопросам и, прежде всего, в отношении заговора как наиболее эффективного метода революционной борьбы. Но Морозов не находил среди своих товарищей понимания, порой ему «просто не давали договорить». Поэтому единственным человеком, с кем он мог быть до конца откровенным, был сам Ткачев. В своих воспоминаниях Морозов упоминает о двух встречах с Ткачевым, где они вели беседу о значении «хождения в народ» и оба не отрицали важности этого события в революционном движении. Но смысл этой акции они расценивали иначе, чем пропагандисты: «Хождение в народ» необходимо, но необходимо для того, чтобы узнать народ, ради которого они стремились к революции» [4, 322]. Похожими были их рассуждения о гражданской свободе: нельзя воплощать свои личные мечты, пока народ, ради которого все это делается, живет несвободно.

Морозов предпринимал попытку помочь Ткачеву установить контакты с «Народной Волей». В начале 1880 г. в публицистике «Набата» была заявлена мысль о влиянии бланкистской пропаганды на деятельность народовольцев, организовавших в России целый ряд покушений. Они предлагали свои средства и даже на первых порах свой печатный орган. Ткачев был готов закрыть «Набат»,

объявлял о своем присоединении к «Народной воле». Однако в мае 1880 г. Морозов получил из Петербурга письмо с неудовлетворительным отзывом о Ткачеве. Он пытался сгладить остроту ситуации, обнадежить Ткачева и просил надеяться на лучшее: «Вы знаете, – говорил Морозов, – что я в довольно значительной степени расхожусь с программой «Народной воли». Я (Морозов Н.А. – М.Ш.), например, не вижу пользы в пребывании Земского Собора или Учредительного собрания и думаю, что при теперешних условиях народной жизни он приведет только к санкции самодержавия, будет новым плебисцитом» [2, 64].

25 мая 1880 г. Морозов получил другое письмо, от Л. Тихомирова. «Весьма благодарны за предложение, – писал Тихомиров, – но в настоящее время в деньгах особенной надобности нет. Заведение наше почти готово, совместную редакцию, во всяком случае, считаем неудобной, принципиальных уступок никаких сделать не можем, что касается временных соглашений, то надо лучше ознакомиться с их программой, узнать, чего они хотят». Тут же он сделал приписку для Морозова, что денежные дела плохи, и они за высылку денег «будут благодарны» [2, 64]. Так был заявлен категорический отказ руководителей «Народной Воли» от сотрудничества с П. Ткачевым, что Морозов считал ошибкой.

Трагичные страницы жизни П. Ткачева описаны Н.С. Русановым. «В то время, когда мы познакомились с Ткачевым, – вспоминал Русанов, – то было поздней осенью 1882 г. – у него уже замечались некоторые странности, которые скоро обострились и кончились через несколько месяцев припадком буйного помешательства, а затем прогрессивным параличом, сведшим его три года спустя в могилу» [8, 73]. Он видел причину душевной драмы редактора «Набата» в следующем: Ткачев, рассуждал Русанов, сознавал «торжество некоторых идей, пропагандировавшихся им издавна, направления политического террора и строго централизованной заговорщической деятельности, осуществленной тогда «Народной Волей», которая, между тем, сто-

ронила его и предпочла даже обратиться для совместной революционной работы к его врагу Лаврову» [8, 74].

Русанов оказался более тонким и прозорливым аналитиком положения Ткачева в эмиграции, свидетелем отчаяния от осознания масштабности его намерений и окружавшей его атмосферы непонимания. Можно сказать, что Русанов был даже близок к героизации редактора «Набата».

Бланкистские идеи, пропагандировавшиеся журналом «Набат», как и сам факт появления его редактора в среде русской революционной эмиграции в середине 1870-х гг., были оценены современниками как неординарное явление. Одни из них свидетельствуют о полном неприятии «проповеди» Набата» (Дейч, Фигнер), другие (Морозов, Русанов, Тверитинов) – о своем сочувствии издательскому предприятию Ткачева и его взглядам на методы борьбы с самодержавным государством. Несмотря на различия в оценках, воспоминания современников ценны своей попыткой объяснить причины неуспеха Ткачева и «Набата». Они сходятся в констатации того, что умонастроение народников, в котором доминировали идеологемы П. Лаврова и М. Бакунина, исключало популярность Ткачева и его журнала. При этом очевидно, что Ткачев воспринимался некоторыми русскими социалистами весьма упрощенно, как последователь «мистификаций» С.Г. Нечаева. Но такая аналогия все же не привела Ткачева к ситуации полного игнорирования этой средой, с которой он стремился установить контакты, имея намерение переломить понимание задач борьбы за социализм в России в соответствии со своей теорией заговора. Несмотря на сосредоточенность мемуаристов (Дейча, Фигнер) на отрицательной реакции эмигрантов на программу Ткачева, они признавали его публицистический талант, притягательность его личности. В воспоминаниях Морозова и Русанова усилен позитивный контекст. Они видели в деятельности «Народной Воли» реализацию замыслов Ткачева и сочувствовали ему, отвергнутому народолюбцами. Признавая созвучность собственных взглядов

с «проповедью» Ткачева, Морозов, Русанов, Тверитинов дают основание предполагать, что «Набат» в ближайшей для того времени перспективе мог стать изданием, вокруг которого объединились бы леворадикальные силы русских социалистов. Из воспоминаний современников следует и тот вывод, что идеи Ткачева пережили их творца.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бонч-Бруевич В.Д. Библиотека и архив РСДРП в Женеве // Красная летопись. – 1932. – № 3(48). – С. 110-115.
2. Вахрушев И.С. Очерки истории русской революционной печати 1873 – 1886 гг. – Саратов, 1980. – 250 с.
3. Дейч Л. Г. Русская революционная эмиграция 70-х годов. – СПб. 1920. – 86 с.
4. Морозов Н.А. Повесть моей жизни. Мемуары. – М., 1965. – Т. 1. – 300 с.
5. Об объявлении приговора Н.Г. Чернышевскому, распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом воспоминания Алексея Тверитинова. – СПб. 1906. – 140 с.
6. Пустарнаков В.Ф. Шахматов Б.М. П.Н. Ткачев – революционер, публицист, мыслитель // Ткачев П.Н. Сочинения в двух томах. – М., 1976. – Т. 1. – С. 5-92.
7. Рудницкая Е.Л. Петр Ткачев: Русский Бланкизм // История СССР. 1991. – № 3. – С. 100-116.
8. Русанов Н.С. В эмиграции. – М., 1929. – 330 с.
9. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах. – М. 1964. – Т. 1. – 280 с.
10. Шахматов Б.М. Библиографическое послесловие // Ткачев П.Н. Сочинение в двух томах. – М. 1976. – Т. 2. – С. 596-625.

УДК 745/749 (470-25) “1880-1890”

Малярова А.В.

Московский государственный областной гуманитарный университет

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КУСТАРНЫХ ПРОМЫСЛОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1880-Х–1890-Х ГОДАХ*

A. Malyarova

Moscow State Regional Humanitarian University

SOCIAL AND ECONOMIC TRANSFORMATION OF DOMESTIC INDUSTRIES OF MOSCOW PROVINCE IN 1880-1890TH YEARS

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в социально-экономическом строе промысловых хозяйств Московской губернии во второй половине XIX в., происходившие в результате общей трансформации экономики страны. Несмотря на сохранение в целом традиционного характера хозяйственного уклада кустарей, модернизационные процессы создавали в кустарной промышленности региона динамическую систему, результирующуюся в генеральное направление дифференциации земледельческой и промышленной отрасли сельской экономики.

Ключевые слова: кустарные промыслы, традиционное хозяйство, модернизация, домашняя форма организации крупного производства.

Abstract. In the article the variations in social and economic base of trade facilities of Moscow province in the second half of the XIX-th century which are resulted from the general transformation of national economy are considered. Despite the conservation of traditional character of economic way of handicraftsmen, modernization processes created a dynamic system in the domestic industry of the region, resulting in the general direction of differentiation of agricultural and industrial branch of rural economy.

Key words: handicraft, traditional economy, modernization, domestic industry.

* © Малярова А.В.

Находясь на стыке традиционной и индустриальной отрасли хозяйства, кустарные промыслы особенно чутко реагировали на малейшее колебание экономической конъюнктуры. Тем более тяжело отражались на материальном положении кустарей периодически возобновляющиеся с 1880-х гг. промышленные кризисы. Первые признаки кризиса стали проявляться после промышленного подъема 1860-х гг. в 1873–1887 гг.

Большая масса бумажных денег, выпущенных во время Крымской войны, стимулировала повышенный спрос на продукцию отечественной промышленности. Покупательную способность рубля поддержал приток валюты от экспортных поставок зерна, совпавших с неурожаем за границей и высокими ценами на продукцию сельского хозяйства. Однако в отличие от временных конъюнктурных условий, стимулировавших пореформенный рост промышленности, другие, стабильные факторы, а именно низкий уровень эффективности аграрной отрасли хозяйства и обусловленный им низкий уровень благосостояния и покупательной способности населения России, определили обвал рынка промышленной продукции в начале 1880-х гг. Причем «неслыханный в истории промышленности кризис» спровоцировало именно пореформенное форсированное расширение фабричного производства и перенасыщенность рынка промышленной продукцией. Ситуацию усугубил неурожай в течение нескольких лет [9, 102].

Глубина и масштабы грянувшего с начала 80-х гг. XIX в. кризиса были несоизмеримы с кризисными явлениями середины 70-х гг. того же столетия. Помимо масштабов, кризис 1881–1882 гг. отличался большей степенью вовлечения в его орбиту других отраслей экономики, в том числе и кустарной промышленности, что свидетельствовало о значительной ее трансформации.

Вовлечение некогда традиционных кустарных промыслов в сферу функционирования капиталистического хозяйства, в том числе крупной капиталистической промышленности, вело к фундаментальным измене-

ниям их строя. Дело в том, что традиционные промыслы могли существовать только в органичной взаимосвязи с сельскохозяйственной отраслью крестьянских хозяйств. Кустари изготавливали свой товар, не учитывая в стоимости затрат собственного труда, транспорта, сырья, поставляемого земледелием, животноводством и собственным подворьем. Уменьшение цены вновь производимого продукта мелких сельских промышленников ниже себестоимости, таким образом, компенсировалось за счет традиционной отрасли хозяйства. Именно благодаря наличию симбиоза сельскохозяйственного и промышленного направлений экономики крестьян-промышленников они, как правило, выигрывали в конкурентной борьбе с городскими ремесленниками. Эту фундаментальную особенность кустарной промышленности отмечал В.П. Воронцов [1, 1-44]. «Хорошо живет и платит только такой крестьянин, – писал в донесении елмановский волостной писарь Можайского уезда С.М. Кочетов, – который сам обрабатывает землю в летнее время и занимается сторонними заработками зимой – он, по большей части, живет посерей. Но и хлебней, т. е. не пьет чаю и вина, но ест хороший хлеб, мясо своей скотины и кашу»¹.

Таким образом, наиболее благоприятными для благосостояния кустарного ремесленного населения являлись такие условия, которые создавали возможность вести промысел без отрыва от традиционного хозяйства (в данном случае имеется в виду не только отход кустарей на фабрику или другие регионы для заработка в мелком промышленном производстве, но и смещение центра тяжести в сторону промышленных занятий). Выход кустаря за пределы сложившегося механизма придавал его деятельности и принципиально иной социальный смысл и добавлял в качестве хозяйственных рисков, кроме недоходов, промышленные кризисы.

Разрушение традиционного содержания кустарных промыслов, приспособление промышленных занятий крестьян к условиям

¹ Центральный исторический архив архив Москвы (далее ЦИАМ). Ф. 191, оп. 6, ед. хр. 11, л. 18.

модернизации (смещение центра тяжести крестьянских бюджетов в сторону неземледельческих заработков, включение кустарей в орбиту фабричного производства: в централизованной или домашней форме, концентрация мелкого производства до уровня мануфактурной, фабричной индустрии и т. д.) трансформировало весь хозяйственный процесс крестьянских промышленных промыслов, подчиняло его механизму, действующему по законам индустриального общества. Поэтому спад промышленности, а тем более ее кризис, вели к массовому обнищанию кустарей.

Вместе с тем связь кустаря с традиционным хозяйством в 1880-е гг. оставалась значительной. Иллюстрацией этому может служить хозяйственная ситуация, сложившаяся в губернии в урожайный 1887 г. после очередного промышленного кризиса. Вопреки утверждению о том, что именно неэффективность сельскохозяйственного производства стимулировала крестьянские промышленные занятия, именно удачный, в плане продуктивности земледелия, год вызвал всплеск активности кустарей. Вот что говорилось в обзоре донесений корреспондентов в губернский Статистический комитет: «Крестьянин, уверившись в том, что со стороны продовольствия ему не грозит беды, должен был прежде всего позаботиться об улучшении своего жилища, поправку которого он откладывал в неурожайные годы. Со стороны г.г. корреспондентов идут указания, что “вследствие урожая происходит большой спрос на работу плотников и печников” (Верейский и Можайский уезды), что, “вследствие большого спроса на плотничную работу весной 1888 г., многие стали плотничать, получая 50 к., 80 к. и 1 р. в день на хозяйских харчах” (Клинск. у.). В связи вероятно с этим увеличением спроса на плотничную и печную работу стоит и то обстоятельство, что поденная плата на кирпичных заводах женщинам – 30 к., а подросткам 25 к., увеличилась с 29 июня сего года на 10 к., как тем, и другим (Звенигородск. у.). Тем же усилением строительных работ надо объяснить

и то, что приготовление стружки для крыш, делаемой из осиновых дров, не смотря на то, что сажень их (однополенных) поднялась в цене с 2 р. 50 к. до 4-х рубл., все-таки давало выгодный заработок прошлую осень и весну (Можайск у., Борисовск. в.)» [5, 2].

Повышение активности промышленной деятельности кустарей вызвало рост потребительского спроса на продукцию лесных промыслов [5, 3], продукцию ящичников Рузского и Звенигородского уездов [5, 4]. «Мебельные изделия шли ходче, – сообщалось из Московского уезда, – цена на них, хотя и не повысилась, но товар брали охотно, тогда как ранее или приходилось отдавать за бесценок, лишь бы взяли, или везти назад». Столярные изделия серпуховских кустарей (киоты, мебель, шкафы) «сбывались в Москве много лучше прошлого года». Кустари Клинского уезда, производившие деревянную посуду, «жаловались меньше на свою захудалость» [5, 5]. С весны 1888 г. оживился гребенный промысел в Дмитровском уезде и т. д. [5, 6].

Замечательно, что, положительно влияющее на рост мелкого промышленного производства, удовлетворительное состояние сельскохозяйственной отрасли кустарей имело прямо противоположные последствия в фабричных промыслах. Как отмечал один из корреспондентов, «при дешевизне хлеба крестьяне, как говорят фабричные мастерки, ленятся работать» [5, 9].

Тесная связь кустарей с традиционным земледельческим производством проявлялась в корреляции ежегодной урожайности крестьянских полей и уровня отходничества на промышленные занятия. В благоприятные годы крестьяне предпочитали отходу оседлый образ жизни и довольствовались небольшими заработками на месте [5, 11].

Обратную картину влияния ситуации в сельскохозяйственной отрасли крестьян на кустарное производство дал неурожайный 1891 год.

В статистическом ежегоднике за 1892 г. говорилось: «Цены на товар упали, фабриканты продают свой товар чуть не с убытком, а многие из них прикрыли свои фабрики для

того, чтобы самим идти в работники к более состоятельным фабрикантам. Женские заработки тоже очень плохи... Хозяйка жалуется на совсем плохой сбыт товаров, вследствие чего и плата на все работы весьма понизилась... Дороговизна муки и плохое состояние зимних заработков многих крестьян, которые едят покупной хлеб, привело в весьма трудное состояние, так что многие вынуждены были надеть суму...» [7, 2].

Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что кустарная промышленность Московской губернии была тесно связана со всероссийским рынком и удовлетворяла потребности «не одного только местного потребления». «В самом деле, неурожай, посетивший в прошлом году Россию, лишил несколько миллионов человек возможности хоть сколько-нибудь сносно удовлетворить самые необходимейшие потребности в течение целого года, следовательно, вся эта многомиллионная масса голодающего люда должна была отказаться от потребления продуктов кустарной или фабричной промышленности» [7,3].

Сказанное хотелось бы закончить точной характеристикой, данной кустарной промышленности земскими статистиками в 1887 г.: «в брожении экономических сил ... замечается, что тип населения, строй его занятий еще не установился. Видно лишь одно, что основу всего строя составляет земледелие, даже там, где, по-видимому, в населении уже давно установился навык к промышленным занятиям» [4, 28].

Динамику численности и развитие направлений социально-экономической трансформации кустарных промыслов Московской губернии, оформившихся в пореформенные десятилетия, позволяют проследить материалы двух местных обследований: 1877–1882 гг. и 1898–1900 гг. [2, 1-176].

Сравнение численности кустарей, занятых однородными промыслами, показывает прямо противоположные тенденции, отражавшие сложность и противоречивость процессов, происходивших в кустарной промышленности.

В некоторых отраслях уменьшение количества промыслового населения достигало значительных размеров, несмотря на общий рост численности кустарей.

Увеличился наметившийся в первые пореформенные десятилетия «разлом» традиционных промыслов, в результате которого оставшиеся в прежнем экономическом формате кустарные производства, работавшие на массовый, непритязательный спрос, постепенно деградировали, давая толчок новым специализациям кустарей, отличающихся эксклюзивными свойствами производимой продукции.

Так, например, некогда единый столярный промысел, выпускавший всю необходимую промышленную продукцию, от примитивных ящиков до примитивной крестьянской (белой) мебели, дифференцировался и генерировал новый промысел сложной, «гнутой» мебели, продолжавший развиваться даже в годы общего промышленного кризиса.

В логику указанных тенденций укладываются показатели динамики по другим промыслам: продолжали развиваться высокохудожественные промыслы по производству изделий из папье-маше, вышивальное и кружевное производства; испытывая конкуренцию со стороны крупных фабричных заведений, сокращались кожевенно-скорняжное, слесарно-кузнечное, сапожное, кирпичное производства.

Аналогичный деревообрабатывающему промыслу процесс дифференциации испытывала кустарная кожевенная промышленность. Выделив из своей среды отдельную ветвь переработки крупного кожевенного сырья, вставшую на капиталистический путь развития и представленную, в основном, крупными мастерскими, оставшаяся масса кустарей занималась выделкой мелких кож, постоянно терявшей свою доходность [8, 5].

В отличие от промыслов, требующих особых навыков и художественного вкуса, благоприятное состояние пуговичного производства обуславливалось тем, что относительно молодая российская фабричная промышленность, рожденная прежде всего

в интересах и в результате поддержки государства, сосредотачивалась прежде всего в отраслях тяжелой индустрии и во второй половине XIX в. оставляла обширные прорехи в производстве товаров народного потребления. Конечно, там, где позволяло внедрение пооперационного разделения и механизации труда, там благоприятные условия для развития кустарной промышленности были явлением временным, и по мере развития фабричной индустрии замещались условиями конкуренции.

Щеточный промысел, помимо всего прочего, поддерживали в удовлетворительном состоянии казенные заказы из армии [6, 23].

В числе сокращающихся отраслей кустарной промышленности оказались ткацкие отрасли, работающие на фабрику (в производстве шерстяных тканей число кустарей уменьшилось на 70,5%, парчевом и позуменном – на 20,0%). Причем, это сокращение происходило на фоне общего роста фабричного ткачества. Дело в том, что экономический симбиоз мелкого кустарного и крупного фабричного производства, на котором основывалось ручное ткачество кустарей, выполнявших фабричный заказ на дому или светелке, имел свои пределы. Домашняя, светелочная или «фабричковая» организация ручного труда кустарей на крупный промышленный капитал имела смысл только, во-первых, в рамках технологических операций, не требующих высокого качества изготавливаемой продукции (например, ткачестве мешковины), или ограничивалась не требующими квалификации, но трудозатратными операциями, подготавливающими сырье к переработке; во-вторых, в рамках условий, сохраняющих минимум заработной платы, позволявшей кустарям получать доход не ниже того, который они могли получить в своем земледельческом хозяйстве. Однако в случае, когда доведенные до этого минимума затраты фабрикантов на оплату кустарям превышали возможные расходы на механизацию ручного труда, мастер-надомник безжалостно вытеснялся машиной. «Выгодность заработков, преимущественно

ткацко-фабричных, – говорится в статистических материалах 1887 г., – ручными станками из года в год уменьшается». Только за пять с небольшим лет с 1880 г. заработки кустарей, ткущих на дому хлопчатобумажные ткани, уменьшились на 54,2% [4, 9].

На протяжении 80–90-х гг. XIX в. наблюдался процесс централизации фабричного ткацкого производства и сокращение численности занимавшихся ткачеством на дому. Особенно быстро этот процесс шел в хлопчатобумажной промышленности. Вытеснение ручного производства механическим наблюдалось и в шелкоткачестве [3, 11].

Марксистская историографическая традиция освещения капитализации кустарных промыслов второй половины XIX в. складывалась под влиянием двух идеологических постулатов. Согласно первому, мелкое производство являлось лишь основой или строительным материалом крупного производства, долженствующего стать материальной предпосылкой социализма. Второе, непосредственно связанное с первым, имеющее цель обосновать достигнутую зрелость условия построения нового общества, декларировало всеобщность кустарной рассеянной формы крупного капиталистического производства.

Эти положения, безусловно, имевшие основания в общественной практике второй половины XIX в., требуют существенной корректировки. Мелкое кустарное производство, действительно становившееся источником пополнения крупного промышленного капитала и наемной рабочей силы, генерировало собственную экономическую «нишу», в пределах которой функционирование крупной промышленности было нецелесообразно. В формате этого пространства «обосновались» высокохудожественные промыслы, обеспечивающие эксклюзивные и малосерийные потребности населения, и производства, в которых основную долю вновь создаваемого продукта составляли трудовые затраты кустарей. Отсутствие видения собственной парадигмы развития мелкой кустарной промышленности в индустри-

альную эпоху в марксистской историографии значительно обедняло общую историческую картину модернизации этого сегмента до-революционной экономики России, а после завоевания власти коммунистами вылилось в политическую установку на обязательное социалистическое преобразование мелкого производства в обобщественное крупное.

Освоение кустарных промыслов крупным промышленным капиталом также имело свои функциональные пределы. Границы этого поля характеризовались устойчивой тенденцией к сужению. Логика развития фабричной индустрии предполагала продолжающийся процесс ее централизации, сокращавший возможность развития домашней формы организации крупной промышленности.

Основу социально-экономической стабильности мелких сельских промышленных субъектов составляла их традиционная отрасль – земледелие. Несмотря на существенную трансформацию экономического уклада кустарей под влиянием модернизационных

процессов, связь промышленных занятий крестьян с аграрной сферой оставалась основополагающим свойством кустарных хозяйств.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Воронцов В.П. Очерки кустарной промышленности в России. – СПб., 1886. – 234 с.
2. Московская губерния по местному обследованию. 1898–1900 гг. Т. III. Комбинационные таблицы. Вып. 1. – М., 1907. – 516 с.
3. Статистический ежегодник Московского губернского земства. 1885 г. – М., 1896. – 483 с.
4. Статистический ежегодник Московского губернского земства. 1887 г. – М., 1888. – 812 с.
5. Статистический ежегодник Московского губернского земства. 1888 г. – М., 1889. – 412 с.
6. Статистический ежегодник Московского губернского земства. 1889 г. – М., 1889. – 397 с.
7. Статистический ежегодник Московского губернского земства. 1892 г. – М., 1893. – 402 с.
8. Статистический ежегодник Московского губернского земства. 1895 г. – М., 1896. – 564 с.
9. Чупров А.И. Россия вчера и завтра. Статьи. Речи. Воспоминания. – М., 2009. – 437 с.

УДК 947. 083. 76

Иванов А.А.

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)*

**«ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ» П.Н. ДУРНОВО: ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛИДЕРА
ПРАВОЙ ГРУППЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА 19 ИЮЛЯ 1915 г.***

A. Ivanov

*Russian State Pedagogical University named after
A.I. Herzen (Saint-Petersburg)*

**THE "SWAN SONG" OF P. DURNOVO: THE SPEECH OF THE RIGHT-WING'S
LEADER OF THE STATE COUNCIL OF 19 JULY 1915**

Аннотация. Статья посвящена видному государственному и политическому деятелю П.Н. Дурново и его взглядам на политическую ситуацию в России в годы Первой мировой войны. В работе впервые анализируется последняя публичная речь лидера правой группы в Государственном совете, ее восприятие в политических кругах и вызванные ею последствия. Автор приходит к выводу, что Дурново здраво оценивал сложившуюся в России ситуацию, но предлагаемые им меры по ее исправлению, несмотря на свою адекватность, не могли быть воплощены в жизнь по причине отсутствия в рядах правящей элиты сил, способных к их осуществлению.

Ключевые слова: П.Н. Дурново, правая группа, Государственный совет, консерватизм, Первая мировая война.

Abstract. The article is devoted to the prominent political statesman P.N. Durnovo and his views on the political situation in Russia during World War I. The last public speech of the right-wing leader in the State Council and its conception in political circles is examined in this paper as well as the consequences caused by this speech. The author concludes that Durnovo appraised the situation in Russia reasonably, but the measures suggested to its improvement could not be put into practice in spite of their relevance because of the lack of forces capable of their realization among the ruling elite.

Key words: P.N. Durnovo, right group, the State Council, conservatism, World War I.

Практически с самого начала функционирования реформированного Государственного совета (1906) вплоть до своей кончины в сентябре 1915 г., Петр Николаевич Дурново был бессменным руководителем его правой группы. В прошлом энергичный министр внутренних дел (1905–1906), прославившийся как активный борец с революцией, Дурново, по общему мнению современников, был человеком одаренным, обладавшим независимостью суждений и глубокими аналитическими способностями. Как отмечает биограф правого политика, А.П. Бородин, все современники – друзья и враги, при жизни и после смерти – были единыдушны в оценке интеллекта П.Н. Дурново – «замечательно умен», «очень умен», «немалая умственная сила»; обладал «государственным умом», производил впечатление «вполне рассудительного человека» и т. д. [5, 49-50]¹. «Маленький, крепкий и живой человек, со своей скептической улыбкой и внимательным взором серьезных глаз <...>, человек с ясной головой», – так характеризовал его член Государственного совета В.М. Андреевский [1]. «...Дурново

* © Иванов А.А.

¹ А.П. Бородин ссылается на широкий перечень мемуарных и эпистолярных источников, указывая среди авторов данных характеристик Дурново В.Ф. Джунковского, А.В. Герасимова, А.П. Извольского, С.Д. Сазонова, С.Д. Урусова и др.

нельзя отказать в личном мужестве, ни в спокойном достоинстве. <...> Дурново к тому же был выше Столыпина и по уму, по заслугам перед Россией, которую спас в 1905 году от участи, постигшей ее в 1917-м», – утверждал С.Е. Крыжановский [8, 170]. По свидетельству видного консервативного мыслителя Л.А. Тихомирова, Дурново был «человек замечательно умный», «гениальных способностей, огромной силы, неподражаемой работоспособности, и почти чудесной проницательности», «удивительных дарований», обладавший «натурой бойца» [10, 127-128].

Между тем, несмотря на репутацию ретрограда, «Вия российской реакции» [20, 13 августа] и «живого протеста против нового духа времени» [15], созданную ему либеральными газетами, сам П.Н. Дурново к такому себя не относил, а свою твердость в отстаивании самодержавной монархии обосновывал не религиозными взглядами (что было свойственно большинству русских традиционалистов) или романтическими чувствами, а исходя из свойственного ему прагматизма. Как свидетельствовал член правой группы Государственного совета А.Н. Наумов, также считавший Дурново человеком «практической разумности, государственной прозорливости и опытности», «сообразительным и решительным», «выдающимся государственным практиком» [13, 49], лидер правых в частном разговоре с ним охарактеризовал свою политическую идеологию следующими словами. «Меня, – говорил политик, – все считают за заядлого монархиста, реакционного защитника самодержавия, несправимого «мракобеса»... и не предполагают, что я, может быть, по своим взглядам являюсь самым убежденным республиканцем, ибо я, на самом деле, считаю наиболее идеальным для всякого народа такое положение вещей, когда население может иметь во главе управления им же самим избранного достойнейшего гражданина президентом. Для некоторых стран подобный идеал, по тем или другим счастливым условиям, становится доступен. Этого ни в коем случае нельзя сказать про нашу обширнейшую и

разнохарактерную Российскую Империю, где по чисто практическим соображениям техника управления и цельность требует наличия исторически сложившегося царского стяга. Не станет его – распадется Россия. Таков неминуемый закон природы Российской государственности» [13, 150]. При этом, подчеркивал далее Наумов (сам человек более умеренных взглядов, чем Дурново и, в конце концов, покинувший правую группу), как лидер группы Петр Николаевич «чрезвычайно терпимо относился ко всем высказывавшимся под его председательством мнениям», вносил «в настроение руководимой им группы сдерживающее начало», умел «находить по многим законодательным вопросам общий язык с инакомыслящими коллегами» и «пользовался среди огромного большинства своих сочленов по Государственному Совету безусловным уважением и с его мнением все считались» [13; 150, 212].

Об этом же писал и руководитель политического сыска Российской империи, жандармский генерал А.В. Герасимов, отмечавший в своих воспоминаниях: «О нем (П.Н. Дурново – А. И.) сложилось представление как об очень реакционном человеке. Это представление не соответствовало действительности. Дурново был <...> отнюдь не человек, отрицавший необходимость для России больших преобразований» [16, 181]. Правда, в отношении гибкости Дурново Герасимов придерживался иного мнения, нежели Наумов, отмечая, что лидер правых «был очень своенравный, вспыльчивый человек, абсолютно не терпевший противоречий, иногда самодур» [16, 181].

Обладея незаурядным умом и большими аналитическими способностями, П.Н. Дурново не питал никаких иллюзий относительно реального положения дел в стране, отдавая полный отчет тому, что монархическая государственность находится в глубоком кризисе и будущее России не предвещает консерваторам ничего хорошего. «Мы находимся в тупике, – говорил он в 1912 г., – боюсь, что из него мы все, с Царем вместе, не сумеем выбраться!» [13, 215].

Не меньшую прозорливость проявил политик и перед самым началом Первой мировой войны, составив для императора аналитическую записку, в которой представил наиболее трезвое, аргументированное и удивительно точное обоснование катастрофичности для России столкновения с Германией. Пророческий характер этой «Записки» неоднократно привлекал внимание как современников, так и историков, а текст ее, начиная с 1920-х гг. [11], неоднократно публиковался, поэтому в рамках данной статьи не будем специально останавливаться на содержании этого документа. Отметим лишь, что та удивительная точность, с которой П.Н. Дурново предсказывал последствия для России войны с Германией, вплоть до либерального переворота и дальнейшего захвата власти левыми радикалами, порождала иногда даже сомнения в подлинности «Записки»¹. Однако, как утверждала М.Ю. Бобринская (урожденная княжна Трубецкая) в письме к А.И. Солженицыну, она читала эту записку еще до революции и потому может ручаться за ее достоверность². Действительно, прогноз П.Н. Дурново, сбывшийся практически до мелочей, содержащий, по одной из оценок, предвидение ситуации «с фотографической точностью» [5, 67], не может не поражать. Выдающийся советский историк Е.В. Тарле, в дореволюционные годы симпатизировавший кадетам, в своей статье, посвященной «Записке» Дурново, называл аналитику лидера правых Государственного совета «логически сильной попыткой» разрушить Антанту и избежать войны с Германией [19, 164]. Будучи идейным противником Дурново, он тем не менее признавал, что «в интеллектуальном отношении отрицать за ним ум ни в каком случае не приходится», а саму «Записку» и высказанные в ней мысли называл

¹ Публицист левых взглядов Марк Алданов (Ландау), писал: «Когда читаешь эту «Записку», то порою кажется, что имеешь дело с апокрифом». Алданову казалось совершенно невероятным, каким образом царский чиновник «мог так поразительно точно и уверенно предсказать события гигантского исторического масштаба» [18, 135].

² Архив Библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Ф. 1. Д. Е-68. Л. 6.

полными предвидения «необычайной силы и точности», «отмеченными печатью большой аналитической силы» [19; 164, 175].

«Дурново был черносотенцем и реакционером, – писал советский историк М.П. Павлович, – но, несомненно, в оценке характера будущей войны, роли в ней Антанты, с одной стороны, России, с другой, в предвидении исхода войны, он обнаружил недюжинный ум и способность к правильному прогнозу. По сравнению с Дурново все светила нашей либеральной оппозиции и эсеровской партии, Милюковы, Маклаковы, Керенские и др. <...> оказываются жалкими пигмеями в умственном отношении, совершенно не понимавшими смысла мировой войны и не предугадавшими ее неизбежного исхода» [17, 182].

Но если о «Записке» П.Н. Дурново писалось уже не раз, то о последнем публичном выступлении лидера правых в Государственном совете известно гораздо меньше. А между тем именно речь политика, произнесенная 19 июля 1915 г. стала, по отзывам прессы, его «лебединой песней», своего рода предсмертным завещанием лидера правых власти.

Незадолго до начала очередной «военной» сессии законодательных учреждений, которая открывалась 19 июля 1915 г., П.Н. Дурново был крайне обеспокоен оживлением либеральной оппозиции и неоправданной, на его взгляд, уступчивостью правительственной власти. Находясь в отъезде в своем имении Трескино Саратовской губернии, он интересовался 11 июля 1915 г. у члена правой группы А.А. Нарышкина серьезностью положения и вопрошал: «Какое вообще положение в Петрограде и в частности в правой группе? Есть ли настоящая необходимость мне приехать немедленно, и имеется ли опасность каких-либо неосновательных выпадов из нашей группы? Особенно последних, ибо я мог бы сдержать и успокоить»³. Ответа Нарышкина на это письмо мы не знаем, но, судя

³ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 333; Как вспоминал В.М. Андреевский, Дурново руководил правой группой «властной и твердой рукой», умея немедленно наводить в ней порядок [1].

по дальнейшим действиям П.Н. Дурново, его единомышленник на вопрос о необходимости срочного прибытия в Петербург лидера правых ответил утвердительно.

Спустя неделю, в первый день новой сессии Государственного совета, П.Н. Дурново выступил на правах лидера правой группы с глубокой и аргументированной речью, привлекавшей к себе внимание современников. «Петр Николаевич Дурново выступал редко и лишь в крайних случаях, – подчеркивал А.Н. Наумов. – Говорил он тихо, размеренно и кратко, взвешивая каждое слово. Государственный Совет слушал его всегда с особым вниманием» [13, 166]. «П.Н. Дурново выступает с советской трибуны (т. е. с трибуны Государственного совета – А. И.) крайне редко и его, поэтому всегда слушают с особым интересом», – отмечало «Вечернее время» [7, 20 июля].

К тому же, сообщали газеты, 70-летний и тяжелобольной Дурново, сильно страдавший болезнью глаз, несколько оправился и впервые встал с постели лишь в середине января 1915 г. [7, 23 января]. Но, будучи тогда же переизбранным председателем правой группы, правый политик делал оговорку, что ввиду плохого самочувствия принимать участие в работах верхней палаты он не сможет [20, 17 января]. Поэтому, делали вывод журналисты, только острая необходимость могла заставить лидера правой группы лично выступить перед Государственным советом.

Начав с постигших Россию военных неудач, П.Н. Дурново представил членам верхней палаты свой взгляд на их причины. «Мы, как всегда, очень плохо подготовились в войне по всем отраслям военного и гражданского управления, – начал консервативный политик. – Мы по-прежнему порядку и по исконной привычке среди громадных ворохов бумаг все время искали и не могли отыскать Россию в войне, и поэтому вели войну без достаточной и совершенно необходимой интенсивности. Виноваты в этом мы все, грамотные русские» [9, 35].

Подчеркнув далее, что наиболее виноватых он называть не будет, Дурново отметил,

что этого и не требуется, «т. к. корень зла не в них, а в том, что мы боимся приказывать». С этих слов речь политика приобрела программный характер и наделала немало шума в либеральной прессе. «Боялись приказывать, и вместо того, чтобы распоряжаться, писались циркуляры, издавались бесчисленные законы, а власть, которая не любит помещений, тем временем улетучивалась в поисках более крепких оболочек, которые и находила там, где ей совсем не место, – отмечал Дурново. – Между тем мы были обязаны твердо помнить, что в России еще можно и должно приказывать и Русский Государь может повелеть все, что Его Высшему разумению полезно и необходимо для Его народа, и никто, не только неграмотный, но и грамотный, не дерзнет Его послушаться. Послушаются не только Царского повеления, но и повеления того, кого Царь на то уполномочит. <...> Вот почему правительство обязано воспитывать в этом духе не только народ, но и все без исключения учреждения из народа исходящие, а также и своих собственных представителей. Без этого нельзя вести войны и всякую начавшуюся благоприятную войну можно превратить в непоправимое бедствие» [9, 35].

Выход из сложившейся печальной для власти и правых ситуации виделся П.Н. Дурново в следующем: «Нужно бросить перья и чернила. Молодых чиновников полезно послать на войну, молодых начальников учить приказывать и повиноваться и забыть страх перед разными фетишами, перед которыми мы так часто раскланиваемся. Когда пройдет несколько месяцев такого режима, то всякий встанет на свое место, будут забыты никому не нужные сейчас реформы, и мало по малу пойдут победы, которые приведут Россию к положению, когда уже будут возможны реформы и всякие другие изменения. Но можно только удивляться, читая о реформах средней и высшей школы в такие времена как теперь» [9, 35-36].

Речь эта – прямолинейная и лишенная всяких экивоков – в своей основе была, вне всякого сомнения, справедливой. Другое дело, что рецепт Дурново по наведению по-

рядка в ведущей тяжелейшую войну стране некому было претворять в жизнь. Приказывать власть действительно разучилась. А оппозиционно настроенное общество, как и следовало ожидать, встретила этот демарш в штыхы, поспешив навесить на дальновидного старика ярлык махрового ретрограда, «не понимающего» подлинных интересов России.

«Более категорического самоосуждения – самоосуждения не только лица, но и партии (т.е. правой группы Государственного совета – А.И.), – нельзя себе и представить. <...> Доктрина, проповедуемая П.Н. Дурново, господствовала в России в течение долгих десятилетий; лучше ли от этого шли государственные дела? Лучше ли жилось народу?» – риторически вопрошал политический обозреватель «Вестника Европы» К.К. Арсеньев [2, 353]. Резюмируя впечатление от речи лидера правой группы, Арсеньев замечал: «Итак, «крайне правые» ни на шаг не сдвинулись с давно занятой ими боевой позиции: они ничего не забыли и ничему не научились» [2, 354].

Либеральный лагерь воспринял речь лидера правой группы как официальную декларацию самого консервативного крыла Государственного совета. Отмечая, что прежде чем обратиться к «верхней палате», Дурново совещался со своим коллегой по группе А.С. Стишинским и другими видными деятелями группы правых, газета «Вечерне время» делала вывод, что речь политика является отражением настроения всей группы и потому ей должно придаваться «симптоматическое значение» [7, 20 июля].

Однако на деле было не так. Речь П.Н. Дурново испугала часть правых, почувствовавших себя после спокойного и твердого выступления своего лидера в «неудобном положении» перед «обществом». Как справедливо замечает А.Н. Мичурин, «хотя речь лидера правой группы звучала как заявление от всех правых, правые поспешили откреститься от этого заявления, чувствуя, что речь П.Н. Дурново будет диссонансом в дружном хоре заявлений других групп Государствен-

ного совета» [12, 61]. Показательно, что вслед за Дурново сразу же выступил другой член правой группы – князь Д.П. Голицын-Муравлин, который постарался несколько смягчить прямоту своего единомышленника. Как бы извиняясь перед членами Государственного совета за «нетактичное» поведение Дурново, князь стал убеждать высшее собрание в том, что к войне Россия подготовилась хорошо, а «священному единению» всех политических сил, объявленному в июле 1914 г., абсолютно ничего не угрожает. «...Подготовленными оказались именно мы, а не наши враги, – заявлял он. – <...> Германия готовилась к войне, как преступник готовится к убийству, Россия же оказалась подготовленной к подвигу. <...> С первого же дня войны мы одержали решительную победу, ибо завоевали свое единение. Все отряды нашей мысли слились, сплотились, и получилась такая сила, которая не боится никакой отравы. <...> Мы не будем ни участниками, ни свидетелями праздной розни, мы все, русские люди, творцы своего единства, не сделаемся его разрушителями» [9, 37–38]. Кто оказался прав, искушенный бюрократ Дурново, всегда отличавшейся ясностью мысли и глубоким анализом ситуации, или эмоциональный литератор Голицын-Муравлин, наглядно показало время.

Но тогда многих правых покорило выступление Дурново. В июле 1915 г. членам правой группы казалось, что тревоги некоторых их единомышленников начавшимся сплочением либералов, безосновательны. «В Совете большая неразбериха и совершенно нельзя сказать, когда и как все это кончится», – замечал в письме к жене видный член правой группы А.Ф. Трепов. Но, продолжал он далее, «Дума, по-моему, начинает выдыхаться со своим шумом, и есть основания полагать, что все уляжется и ограничится помощником военного министра Гучковым, особой комиссией по снабжению армии и подоходным налогом. Все это займет недели три, а затем и по домам»¹. Но на деле, все вышло совсем не так.

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1026. Л. 450.

Между тем, как сообщало «Утро России», после выступления лидера правой группы «значительная часть правых и центра» отзывалась «весьма неодобрительно о речи Дурново, произнесенной в день открытия верхней палаты». «П.Н. Дурново, по их мнению, не оценил момента, переживаемого Россией, и такое выступление не дает надежды, что эти люди способны ради патриотических целей (как будто выступление Дурново не было патриотичным! – А. И.) отказаться от своих реакционных взглядов», – заключал рупор прогрессистов [20, 21 июля]. Впрочем, переиначивая сообщение газеты, с таким же основанием можно было бы заявить, что и оппозиционные силы не могут ради патриотических целей отказаться от своих либеральных взглядов, что, в общем-то, и показали дальнейшие события.

Смутила речь Дурново и такого видного члена думской фракции правых, как А.Н. Хвостов. В двадцатых числах июля 1915 г. он сетовал в письме к супруге: «Голова прямо идет кругом. С одной стороны Дурново говорит в Гос. Совете о том, что власть постепенно переходит из слабых рук в твердые, но «которым иметь власть не подобает», – намек на переход власти из рук кабинета в общественную организацию. С другой стороны, говорят, да и мы видим, что снабжение армии снарядами нельзя оставлять в руках правительства, и нам же приходится помогать переходу власти к общественной организации. Как умно вели себя кадеты. Ведь это обеспечило им избрание в 5-ую Думу, и тогда они проведут все, что захотят...»¹. А 3 августа Хвостов прокомментировал речь Дурново уже публично. Начав с пояснения, что он говорит от себя лично, а не как лидер фракции правых, Хвостов, как бы обращаясь к Дурново, заявил: «в настоящее время сначала надо, чтобы власть сумела справиться с оскорбительным для нас немецким засильем внутри страны, чтобы она в области дороговизны жизни поставила бы наконец интересы населения выше интересов банковских кругов, чтобы в сознании народном власть

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 391.

перестала быть виноватой, и тогда, только тогда, она может приказывать, и народ пойдет за ней» [6, 27].

Эти слова правого депутата, как следует из стенограммы, вызвали бурные и продолжительные рукоплескания как справа, так в центре и слева. Хвостову удалось показать Думе, что думские правые, по крайней мере, их часть, принимают речь Дурново с существенной оговоркой и находят существующее правительство (по крайней мере, в данный момент) не имеющим морального права вводить в стране диктатуру. С одной стороны, Хвостов тем самым спасал свою репутацию человека хоть и правого, но расположенного к общественности, а с другой, к явному удовлетворению оппозиции, демонстрировал отсутствие единства в правом лагере, утверждая левых и либералов в мысли, что за твердой позицией Дурново не стоит сплоченных единомышленных сил, готовых за эту позицию бороться и проводить ее в жизнь.

Вместе с тем, во многом солидарен с Дурново был Л.А. Тихомиров. Отмечая в своем дневнике, что Германии удалось сплотить народ культом силы, который, хоть и является «идеями чисто сатанинской», но все же является *идеями*, он сетовал на отсутствие равной по силе сплочения идеи в русском обществе. «У нас множество противоположных точек зрения, взаимно подрывающих; каждая идея создает то, что другие подрывают, и в общей сложности получается бессилие анархии, и отсутствие национального единения. Партии не дополняют одна другую, а исключают. В общем получается бессилие. Только страшно сильное правительство могло направлять к подобию единства эту разношерстную нацию. П.Н. Дурново прав, что теперь нужно уметь приказывать (здесь и далее выделено Л.А. Тихомировым – А. И.), но он упускает из виду, что уже нет никого, кто мог бы приказать. Это было и сплыло. А за отсутствием этого – являются в критический момент только ссоры, пререкания, взаимообличения», – сокрушался Тихомиров [10, 92]. «Нужно уметь приказывать», – сказал он (Дурново – А. И.) в своей последней речи... Да, конеч-

но, – «нужно уметь». Но как этому научить? И сверх того – для успешного приказания нужно, чтобы оно соответствовало обстоятельствам. Значит нужно не только «уметь приказывать», но «знать, что должно и что можно приказывать». Сверх того, и главнее всего, нужно, чтобы приказывающий – не подорвал своего авторитета раньше, и чтобы его приказу страна и сами органы власти верили, как слову серьезному и безоговорочному», – рассуждал Тихомиров на страницах своего дневника [10, 135].

Эта речь, которую по сообщению газет, современники весьма бурно обсуждали, стала последним выступлением П.Н. Дурново в Государственном совете. «Пал авторитет П.Н. Дурново, речь которого в заседании 19-го июля звучала как апофеоз старого порядка; теперь она становится похожей на его отпевание», – замечал в эти дни либеральный публицист К.К. Арсеньев [3; 361-362].

Приэтом речи П.Н. Дурново суждено было стать катализатором кризисных процессов внутри правой группы, в которой сразу же наметились шатания. Часть правых потребовала от своего президиума изменения курса групповой политики и более благожелательного отношения к Государственной думе, а после отказа руководства удовлетворить эти требования несколько членов Госсовета покинули правую группу. В какой-то момент ситуация для существования правого крыла Государственного совета стала прямо угрожающей – значительная часть членов правой группы, будучи недовольными действиями ее руководства, решили образовать новое объединение, условно названное «второй правой группой»¹.

Однако альтернативная консервативная группа так и не была создана – видя, что члены правой группы начинают покидать ее и обеспокоенный грозящим расколом, физически ослабевший П.Н. Дурново принял вынужденное решение отказаться от лидерства, передав бразды правления графу А.А. Бобринскому, «как лицу более гибкому в

смысле убеждений» [14, 60]. «Мало похож на П.Н. Дурново <...> вновь намеченный лидер правых Государственного совета: шествие напролом, по всей вероятности, уступит место дипломатически осторожным маневрам», – достаточно точно характеризовал суть перестановок в руководстве правой группой оппозиционный публицист [4, 371].

Спустя менее двух месяцев после сложения своих председательских полномочий, 11 сентября 1915 г. П.Н. Дурново скончался от паралича сердца. «Уже ослабнувший, уже охваченный предсмертным томлением духа, Дурново пропел несколько недель назад в Мариинском дворце свою лебединую песню, обратившись ко власти, разучившейся приказывать. Эта памятная речь Дурново прозвучала столь резким диссонансом в кругу даже его политических единомышленников, что вызвала отказ покойного от лидерства», – отмечало прогрессистское крыло в некрологе правого политика [20, 12 сентября]. «Со смертью П.Н. Дурново крайние правые лишились вождя, которому нельзя было отказать в последовательности и упорстве, – отмечал К.К. Арсеньев. – Это был обломок прошлого, уцелевший среди развалин, но не находивший себе места в новом здании» [4, 371]. «Реакция лишилась одного из преданнейших своих слуг, общественность России видит сходящим в могилу злейшего своего врага», – ликовало «Утро России» [20, 12 сентября].

И ликование это вполне объяснимо, учитывая, что в могилу сошел один из самых ярких и авторитетных вождей правого крыла Государственного совета, чьи слова всегда приковывали к себе внимание как его единомышленников, так и противников, и с чьим именем связывались надежды одних (и опасения других) на создание в законодательных учреждениях консервативного «Черного» блока. П.Н. Дурново не оставил по себе наследника, да и не мог оставить, так как людей равных ему по административному опыту и деловым качествам среди правых верхней законодательной палаты не было. Не желая хвалить своего политического противника, К.К. Арсеньев облек вывод своих рассужде-

¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 62. Л. 1.

ний в следующую форму: «Плохим Ахиллом был П.Н. Дурново, но его подражатели плохи даже в роли ахилловых мирмидонян» [4, 371]. Однако последнее обстоятельство, конечно же, не могло не радовать либеральную оппозицию.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Андреевский В.М. Автобиографические воспоминания // Электронный ресурс: Родословное древо. Тамбовская генеалогия и демография. Публ. по: Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-5328. Оп. 1. Д. 7. URL: <http://www.tambovdem.ru/memory.php?id=andreevsky> (дата обращения: 18.10.2010).
2. Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 8.
3. Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 9.
4. Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 10.
5. Бородин А.П. П.Н. Дурново: портрет царского сановника // Отечественная история. 2000. № 3.
6. Борьба с немецким засильем. Речь члена Государственной думы А.Н. Хвостова в заседании 3 августа 1915 г. Пг., 1915.
7. Вечернее время. 1915.
8. Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. – СПб., 2009.
9. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия XI. 1915. – Пг., 1915.
10. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А.В. Репников. – М., 2008.
11. Дурново П.Н. Записка / Публ. и вступ. ст. М. Павлович // Красная новь. 1922. № 6 (10).
12. Мичурин А.Н. Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны. – СПб., 2010.
13. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. – Нью-Йорк, 1955.
14. Новикова Е.Э. Государственный совет в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг. (из истории кризиса «верхов» накануне буржуазно-демократической революции): Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1985.
15. Оскольский Н. Дурново // Утро России. 1915. 12 сентября.
16. «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска / вступ. ст., подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. – М., 2004. Т. 2.
17. Павлович М. [Вступление] // Дурново П.Н. Записка // Красная новь. 1922. № 6 (10).
18. Раупах Р.Р., фон. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего): Воспоминания члена ЧСК 1917 года / ред. и коммент. С.А. Маньков. – СПб., 2007.
19. Тарле Е.В. Германская ориентация и П.Н. Дурново в 1914 г. // Былое. 1922. № 19.
20. Утро России. 1915.

РАЗДЕЛ III. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 351.74(470) «1917/1925»

Колемасов В.Н.

*Московский институт предпринимательства и права
(филиал в г. Пенза)*

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ МЕРЫ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*

V. Kolemasov

The branch of Moscow Institute of Business and Law in Penza

EMERGENCY MEASURES OF PUBLIC ORDER PROTECTION IN RUSSIA DURING THE FIRST YEARS OF THE SOVIET POWER

Аннотация. В статье анализируется применение чрезвычайных мер охраны общественного порядка в России в первые годы Советской власти. Показаны концептуальные основы создания советских правоохранительных органов, применявших карательные методы охраны правопорядка. Характерной чертой указанного периода была активная деятельность различного рода специальных судов и органов, наделенных правом внесудебной репрессии. Основным принципом деятельности правоохранительных органов было революционное правосознание, а главной целью борьба за власть.

Ключевые слова: общественный порядок, революция, чрезвычайные комиссии, революционные трибуналы, государственное политическое управление.

Abstract. The article analyses the use of emergency measures of public order protection in Russia during the first years of the Soviet power. It shows the conceptual foundations of the establishment of the Soviet law machinery, which applied punitive methods of law and order protection. The active work of all kinds of special courts and agencies with the power of extrajudicial repression was the characteristic feature of the mentioned period. The revolutionary sense of justice was the basic principle of law enforcement, and the struggle for power was the main purpose.

Key words: public order, revolution, emergency commissions, revolutionary tribunals, public political administration.

Рассматривая вопросы регулирования общественных отношений в чрезвычайных ситуациях, следует отметить, что и в современных условиях Федеральным Конституционным законом «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 г. предусматривается ограничение прав граждан при режиме чрезвычайного положения, который вводится при наличии оснований природного, техногенного и социального характера. В качестве оснований социального характера отмечаются попытки насильственного изменения конституционного строя, захвата власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, региональные, межнациональные конфликты и др.

Применение мер чрезвычайного характера для охраны общественной безопасности

* © Колемасов В.Н.

предусматривалось и царским законодательством. «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. позволяло объявлять любую местность на положении усиленной или чрезвычайной охраны, закрывать учебные заведения, торговые и промышленные предприятия, органы печати, приостанавливать деятельность земских собраний и городских дум, наделяло военные суды правом по представлению Министерства внутренних дел и генерал-губернаторов решать дела по законам военного времени, быстро приговаривать к самым суровым наказаниям.

Революцию 1917 г. и начавшуюся затем Гражданскую войну следует назвать не просто чрезвычайным происшествием, а крупномасштабным политическим и социально-экономическим бедствием для страны. В таких условиях обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность государства обычными методами и способами было просто невозможно.

Осенью 1917 г. по стране прокатилась волна погромов, разбоев и грабежей. Начавшаяся после Октябрьской революции забастовка государственных, банковских и иных служащих приобрела всероссийский характер, охватывая не только обе столицы, но и губернии, грозила парализовать всю страну. Правительство страны, Военно-революционный комитет, Петроградский Совет и другие органы принимали различные решения, направленные на стабилизацию обстановки в стране.

В столице еще с ноября нарастали массовые «винные погромы», сопровождавшиеся грабежами и бесчинствами. Созданный 2 декабря 1917 г. Комитет по борьбе с погромами оказался бессилён. Военно-революционный комитет, который играл ведущую роль в наведении «революционного порядка», был распущен.

5 декабря 1917 г. Совет народных комиссаров (Совнарком, СНК) по предложению Ф.Э. Дзержинского обсудил вопрос о ликвидации бывшего градоначальства и создании специ-

ального органа для поддержания порядка в столице. Одобрив этот план, Совнарком поручил реализовать его К.Е. Ворошилову¹.

6 декабря Совнарком, обсуждая ситуацию с забастовкой в столице, поручил Дзержинскому «составить особую комиссию для выяснения возможностей борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер»².

В конце заседания СНК Дзержинский сделал доклад «Об организации и составе комиссии по борьбе с саботажем». Совнарком одобрил создание нового органа и постановил назвать его Всероссийской чрезвычайной комиссией (ВЧК) при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем³.

Первоначальными направлениями деятельности ВЧК были признаны: печать, саботаж, кадетская партия, правые эсеры. В состав комиссии были включены только большевики.

Таким образом, причины создания ВЧК заключались не столько в обострении обстановки, сколько в стремлении большевиков обеспечить более жесткое и оперативное подавление всех своих политических оппонентов. Учреждение ВЧК, подотчетной лишь Совнаркому, где преобладали большевики, позволило им, соблюдая советские процедуры, обзавестись фактически партийным органом, который призван был играть важную роль не только в борьбе с контрреволюцией, но и в реализации большевистской стратегии в целом. Говоря о факторах учреждения ВЧК, Лацис позже признал: «Массы были ещё напитаны в значительной мере старым духом... и нередко шли вместе со своим классовым врагом против товарищей по классу. Отсюда острая необходимость в аппарате принуждения, чистки, острстки, вразумления» [4, 5].

Задачи, ставившиеся перед ВЧК большевистским руководством, и состав сотрудников во многом определили методы ее работы. Чекисты считали свою комиссию органом

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф.19. Оп.1. Д.19. Л.1.

² Там же. Д.20. Л.2

³ РГАСПИ. Ф.19. Оп.1. Д.21. Л.2-2 об.

открытой борьбы, прямого подавления, «непосредственной расправы». Дзержинский публично заявлял, что главное в деятельности ЧК – «осуществление непосредственных репрессий над врагами пролетариата» [5, 46].

Поначалу полномочия Чрезвычайной комиссии были ограничены. У нее не было права суда и расстрела. До середины 1918 г. ВЧК существовала за счет кредитов Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) и «самофинансирования» (средств, которые попадали к ней при «совершении операций», т. е. при обысках, конфискациях и т. д.). Председатель ВЧК и члены президиума вынуждены были сами участвовать в обысках и арестах. При этом ВЧК рассматривалась как временное учреждение. С февраля 1918 г., когда в Советской России была узаконена смертная казнь, чекисты стали практиковать расстрелы. И это сразу же повысило значимость их ведомства.

Рос и аппарат ВЧК. Вначале он состоял из трех отделов. Но уже в марте 1918 г., после переезда в Москву, ВЧК имела 5 основных отделов: борьбы с контрреволюцией, со спекуляцией, с преступлениями по должности, иногородний и информационное бюро. С марта началось создание губернских ЧК. Затем стали учреждаться областные, окружные, уездные, районные, пограничные, а кое-где и волостные комиссии или чрезвычайные комиссары [7, 358].

В первые месяцы советской власти была создана и ещё одна система чрезвычайных органов – революционные трибуналы. Созданные согласно Декрету о суде 22 ноября 1917 г., ревтрибуналы тоже боролись с контрреволюционными преступлениями, спекуляцией и взяточничеством [1, 50]. Трибуналы только выносили решения по уже выявленным преступлениям, конечно же, руководствуясь при этом революционным правосознанием.

Общий порядок формирования и деятельности этих органов был закреплен в Инструкции Народного комиссариата юстиции (НКЮ) от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежа-

щих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний» [2, 170].

В соответствии с нормами Инструкции трибуналы формировались советами в составе председателя, секретаря, их заместителей и сорока заседателей, исполнявших свои обязанности поочередно. При каждом трибунале предусматривалось создание следственных комиссий и коллегий правозащитников. Следствие по делам, возбужденным в революционном трибунале, должно было проводиться в 48 часов. Правом кассационного обжалования вынесенных приговоров обладал лишь один орган – НКЮ Республики.

В период с декабря 1917 по июнь 1918 г. в нашей стране сформировалась целая сеть трибуналов, деятельность которых требовала нормативного регулирования. 4 мая 1918 г. был издан Декрет СНК РСФСР «О революционных трибуналах» [3, 63]. Декрет, во-первых, упразднил все революционные трибуналы, образованные в уездах, небольших городах и селах, сохраняя их только в столицах губерний и крупных промышленных центрах. Эта мера способствовала ликвидации огромного множества органов, подменявших собой народные суды. Во-вторых, была разграничена подсудность местных судов и трибуналов: из ведения трибуналов изымались все дела общеуголовного характера «с передачей их в судебные учреждения». Таким образом, компетенция революционного трибунала становилась строго очерченной рамками закона.

29 мая 1918 г. Декретом Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) в качестве суда первой инстанции по наиболее важным делам был образован Верховный революционный трибунал при ВЦИК. В июне при ВЦИК был образован кассационный отдел для рассмотрения жалоб и протестов на приговоры местных трибуналов¹. 16 июня 1918 г. Наркомюст издал постановление от «Об отмене всех ранее изданных циркуляров о революционных трибуналах». В соответствии с ним революционные трибуналы были наделены правом применения

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 1005. Оп. 2. Д.1. Л. 274.

высшей меры наказания – расстрела.

По данным НКЮ, в период с января по июнь 1918 г. в революционных трибуналах страны было рассмотрено около 5 тысяч дел; из них 56% – подсудных другим судебным учреждениям [9, 54].

Трибуналы в первый год работы были завалены мелкими уголовными и даже гражданскими делами. Местные советы иногда расширяли подсудность революционных трибуналов. Это приводило к тому, что ни один революционный трибунал не действовал в рамках своей подсудности. Причем процент дел, подсудных трибуналам, колебался от 5% в Брянском трибунале до 95% в Московском губернском революционном трибунале. Дела, подсудные революционным трибуналам, распределялись следующим образом: о контрреволюционных выступлениях – 35%, о спекуляциях – 32%, о взяточничестве, подлоге, неправомерном использовании советских документов – 19%, о погромах – 7%, о саботаже – 6%, шпионаже – 1%.

По делам, подсудным революционным трибуналам, было оправдано 28% подсудимых, по другим делам – 27%. Эти цифры свидетельствуют о невысоком качестве следствия, проведенного следственными комиссиями [11, 85].

Самым распространенным видом наказания, применявшимся трибуналом, было тюремное заключение с принудительными работами. К этому виду наказания было приговорено: за взяточничество – 65% подсудимых, за саботаж – 60%, за контрвыступления – 57%, за погромы – 58%. К смертной казни революционные трибуналы прибегали весьма редко. К этой мере было приговорено всего 14 человек [13, 86].

В феврале 1919 г. ВЦИК признал необходимым реорганизовать систему ревтрибуналов. Было утверждено Положение «О Революционных Трибуналах», отменявшее все ранее изданные декреты и инструкции о трибуналах. Положение определяло, что Революционные трибуналы создаются со специальной целью рассмотрения дел о контрреволюционных деяниях. В силу этого

трибуналам предоставляется ничем не ограниченное право в определении меры репрессии. Ревтрибуналы учреждались по одному на губернию в составе председателя и двух членов. Для проведения предварительного следствия при трибуналах учреждались следственные комиссии. На производство предварительного следствия отводился месяц. Дела, получаемые от ВЧК, направлялись непосредственно в трибуналы. Обвиняемому предоставлялось 24 часа на ознакомление с заключением и подачи жалобы по поводу следствия, после чего начиналось слушание дела трибуналом. На усмотрение трибунала отводился вопрос вызова свидетелей, участия в деле обвинителей и защитников.

При вынесении приговоров трибуналы должны были руководствоваться обстоятельствами дела и «велениями революционной совести». Обжалование приговоров в апелляционном порядке не допускалось. На подачу кассационной жалобы отводилось 48 часов.

Зимой – весной 1918 г. в Советской России резко ухудшилось социально-экономическое положение. Стремительно падало промышленное производство, в стране возник голод. На этом фоне росло недовольство масс. По стране прокатилась волна голодных бунтов, забастовок, митингов и вооруженных выступлений против власти. 5 июля 1918 г. Всероссийский съезд Советов потребовал массового террора против «буржуазии». 29 июля 1918 г. ВЦИК в соответствии с директивой ЦК принял резолюцию, призывавшую «обеспечить свой тыл, взяв под надзор буржуазию, проведя на практике массовый террор против неё» [10, 9]. Были введены заложничество и изоляция «контрреволюционных элементов» в концентрационных лагерях.

Террором занималось множество советских органов: ВЧК, Красная армия, ревкомы, комбеды, местные советы, милиция, суды, партийные комитеты и т. д. Но ведущую и все возрастающую роль в развертывании красного террора играла все же ВЧК.

При осуществлении своих полномочий чрезвычайные комиссии пользовались прак-

тически неограниченной самостоятельностью. В приказе по ВЧК за подписью Петерса от 26 сентября 1918 г. заявлялось, что «ВЧК совершенно самостоятельна, производя обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет Совнаркому и ВЦИК» [10, 13].

Поначалу решения о расстрелах принимались ею в основном коллегиально, а с 26 февраля 1918 г. – не менее чем половиной членом Комиссии. Поскольку полный состав Комиссии не всегда удавалось собрать, 15 мая была образована «тройка» в составе Дзержинского, Евсеева и Закса [6, 103]. 27 мая была организована комиссия в составе Дзержинского, Петерса, Лациса и Александровича для выработки «более продуктивных методов борьбы с контрреволюцией» [4, 19].

17 февраля 1919 г. ВЦИК принял специальное постановление, в соответствии с которым право вынесения приговоров по всем делам, расследуемым чрезвычайными комиссиями, передавалось революционным трибуналам. Трибуналы должны были завершать следствие в течение одного месяца. Однако при ликвидации вооружённых выступлений органы ЧК получили право «непосредственной расправы для пресечения преступлений». Это же право сохранялось за ними в местностях, объявленных на военном положении. Одновременно ВЧК предоставлялось право заключения в концентрационный лагерь в административном порядке. Таким образом, ВЧК получила право внесудебного решения дел.

Существенную роль сыграла ВЧК в подавлении уголовной преступности, прежде всего бандитизма, который угрожал государственной безопасности. В 1918 г. сводки ЧК зафиксировали 48 дел по бандитским организациям, из них в Петроградской губернии – 29. За бандитизм было расстреляно, даже по этим неполным данным, 589 чел. В 1919 г. за уголовные преступления было расстреляно 842 чел¹. В последующие годы борьба с уголовниками существенно усилилась. В 1921 г. удельный вес лиц, привлекавшихся к ответственности за уголовные преступления

органами ВЧК, был самым высоким и составлял 39,8% от общего количества обвиняемых, удельный вес обвиняемых в контрреволюционной деятельности составлял 34%, несмотря на то, что это направление было главным в деятельности ВЧК [8, 243].

Всего же за 1921 г. органами ВЧК было арестовано 205 876 человек, из которых было осуждено только 35 818 чел. Основным видом наказания осужденных по обвинению органов ВЧК в 1921 г. было заключение в лагерь – 55,5% от общего количества осужденных

К концу Гражданской войны политика советской власти в отношении применения репрессивных мер к противникам стала меняться. После завершения Гражданской войны, когда открытая контрреволюция была, в основном, подавлена и начался переход к НЭПу, существование ВЧК начало терять свое оправдание. Чувства восхищения и гордости чрезвычайными комиссиями у партийцев начали ослабевать, а на первый план стали выдвигаться имевшиеся у многих опасения, недовольства их бесконтрольностью, самоуправством и злоупотреблениями.

6 февраля 1922 г. Президиум ВЦИК принял декрет «Об упразднении ВЧК и о правилах производства обысков, выемок и арестов», 9 марта 1922 г. Политбюро утвердило Положение о ГПУ и Особых отделах ГПУ². Государственное политическое управление по сравнению с ВЧК потеряло некоторые полномочия, включая право суда, непосредственной расправы, и лишилось самостоятельного статуса, но функции, аппарат и численность ведомства в целом изменились незначительно.

Подводя итог краткому обзору специальных органов, наделенных в годы Гражданской войны репрессивными правами, следует отметить, что причиной их возникновения была необычайно сложная политическая обстановка, диктовавшая свои законы и свои требования³.

Нарушения прав личности рассматри-

¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.252. Л.2,3.

² Там же. Д.279. Л.2.

³ ГА РФ. Ф. 1005. Оп. 2. Д.2. Л. 402.

вались советским законодательством как необходимая форма защиты государства от контрреволюционных проявлений. После Октябрьской революции в России сложилась чрезвычайная ситуация, связанная с политикой «военного коммунизма», а позже, в 1920 гг., с борьбой против различного рода соперников Сталина. Тогда все действия государства могли квалифицироваться как экстренные, направленные на подавление контрреволюции. Следовательно, имелись вполне весомые основания для использования репрессивного аппарата против конкретной личности в угоду защиты интересов государственной власти.

Характерной чертой рассматриваемого периода является активная деятельность различного рода специальных судов и органов, наделенных правом внесудебной репрессии. Нормативные акты упрощали расправу. В них указывались лишь понятие преступления или понятия, общие для целой группы деяний – контрреволюция, посягательства на жизнь – без их определения. Для уголовного права времен Гражданской войны были характерны неопределенность составов преступления, понятий и терминов. В нормативных актах отсутствовали указания на санкции; так, например, заявлялось: «привлекать к уголовной ответственности», «карать по всей строгости революционных законов», что значительно упрощало широкое применение репрессий.

Руководствуясь революционным правосознанием, органы ВЧК проводили открытую агрессию против классово чуждых элемен-

тов, а иногда, при подавлении крестьянских выступлений, и против крестьян. Все это обосновывалось «интересами государства и трудящихся», «политикой социалистического государства».

Таким образом, законность в первые годы после Октябрьской революции не стала идеалом для большевиков, а главной целью деятельности чрезвычайных органов была борьба за Советскую власть.

ЛИТЕРАТУРА:

1. СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
2. СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 170.
3. СУ РСФСР. 1918. № 7. Ст. 63.
4. Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. – М., 1922.
5. Велидов А.С. Коммунистическая партия – организатор и руководитель ВЧК (1917-1920гг.). – М., 1967.
6. Велидов А. На пути к террору // Вопросы истории. – 2002. – № 6.
7. Государственная безопасность России: История и современность / Под. общ. ред. Р.Н. Байгузина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
8. Епихина А.Ю., Мозохина О.Б. ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921-1928): Монография. – М.: Куликово поле; Гиперборея, 2007.
9. Пролетарская революция и право. – М., 1919. – № 1.
10. Пятый созыв ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов: Стеногр. отчет. – М., 1919.
11. Титов Ю.П. Развитие системы советских революционных трибуналов как органов борьбы с наиболее опасными преступлениями // Вопросы истории уголовного права и уголовной политики: Сборник научных трудов. – М., 1986.

УДК 93/94

Домнин А.И.

Московский педагогический государственный университет

**ИСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ, ИДЕОЛОГИЯ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1920-1930-х гг.***

A. Domnin

Moscow State Pedagogical University

**INSTITUTIONALISATION, IDEOLOGY, ACTIVITIES OF YOUTH RUSSIAN
ABROAD ORGANIZATIONS**

Аннотация. Молодежные организации русской эмиграции – одна из наименее исследованных страниц отечественной истории. На основе ряда редких архивных источников, в том числе полученных из частных коллекций, в статье рассматриваются организационная структура, идеологические основы и деятельность различных молодежных формирований Русского Зарубежья, в которых осуществлялась физическая и идейная подготовка, велась антибольшевистская работа, проводились многочисленные мероприятия по воспитанию патриотизма. Впервые по идеологическому признаку вводится классификация русских эмигрантских молодежных организаций, а также показана идейно-политическая трансформация движений.

Ключевые слова: молодежные движения, Русское Зарубежье, сокольство, скауты, мушкетеры, витязи, разведчики.

Abstract. Youth organizations of Russian emigration is one of the least studied Russian history topic. On the basis of rare archive materials, including materials obtained from private collections, organizational structure, ideological foundations and activities of different youth formations, in which there were implemented physical and ideological training, anti-Soviet work, numerous patriotic actions, are considered in the present paper. The classification of Russian emigrational youth organizations are first introduced on the basis of ideology, the ideological-political transformation of youth movements is also presented.

Key words: youth movements, Russian Abroad, Sokol, scouting, mushketry, vityazi, razvedchiki.

Эмиграция «первой волны» активно боролась с ассимиляцией молодого поколения, осуществляя деятельность многочисленных молодежных обществ. Они стали неотъемлемой составляющей системы общественно-политических и культурологических процессов Русского Зарубежья 1920-1930-х гг., отличаясь идеологическим и институциональным многообразием, а также широким спектром деятельности.

Большинство молодежных движений Русского Зарубежья объединяла общая цель – гармоническое развитие молодого поколения в условиях эмиграции. Однако серьезные идеологические различия препятствовали единству в молодежном деле эмигрантского сообщества. Выделялись несколько основных разновидностей молодежных формирований: организации национального, гражданского и религиозного воспитания.

Союз Русского Сокольства, Национальная Организация Витязей, Национальная Организация Русских Разведчиков, Содружество Восход, Союз Мушкетеров, Национальный Союз Нового Поколения, Союз Младороссов и Союз Юных Фашистов — Авангард – представляли организации национального воспитания. Их объединяла общность взглядов на зна-

1 © Домнин А.И.

чение православной веры и национализма, а также активная антибольшевистская позиция. Особое значение придавалось борьбе с ассимиляцией, опасность которой в свое время заставила руководство «разведчиков» и «витязей» выйти из всемирной скаутской организации.

Из общей антикоммунистической канвы выбивался Союз Младоросов. Занявшие крайнюю антибольшевистскую позицию в первые годы своего существования, во второй половине 1920-х гг. «младороссы» начали «присматриваться» к советской системе правления, находя ее положительные стороны. В первой половине 1930-х гг. они уже признавали успехи социалистического строительства в России, в 1937 г. одобрили «сталинскую конституцию»¹. Наконец, перед началом Второй мировой войны возлагали надежды на «молодых коммунистов» — В.М. Молотова, А.А. Жданова и А.А. Андреева [1, 1].

Остальные национальные молодежные движения оставались на яркой антибольшевистской позиции, что частично сблизило их с фашистской идеологией. К ней у «соколов», «разведчиков» и «витязей» был исключительно прагматический подход. Их восхищали размах молодежного дела в Германии, военная реформа и система образования. «Разведчики», в частности, нашли «ряд интересных мыслей о воспитании» в книге «Моя борьба» [15, 16]. Несмотря на это, апологетами германского национал-социализма и итальянского фашизма руководители молодежных организаций не являлись: православное мировоззрение не совмещалось с расовой гордостью, «оттесняющей мысль о смирении и покорении Божьей Воле» [9, 20].

Идеология молодежных организаций гражданского воспитания, к которым относились скаутские формирования и студенческие союзы, основывалась на идеях «общечеловеческих ценностей». Уставы движений предписывали соблюдать аполитичность и главной целью определяли подготовку мо-

лодежи к самостоятельной жизни в условиях эмиграции.

Русские скауты в массе своей оставались аполитичными, но студенческие союзы сразу примыкали к различным идейно-политическим течениям. Так, Демократический Союз студентов в Брно пропагандировал либерализм и демократизм. В середине 1920-х гг. ряд студенческих структур обратились в сменовеховство, что вызвало раскол в студенческом движении Русского Зарубежья.

Очевидная слабость идейной подготовки в скаутских организациях приводила к отпочкованию от них многочисленных отрядов и образованию новых национально ориентированных молодежных обществ. Видя это, лидер Национальной Организации Русских Скаутов О.И. Пантюхов в 1934 г. принял новый устав русских скаутов, разработанный представителем «национального течения» в русском скаутизме А.М. Шатерником (возглавлял отдел «одинок» в Болгарии). Это способствовало укреплению организации.

Связи скаутских и ряда студенческих организаций с такими крупными иностранными образованиями, как Всемирная Христианская Ассоциация (YMCA) и Всемирное Бойскаутское Бюро нередко вызывали обвинения в масонстве. Особенно остро эта тема стояла в 1930-е гг., когда в эмигрантской среде усиливались национальные течения. Особое внимание уделялось символике скаутов: обратному треугольнику «Костровых братьев», масонским лилиям и крестам, а также изображениям на обложке журналов «скаута, поражающего дракона» [2, 158]. Скаутский девиз «Будь готов» именовался «общемасонским» девизом [5, 16]. Приводились также слова О.И. Пантюхова о свободе, равенстве, братстве и о падении тирании, произнесенные во время Февральской революции. Объектом обвинений в масонстве стал также Христианский Союз Молодых Людей, в печати которого восторгались гибелью последнего русского императора.

Молодежные организации религиозного воспитания были представлены Российским Студенческим Христианским Движением и

¹ Российский государственный военный архив. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 80.

«кружками духовного самосовершенствования». Данные структуры создавались с целью объединить верующую молодежь и привлечь к вере атеистов, помочь выработать христианское мировоззрение и подготовить защитников веры.

Характерно, что идеология всеобщего православного братства, проповедуемая Русским Студенческим Христианским Движением, столкнулась с идеологией интерконфессиональности, исходившей от YMCA, покровительствующей РСХД. Так, члены пражского библейского кружка при изучении Священного Писания могли пользоваться только руководствами Ассоциации, а на собраниях нельзя было повесить иконы, «чтобы не соблазнить неверующих» [3, 5].

Несколько слов следует сказать и об организационной структуре молодежных движений Русского Зарубежья. Организации «разведчиков», «витязей» и «скаутов» работали на принципах авторитаризма: их возглавляли пожизненные лидеры. В различных центрах русской эмиграции открывались отделы НОРР, НОВ, и НОРС, в которые входили несколько дружин, состоявших из отрядов.

Единство Союза Русского Сокольства осуществлялось на съездах и слетах. Наименьшей структурной единицей «соколов» было «гнездо». 3-7 гнезд объединялись в общество. Общества одной или нескольких стран подчинялись Краевому Союзу. Краевые Союзы входили в Союз Русского Сокольства, возглавлявшийся выборным старостой.

Съезды были высшим руководящим органом в Национальном Союзе Нового Поколения, Союзе Младоросов, Русском Студенческом Христианском Союзе. Во главе студенческих союзов Польши и Германии стояли Правления. В Чехословакии руководство союзами осуществлялось Бюро, в которое входили представители от студенческих секций.

Русские эмигрантские молодежные организации вели активную деятельность по таким направлениям как организация пропаганды, физическая и военная подготовка, устройство лагерей и походов, просвети-

тельская работа, осуществление гуманитарной помощи, а также антибольшевистская подрывная работа.

Пропагандистские акции русских «соколов» устраивались в рамках антибольшевистской борьбы. Как правило, это были шествия с национальным флагом или театрализованные действия, в которых, к примеру «соколы» «освобождали» Россию [12, 42]. «Разведчики», «витязи» и скауты регулярно выступали на днях «Русской Культуры». Национальный Союз Нового Поколения устраивал антисоветские специализированные выставки, на которых сообщалось о положении населения при большевистской власти и неизменно давалась картина «полного разрушения всех устоев в СССР» [14, 20-21].

Ключевым элементом физического воспитания «соколов» была гимнастика. Ежегодно в Чехословакии проводились международные всесокольские состязания, в которых участвовали свыше двух тыс. чел. Туда направлялись и наиболее подготовленные русские «соколы». В Тяньцзине сокольское общество достигло впечатляющих результатов в области спорта, организовав сильную футбольную команду [10, 244]. Гимнастикой и спортивными играми занимались «витязи» и «разведчики». Скауты наибольших успехов достигли в плавании и мореплавании. Так, морские скауты дружины «Ругодив» в Нарве учились в собственной школе юнг, плавали на байдарках и вельботе, выходили в море на своем паруснике [6, 2].

Активная военная подготовка велась в рядах «мушкетеров», «разведчиков», «витязей» и «соколов» (в Югославии и Болгарии). При организациях действовали стрелковые отделы, военно-учебные курсы и даже авиационные кружки. Таковой кружок, например, действовал под руководством генерала авиации В.М. Ткачева в «сокольском» обществе Белграда; в 1938 г. его посетил авиаконструктор И.И. Сикорский [7, 12].

Неотъемлемой составляющей скаутской жизни было устройство лагерей и походов. Скауты, «разведчики» и «витязи» изучали достопримечательности стран, где прожива-

ли, проделывая многокилометровые «марш-броски», и устраивали «беседы у костра», во время которых занимались «отечествоведением». 1-я Маньчжурская дружина скаутов создала исследовательский кружок имени Н.М. Пржевальского для организации экскурсий к объектам древнего Китая [11, 221]. «Содружество Восход» пребывание в лагерях совмещало с изучением русского языка, литературы, истории и географии.

Ведение просветительской работы в большей или меньшей степени было присуще всем молодежным движениям Русского Зарубежья. В Союзе Русского Сокольства, Русском Студенческом Христианском Союзе, Национальной Организации Русских Витязей, «Союзе Восхода»; всеми студенческими организациями практиковалось чтение лекций, докладов по истории, религии, географии, литературе и т. д. Для этого при молодежных организациях открывались просветительские отделы, клубы, кружки и библиотеки.

Скауты наладили активную гуманитарную деятельность. Они несли санитарную службу (в беженских лагерях Турции и Греции, во время наводнений и военных действий в Китае), оказывали материальную помощь неимущим (сбор средств в пользу детей Принаровья в Эстонии) [13, 3]. Русские «разведчики» и «витязи» занимались наблюдением за порядком и почетными караулами во время православных праздников или на других общеэмигрантских событиях, например, при похоронах Ф.И. Шаляпина или открытии памятника русским воинам, погибшим в Первой мировой войне во Франции. «Восходцы» организовывали елки для малоимущих детей, устраивали временную церковь для русской колонии в Нормандии и вели в ней службу [4, 9].

Национальный Союз Нового Поколения вел антибольшевистскую подрывную работу, сводившуюся к сбору информации о внутриполитическом состоянии СССР и о положении народа, прослушиванию радиостанций, изучению советских газет, переброске на «вражескую территорию» пропагандистов.

Зачастую это заканчивалось гибелью «новопоколенцев» в стычках с советскими пограничниками или арестом (а затем скорейшим расстрелом).

Начальник русских скаутов в Эстонии А.К. Баиов планировал задействовать подопечных в террористической деятельности, но категорический протест полковника Б.В. Энгельгардта помешал этому. В 1927 г. члены Общества Русской Молодежи Латвии проникли на советскую территорию с целью проведения террористического акта, но были задержаны, что привело к закрытию властями данной организации¹.

Молодежные организации Русского Зарубежья предстают перед нами уникальным историческим явлением. Только в русской эмиграции 1920-1930-х гг., в отличие от других диаспорных сообществ, молодежное дело было поставлено столь широко. Это способствовало сохранению национальных традиций, сбережению культурного наследия дореволюционной России. Сегодня опыт молодежного движения эмиграции «первой волны» может использоваться в формировании и реализации качественно новой молодежной политики, способной стать достойным ответом на вызовы современности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бодрость! – 1936 г. – №106.
2. Вершинин Е. Мир в лапах сатаны. – 1933.
3. Вестник РХД. – 1993. – № 168.
4. Восход. – 1929. – № 3.
5. Лукин Ю.Н. В мире символов. – Харбин, 1936.
6. Новый Нарвский Листок. – 1927. – № 62.
7. Пути Русского Сокольства. – 1938. – № 9-10.
8. Пути Русского Сокольства. – 1939. – № 2-3.
9. Пути Русского Сокольства. – 1939. – № 4.
10. Русские в Шанхае. – Шанхай, 1936.
11. Русские Скауты: Сборник воспоминаний. – Сан-Франциско, 1969.
12. Русский Сокол. – 1927. – № 4.
13. Старый Нарвский Листок. – 1935. – № 115.
14. Часовой. – 1931. – № 66.
15. Часовой. – 1935. – № 148-149.

¹ Архив Дома Русского Зарубежья. Фонд-Библиотека Будберга. Берлин-Харбин, 1933.

УДК 908

Пенькова Ю.А.

*Российский государственный
социальный университет (филиал в г. Мурманске)*

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ СЕМЕЙ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.)***

J. Penkova

Russian State Social University (branch in Murmansk)

**STATE PROTECTION OF FAMILIES OF MILITARY OF MYRMANSK
AREA IN THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)**

Аннотация. Данная статья раскрывает важнейшие направления социальной защиты семей военнослужащих Красной Армии и Флота органами государственной власти Кольского Севера в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных данных анализируется положение семей военнослужащих на территории Мурманской области в 1941-1945 гг. Исследуется роль прокуратуры СССР по надзору за выполнением законодательства, регулирующего социальную защиту военнослужащих и членов их семей.

Ключевые слова: военнослужащий, прокуратура, надзор, проверка, дисциплинарное преследование, фонд, помощь, жалоба, социальное обеспечение.

Abstract. The article reveals some major directions of social protection of families of military men by public authorities of Murmansk area in 1941-1945. The role of Public Prosecutor's office of the USSR on supervision of legislation performance on social problems of military men is investigated.

Key words: a military man, Public Prosecutor's office, supervision, inspection, disciplinary prosecution, fund, help (assistance), complaint, social security.

Актуальность темы представленной статьи обусловлена политической и практической значимостью проблемы социальной поддержки семей военнослужащих, которая является основным вектором государственной политики России в современный исторический период. И хотя в последние годы властные структуры государства уделяют особое внимание проблемам данной категории российских граждан, в вопросах социальной защиты семей военнослужащих остаются нерешенные проблемы. В связи с этим возможно обращение к опыту Великой Отечественной войны, когда советское государство взяло под особую опеку членов семей военнослужащих Красной армии и флота.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. явилась тяжелейшим испытанием для всего советского народа. Обстановка военного времени вызвала необходимость превращения страны в единый военный лагерь и перестройки всей экономики. Несмотря на неоднозначные оценки существовавшего в СССР политического режима, большинство историков отдают должное роли государственных органов в деле мобилизации страны. Через неделю после начала войны Президиум Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) издали постановление о создании высшего чрезвычайного органа – Государственного Комитета Обороны, сосредоточившего в своих руках всю полноту власти. Ведение военных действий потребовало крупных расходов. Но вопросы социального обеспечения не отошли на задний план, а, напротив, на всем протяжении войны были в центре внимания руководства стра-

* © Пенькова Ю.А.

ны. Социальное обеспечение продолжало носить стабильный характер. А пенсионное обеспечение в этот период не только не ухудшилось, а напротив, стало более льготным. Особое внимание уделялось военнослужащим и их семьям. В связи с условиями военного времени были созданы специальные органы по материальному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих, установлен особый порядок обеспечения государственными пособиями семей военнослужащих, находящихся в рядах армии, расширен круг обеспечиваемых пенсиями и пособиями, введены новые льготы инвалидам и семьям военнослужащих.

Работа с семьями военнослужащих, призванных на фронт, возлагалась на городские и районные отделы социального обеспечения, а также органы социальной защиты. Перед ними были поставлены задачи осуществления контроля над численностью семей военнослужащих, выявления условий их проживания, оказания всесторонней помощи, обеспечения необходимым минимумом продуктов и товаров первой необходимости. Президиумом Верховного Совета СССР 26 июня 1941 г. был издан Указ «О порядке назначения и выплат пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». Особое внимание в нем уделялось получению пособий членами семей мобилизованных. Пособие и его размер определялись и назначались по месту жительства семьи военнослужащего специальной комиссией, организованной при районных и городских исполнительных комитетах Советов депутатов трудящихся. В состав комиссий входили заместитель председателя рай(гор)исполкома, районный военный комиссар, заведующий рай(гор)отделом социального обеспечения. Решение вопроса о назначении пособия выносилось в трехдневный срок со дня подачи заявления. Размер пособия зависел от числа нетрудоспособных членов семьи. Нетрудоспособными, состоявшими на иждивении военнослужащего, считались дети младше 16 лет, учащиеся – до 18 лет; братья и сестры младше 16 лет, если они

не имели трудоспособных родителей; отец старше 60 лет, мать старше 55 лет; жена и родители, независимо от возраста, если они являлись инвалидами первой или второй группы. При наличии одного нетрудоспособного в семье пособие составляло 100 руб. в месяц, двух – 150, трех – более 200 руб. Если в семье имелся трудоспособный член, на иждивении которого находились дети, то пособие выплачивалось в размере от 100 до 150 руб. ежемесячно¹.

После опубликования Указа от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплат пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» в Мурманске были созданы комиссии по начислению пособий членам семей, призванных в ряды Красной армии и флота. Но работа по организации выплат самих пособий шла очень медленно². К концу июля 1941 г. положение дел в работе с семьями мобилизованных улучшилось. Комиссией Ленинского района г. Мурманска к 28 июля 1941 г. были составлены списки семей мобилизованных во флот и в ряды Красной армии. Таких семей в районе насчитывалось 1400. После эвакуации 1280 семей в их районе осталось всего 120. К концу июля 1941 г. в комиссию Ленинского района по назначению пособий поступило еще 98 заявлений от членов семей красноармейцев. По каждому такому заявлению было назначено соответствующее пособие, еще 37 семей получили материальной помощи по 100 руб., 50 семей – по 150, 11 семей – по 200 руб. ежемесячно³. К началу августа 1941 г. Кировской районной комиссией г. Мурманска было принято к рассмотрению 468 заявлений. Из них было рассмотрено в срок 422 заявления. Ежемесячные пособия были назначены 403 семьям. В результате к концу 1941 г. по Мурманску сумма выплат составила 621430 руб. Кроме ежемесячных пособий, семьям фронтовиков делались и единовременные выплаты, их

¹ Государственный архив Мурманской области (далее ГАМО). Ф. 405. Оп. 1. Д. 251. Л.10.

² ГАМО. Ф. 405. Оп. 1. Д. 186. Л. 5.

³ ГАМО. Ф. 405. Оп.11. Д.70. Л.19.

сумма колебалась от 100 до 300 руб.¹

Прокуратура Мурманской области вела активную работу по исполнению Приказа Прокурора СССР от 3 февраля 1943 г. «О постоянном надзоре за неуклонным выполнением законов, охраняющих интересы семей защитников Родины». К примеру, проверка надлежащего обеспечения семьям военнослужащих государственных пособий была проведена весной 1943 г. При проверке было обнаружено несколько случаев неправильной выдачи государственного пособия - два в Териберском районе и один - в Ловозерском. После проведения расследования их выплата была прекращена².

Денежную помощь семьям военнослужащих оказывали и ведомственные организации. На заводах, предприятиях и учреждениях создавались комитеты, члены которых обследовали условия жизни семей мобилизованных, выясняли, что прежде всего им необходимо. На основе собранных сведений составлялись списки нуждавшихся в помощи. После чего руководство предприятий и учреждений выделяло дополнительные средства на удовлетворение потребностей членов семей фронтовиков. Так, Рыбный порт выделил на нужды семей мобилизованных 8910 руб., Торговый порт - 7000 руб., ГОРОНО - 5600 руб. и т. д. К февралю 1942 г. общая сумма денежных выплат от предприятий и учреждений семьям военнослужащих составила 52400 руб. Следует отметить, что не все предприятия и учреждения проявляли заботу о семьях военнослужащих. Например, руководство Судоремонтного завода Северного Флота далеко не всегда занималось вопросами улучшения быта семей военнослужащих. На заводе отсутствовал учет жалоб и заявлений со стороны семей фронтовиков, Комитет же по оказанию помощи семьям мобилизованных не был создан даже к 1943 г.

Денежные выплаты не были единственным видом помощи оказываемой семьям военнослужащих. В целях популяризации законодательства о льготах для военнослужащих

и их семей по заданию райкома ВКП(б) и при участии райкомов ВЛКСМ проводились повседневные консультации для семей военнослужащих по юридическим вопросам. В их проведении участвовали члены областного суда Мурманской области, районные прокуроры. Эта работа велась в Кандалакшском, Кировском, Мончегорском районах, а также в областном центре. Районные Советы депутатов трудящихся и органы социальной защиты периодически проводили собрания с женами призванных в ряды Красной армии. Собрания помогали оказать им необходимую поддержку, в том числе и в получении жилой площади взамен разрушенной во время налетов вражеской авиации, в трудоустройстве, в обеспечении дровами, в приобретении обуви и одежды, в устройстве детей в детские сады и ясли. К примеру, в 1942 г. по Ленинскому району были устроены на работу - 41 чел., из них 36 на заводы, 1 - строительство, 4 - угольную базу. Всего же по г. Мурманску в 1942 г. было трудоустроено 850 чел.³ Нередко встречались случаи, когда жены бойцов не могли работать на предприятиях, так как у них были малолетние дети. В такой ситуации им предоставлялась работа на дому. Оказывалась помощь и престарелым родителям фронтовиков, ведь для многих из них сыновья являлись единственными кормильцами. Для престарелых, которые сами не могли себя обеспечить, было предусмотрено распределение в дома инвалидов, либо к ним прикреплялся социальный работник.

В отчете Областной прокуратуры указано, что проверки состояния дел в указанном направлении проводились регулярно. В 1943 г. во всех проверенных районных и городских учреждениях был заведен строгий учет семей военнослужащих, получающих пособия в соответствии с Указом от 26 июня 1941 г. Жалоб на задержки выплат пособий за март месяц 1943 г. не имелось. Пособия семьям военнослужащих, проживавших далеко от районных центров, высылались им по почте, в труднодоступные для доставки районы области пособия доставлялись заранее.

¹ ГАМО. Ф. 405. Оп. 1. Д. 251. Л. 10.

² ГАМО. Ф. 901. Оп. 1 Д. 11. Л. 78.

³ ГАМО. Ф. 405. Оп. 1. Д. 251. Л. 10.

Государственный архив Мурманской области содержит данные о количестве и характере красноармейских жалоб прошедших через прокуратуру Мурманской области в 1 квартале 1944 г.¹ Наибольшее их количество падало на нарушение льгот военнослужащих и их семей. Иногда письменные жалобы военнослужащих заключали в себе запросы о сохранении вещей, о розыске родственников и т. д., то есть в них не содержались данные о нарушениях закона. Прокуратурой Мурманской области был возбужден ряд дисциплинарных преследований в отношении отдельных работников бухгалтерий и отделов кадров за волокиту, допущенную этими работниками при высылке справок о зарплате и трудовом стаже семьям лиц, погибших на фронте. Например, в марте 1943 г. было возбуждено три таких преследования: по Мурманскому судоремонтному заводу Главсевморпути, по Мурманской судовой верфи, по Князегубскому поселковому совету. В указанных организациях по неуважительным причинам не высылались справки о стаже работы и получаемой заработной плате работников, ранее работавших в этих организациях и впоследствии погибших на фронте.

В 1943 г. в городских собесах городов Мурманска, Кировска, Кандалакши, Мончегорска учитывались не только семьи военнослужащих, получающих пособия, но и те из них, которые по закону пособий не получали. Таким образом, наблюдением райисполкомов и райсобесов были охвачены почти все семьи военнослужащих. Выдача единовременных пособий, предоставление единовременной помощи семьям военнослужащих в сельскохозяйственных районах области осуществлялась и колхозами. Например, по Кандалакшскому району колхозные кассы взаимопомощи выдали семьям военнослужащих 7330 рублей.

Дети из семей военнослужащих снабжались обувью и одеждой. Только по одному Кандалакшскому району детскую обувь получило 303 чел., не считая обуви, выданной

по промтоварным ордерам². В то же время неудовлетворительно обстояло дело со снабжением взрослых членов семей военнослужащих промышленными товарами, в особенности верхней одеждой. Так, в 1942-1943 гг. пополнение промтоварных фондов происходило с большими перебоями. Проблема нехватки промышленных товаров осложнялась тем, что города Кандалакша и Мурманск имели значительное население, в том числе и семей военнослужащих, лишившихся имущества в результате налетов вражеской авиации. В связи с этим прокуратура решала вопрос об обращении с ходатайством в Наркомторг Союза СССР с тем, чтобы последний реализацию товарных фондов, предназначенных для Заполярья, проводил организованно³.

Областная и районная печать Мурманской области уделяла большое внимание вопросу оказания помощи семьям фронтовиков. В газетах ежедневно давалась информация о проводимой по этому вопросу работе. В апреле 1943 г. в Мурманской области была проведена декада помощи семьям фронтовиков. Этому событию был посвящен выпуск газеты «Полярная правда» от 10 апреля 1943 г. За период проведения декады для семей военнослужащих было собрано 649872 руб., 22 т. продовольствия, 2598 пар обуви, заготовлено 2706 куб. м дров, отремонтировано 273 квартиры военнослужащих. В 1944 г. органы социального обеспечения продолжили работу по организации помощи семьям фронтовиков. В 1944 г. семьям военнослужащих была оказана помощь деньгами в сумме 560000 рублей. Из государственных фондов нуждавшиеся получили 7500 предметов одежды и белья, 2300 пар обуви, 4500 кг продуктов питания. В целом по Мурманску за период Великой Отечественной войны семьям военнослужащих было выдано единовременных пособий на сумму 665000 руб., отпущено 6355 куб. м дров, большая часть из которых – бесплатно. Свыше 500 человек получили новое жилье, 980 чел. было трудоустроено, 1400 детей были

¹ ГАМО. Ф. 901. Оп. 1. Д. 13. Л. 12.

² ГАМО. Ф. 901. Оп. 1 Д. 11. Л. 49.

³ ГАМО. Ф. 901. Оп. 1 Д. 11. Л. 51.

определены в детские учреждения – сады и ясли. Кроме того, для детей и подростков организовывались загородные лагеря и детские площадки. Собранные деньги, продовольствие и мануфактура распределялись между семьями военнослужащих индивидуально, с учетом нуждаемости.

Все это является свидетельством того, что государственные органы СССР на протяжении всего периода Великой Отечественной войны стояли на страже интересов семей защитников Родины. И, несмотря на трудности военного времени, а также прифронтовое по-

ложение Мурманской области, проявляемые со стороны государства забота и внимание носили не эпизодический, а планомерный и систематический характер. Без всякого преувеличения можно утверждать, что продуманная социальная политика государства и ее четкое и эффективное осуществление в военное время имели огромное значение для достижения победы над врагом. Конечно, социальная политика СССР, основанная на принципе государственного патернализма, не была идеальной, но она позволила выжить миллионам наших сограждан в годы войны.

УДК 94(470 1/6) «19»

Колокольчикова Р.С.

Череповецкий государственный университет

СОЦИАЛЬНЫЕ БОЛЕЗНИ В ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ (СЕР. 1960-х – СЕР. 1980-х гг.)*

R. Kolokolchikova

Cherepovetz State University

SOCIAL DISEASES IN THE INDUSTRIAL CITIES OF THE EUROPEAN NORTH IN RUSSIA (MIDDLE OF T.1960-TH – MIDDLE OF T. 1980-TH YEARS)

Аннотация. В статье речь идет о том, что экзогенные факторы на территории индустриальных городов Европейского Севера России, такие, как суровые природно-климатические условия, маргинальный состав населения, отставание в развитии социально-бытовой сферы, загрязненная окружающая среда создавали благоприятные условия для повышенной заболеваемости населения социальными болезнями, занимали большое место в причинах общей смертности населения.

Ключевые слова: миграция, социальные болезни, смертность, туберкулез, травматизм.

Abstract. The article states that exogenous factors in industrial cities in the European North of Russia, such as severe climate, marginal population, underdevelopment of social sphere and polluted environment were suitable for the high sickness rate of social diseases and played an important role in the reasons of general mortality of the population.

Key words: migration, social diseases, mortality, tuberculosis, traumatism.

Советская градостроительная практика, установившаяся в СССР с начала индустриализации и сохранившаяся до начала 1980-х гг., заключалась в том, чтобы «рассматривать урбанизацию как результат управления развитием, размещением собственно материального про-

* © Колокольчикова Р.С.

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы. ГК П 360.

изводства» [1, 59]. Урбанизация, в отличие от индустриализации, не рассматривалась как специальный объект политики советского государства, она являлась функцией «социалистической индустриализации»: в развитии и размещении городских поселений видели подчиненный процесс, обслуживающий производство [4, 108]. Наиболее убедительно советская градостроительная практика проявилась в районах с суровыми природно-климатическими условиями, в частности, на территории Европейского Севера России, где во второй половине 1960-х – середине 1980-х гг. происходили большие изменения в картине городского расселения, связанные с осуществлением крупных народнохозяйственных программ регионального и общесоюзного значения. В результате одни городские поселения, история которых началась еще в годы первых пятилеток, получая с промышленным строительством импульс градостроительным процессам, переживали «второе рождение» (например Мончегорск, Сегежа). Другие же, как Череповец (история которого началась в связи с городской реформой Екатерины II), со строительством в послевоенные годы Череповецкого металлургического завода (ЧМЗ) и особенно его второй очереди в изучаемый период, – стали развиваться по модели индустриальных городов советского времени. Третьи поселенческие структуры, вблизи которых возводились крупные народнохозяйственные объекты, выросли до статуса индустриального города, как, например, Новодвинск, Коржма, Апатиты, а такой город, как Костомукша, в связи со строительством горно-обогатительного комбината был построен на «чистом месте». При всех особенностях истории каждого из индустриальных городов Европейского Севера, в различных сферах их жизни наблюдались аналогичные явления, события, общие тенденции развития. Это относилось к развитию демографических процессов в городах, к социальной сфере, в частности к такому сюжету, как заболеваемость населения индустриальных городов Европейского Севера социальными болезнями.

Население индустриальных городов Европейского Севера, где в изучаемый период осуществлялась реализация больших программ промышленного строительства, складывалось преимущественно в результате интенсивного миграционного оборота [2, 130; 3, 253-254]¹.

Преобладающее значение механического прироста в формировании населения индустриальных городов определило специфический состав горожан, сложившихся в основном из различных маргинальных групп с соответствующими социокультурными характеристиками. По «оргнабору», «общественному призыву», направлению трудоресурсов в индустриальные города Европейского Севера ехали люди трудоспособного возраста, в основном молодежь, преимущественно из сельской местности, малых со слабым промышленным развитием провинциальных городов из областей Европейского Севера, средней полосы, центрального района страны, Урала, из автономных и союзных республик СССР [5, 6]. Кроме того, на новостройки индустриальных городов направлялись «вынужденные мигранты», условно досрочно освобожденные, условно осужденные, лица, отбывшие срок наказания в исправительно-трудовых колониях.

Многие из мигрантов в индустриальных городах Европейского Севера оказывались в непривычных условиях жизни, гораздо худших, чем в местностях, откуда они приехали. Это, прежде всего, суровые природно-климатические условия, плохое санитарное состояние городов, загрязненная окружающая природная среда, повышенная криминогенная обстановка, неблагоприятные, по крайней мере, в первые годы жизни в городе, жилищные условия – в неблагоустроенных домах, переполненных общежитиях; это также недостаточно развитая сеть лечебных учреждений, школ, детских дошкольных учреждений, других социальных объектов; нередко анти-

¹ Государственный архив Мурманской области в г. Кировске (далее: ГАМО в г. Кировске). Ф. 106. Оп. 2. Д. 52. Л.35; Д. 70. Л. 36; Д. 87. Л. 33; Д. 103. Л. 39. Д. 144. Л. 44; Д. 165. Л. 42; Ф. 331. Оп. 1. Д. 51. Л. 13-15; Д. 91. Л. 14-18; Д. 122. Л. 17-20; Д. 160. Л. 73.

санитарная обстановка повседневного труда на стройплощадках и на вновь вводимых предприятиях, когда нередко приходилось выполнять работы при пониженных температурах, во временных слабо отапливаемых или неотапливаемых помещениях, или вне помещений, в заснеженной местности, когда случалось, что труд был связан с риском для здоровья, с риском для жизни. У новоявленных горожан порою не доставало гигиенических знаний, навыков для жизни в новых условиях, не доставало психологической устойчивости, чтобы пережить неизбежные трудности и разочарования на новом месте; некоторые по состоянию здоровья были не готовы к жизни в новых условиях. Состав горожан и названные обстоятельства благоприятствовали распространению среди населения индустриальных городов болезней, а также возникновению причин смертности, обусловленных экзогенными факторами, то есть факторами среды (инфекционные болезни, болезни органов дыхания и т. д.).

С возрастом роли миграции, как главного фактора увеличения численности населения индустриальных городов, увеличивалось значение таких причин общей смертности населения индустриальных городов, как самоубийства, убийства, несчастные случаи, травмы. Так, в 1966 г. в городе Череповце прирост населения за счет миграции составил 4635 человек, при этом такие причины общей смертности в городе как самоубийства, убийства, травмы, несчастные случаи, составили 15,1% от всех причин смертности, занимая после атеросклероза (40,2%) и злокачественных новообразований (20,9%) третье место. В 1971 г. в городе за весь исследуемый период был максимальный механический прирост – 7365 человек, при этом самоубийства, убийства, травмы, несчастные случаи составили в Череповце 22% в общей смертности, заняв второе место после атеросклероза (42%) и отодвинув на третье место злокачественные новообразования (15%)¹.

¹ Череповецкий центр хранения документации (далее: ЧЦХД). Ф. 782. Оп. (3)1. Д. (294)43. Л. 18; Д. (49)32. Л. 66.

В городе Мончегорске, когда в 1976 г. в связи со строительством пятой очереди комбината «Североникель» в 2,5 раза по сравнению с 1975 г. увеличился механический прирост населения, травматизм, отравления заняли второе место и составили 28,8% в структуре причин общей смертности, а в 1977 г. – 20%, сохраняя второе место в перечне причин общей смертности после сердечно-сосудистых заболеваний². На сессии депутатов в Коряжме в июне 1974 г. отмечалось: «Только в мае этого года зарегистрировано 17 случаев самоубийств...»³. Анализ состава больных в отделениях стационара Коряжемской больницы в середине 1970-х гг. показывает, что самый большой удельный вес лечившихся в стационаре (19%) – это больные с травмой⁴. Между тем, по данным Центрального статистического управления СССР за 1976 г., травматизм, несчастные случаи как причины смертности в СССР и РСФСР уступали сердечно-сосудистым заболеваниям и злокачественным новообразованиям⁵.

Несмотря на высокие темпы строительства объектов жилищного, социального назначения на территории индустриальных городов, оно не поспевало за темпами прироста городского населения. Это создавало перенаселенность общежитий, вызывало содержание в детских дошкольных учреждениях, школах сверхнормативного количества детей, в больницах – сверхнормативного количества больных. Следствием этого являлось нарушение санитарных норм, повышенная заболеваемость.

Количество больничных коек на душу населения индустриальных городов Европейского Севера уступало среднеобластным и среднереспубликанским показателям. Так, в Череповце обеспеченность горожан боль-

² ГАМО в г. Кировске. Ф. 87. Оп. 1. Д. 224. Л. 25; Д. 263. Л. 23; Ф. 106. Оп. 3. Д. 123. Л. 39, Д. 144. Л. 44, Д. 165. Л. 42.

³ Архивный отдел администрации г. Коряжмы. Оп. 1. Д. 167. Л. 122.

⁴ Архивный отдел администрации г. Коряжмы. Оп. 1. Д. 205. Л. 170.

⁵ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 73. Д. 212. Л. 234-236.

ничными койками в 1974 г. составляла 8 коек на 1000 жителей, а по Вологодской области – 17 коек на 1000 жителей, по РСФСР на 1000 жителей приходилось 14 коек. В 1977 г. обеспеченность больничными койками череповчан ухудшилась и составила 6,3 койки на 1000 жителей¹. В Коряжме в 1977 г. на 1000 жителей приходилось 9,6 больничных коек, а по Архангельской области – 13,2 койки². Недостаток в больничных койках наблюдался в самых разных отделениях стационара. Нередко больным с инфекционными болезнями приходилось отказываться в госпитализации, поскольку в больнице не было свободных мест. Переполнены были в начале 1970-х годов отделения больницы в Коряжме. В летнее время в больнице отсутствовала горячая вода, поэтому санитарная обработка больных не производилась, в детском отделении наблюдались внутрибольничные заражения. За 9 месяцев 1972 г. в Коряжме было зарегистрировано 980 случаев дизентерии³.

Сложные социально-экономические условия жизни способствовали возникновению в индустриальных городах Европейского Севера неблагоприятной эпидемической обстановки по заболеваемости туберкулезом. В изучаемый период постоянно развивалась материально-техническая база противотуберкулезной службы: создавались фтизиатрические кабинеты, противотуберкулезные диспансеры, которые становились организационно-методическими центрами по профилактике туберкулеза и борьбе с ним. Лечебные учреждения обеспечивались всем необходимым: кадрами, оборудованием, препаратами. Работа по предупреждению туберкулеза и борьбе с ним строилась на уровне отделов здравоохранения исполкомов горсоветов, принимавших ежегодно планы мероприятий, направленных на координацию деятельности лечебно-профилактических учреждений городов по вопросам профилактики и борьбы с туберкулезом.

¹ ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 662. Л. 1.

² Архивный отдел администрации г. Коряжмы. Оп. 1. Д. 205. Л. 168.

³ Архивный отдел администрации г. Коряжмы. Оп. 1. Д. 118. Л. 242.

При горздравотделах создавались противотуберкулезные комиссии с участием врачей-специалистов и депутатов. Профилактика заражения туберкулезом осуществлялась при помощи вакцинации, использования различных форм санитарно-просветительной работы. Работа по раннему выявлению туберкулеза, осуществлявшаяся у детей до 12 лет путем туберкулиновых проб, а у подростков и взрослых – путем флюорографирования, постоянно совершенствовалась. В первой половине 1980-х гг. показатели такой работы в некоторых индустриальных городах региона превосходили средние республиканские. Например, в г. Череповце в 1981 г. на 1000 человек с целью раннего выявления туберкулеза было осмотрено 844 человека, а в среднем по РСФСР – 705 человек⁴. Подавляющая часть активного туберкулеза органов дыхания выявлялась при профосмотрах. Так в Череповце в 1985 г. во время профосмотров был выявлен туберкулез органов дыхания у 74,1% больных, а в 1986 г. – у 76,7%⁵.

Благодаря проводимой работе в индустриальных городах Европейского Севера росли показатели клинического излечения и устойчиво снижалась смертность от туберкулеза, заболеваемость и общая болезненность туберкулезом. Например, в г. Апатиты и пригородной зоне заболеваемость туберкулезом снизилась с 43,1 случаев на 100000 населения в 1976 г. до 29,4 случаев в 1980 г., а болезненность, соответственно, с 184 случаев на 100000 населения до 104,2 случаев. За этот же период количество заразных форм туберкулеза уменьшилось более чем в 2 раза: с 45 случаев в 1976 г. до 20 в 1980 г.⁶. Однако уровень заболеваемости и болезненности населения индустриальных городов оставался относительно высоким. Например, в Череповце на начало 1984 г. состояло на диспансерном учете всего 2174 человека больных туберкулезом, в том числе с активной формой заболевания – 297 человек. Больных туберкулезом детей числилось 673 человека,

⁴ ЧЦХД. Ф. 782. Оп. 3. Д. 990. Л. 7.

⁵ ЧЦХД. Ф. 782. Оп. 3. Д. 1382. Л. 104.

⁶ ГАМО в г. Кировске. Ф. 329. Оп. 1. Д. 923. Л. 21.

в том числе с активной формой – 5 человек¹. Противотуберкулезным службам не удавалось добиться стопроцентного охвата горожан флюорографированием, обследованиям на реакцию Манту. Серьезные трудности вызывало обследование лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, не имеющих постоянного места жительства, постоянно-го места работы. Например, в 1981 г. с профилактической целью флюорографом было осмотрено 84,4% от всего населения города Череповца старше 12 лет, а в 1987 – 86% от горожан старше 12 лет².

Эффективность усилий противотуберкулезных служб, общественности по борьбе с туберкулезом снижалась из-за больших миграционных потоков в индустриальные города. Так, в отчете главного врача Череповецкого противотуберкулезного диспансера о работе за 1986 г. сообщалось: «...увеличение болезненности туберкулезом объясняется притоком больных активным туберкулезом на стройки народного хозяйства (судимых, а также из Азербайджана, Узбекистана, Казахстана). Всего за год прибыло 55 активных больных при заболеваемости в городе 68 человек»³. В целом болезненность туберкулезом в индустриальных городах снижалась медленнее, чем заболеваемость из-за прибывавших в города мигрантов с активными формами туберкулеза. В Мончегорске в 1974 г. отмечался рост бациллярных больных на 6 человек, прибывших в город с запущенными формами туберкулеза из мест заключения⁴. Серьезные трудности возникали с лечением больных туберкулезом из числа «условников», бродяг, алкоголиков. Нередко в диспансеры они поступали с запущенными активными формами туберкулеза, но за нарушение режима их были вынуждены выписывать из стационара, в итоге они снова становились источником инфекций для других⁵. Из выявленных путем флюорографирования больных туберкулезом в городе Череповце

в 1976 г. только 95% больных лечились под контролем фтизиатров⁶.

Негативно на эпидемической обстановке сказывалось то обстоятельство, что больные заразными формами туберкулеза не всегда обеспечивались изолированной жилой площадью. В отчете горздравотдела г. Мончегорска за 1978 г. отмечалось: «... из 19 больных, подлежащих обеспечению благоустроенным жильем, обеспечено 8 больных, причем имеются больные туберкулезом, проживающие в общежитиях в течение 2 и более лет, хотя, согласно постановлению Мурманского облисполкома от 10.8.77 года № 424, больные легочной формой туберкулеза должны обеспечиваться благоустроенной жилплощадью в течение 6 месяцев со дня внесения в списки горисполкома»⁷.

Слабо использовалось санитарно-курортное лечение для туберкулезных больных. Только 6,6% от всех диспансерных больных Череповца в 1983 г. получили такую возможность⁸.

Улучшению эпидемической ситуации в индустриальных городах по заболеваемости туберкулезом способствовало сокращение потоков миграции в города, а также противоалкогольная кампания, начавшаяся в 1985 г. В отчете главного врача Череповецкого противотуберкулезного диспансера за 1987 г. сообщалось: «Эпидемическая обстановка по туберкулезу в городе в 1987 г. несколько улучшилась – снизилась заболеваемость с 22,3% на 100000 населения в 1986 г. до 13,6 на 100000 в 1987 г. Такое снижение (на 59%) заболеваемости туберкулезом объясняется: снижением пьянства и бродяжничества в городе в 1985 г., уменьшением по сравнению с 1985 г. в 2 раза в городе условно-освобожденных и условно-осужденных, более активной работой по выявлению и оздоровлению угрожаемых по туберкулезу хронических алкоголиков городского наркологического диспансера»⁹.

¹ ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 1043. Л. 102.

² ЧЦХД. Ф. 782. Оп. 3. Д. 1006. Л. 2; Д. 1453. Л. 99.

³ ЧЦХД. Ф. 782. Оп. 3. Д. 1382. Л. 104.

⁴ ГАМО в г. Кировске. Ф. 87. Оп. 1. Д. 187. Л. 112.

⁵ ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 533. Л. 23.

⁶ ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 533. Л. 53.

⁷ ГАМО в г. Кировске. Ф. 87. Оп. 1. Д. 263. Л. 174.

⁸ ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 1043. Л. 92.

⁹ ЧЦХД. Ф. 782. Оп. 3. Д. 1453. Л. 98.

Среди выявленных больных туберкулезом органов дыхания преобладали лица мужского пола, трудоспособного возраста, преимущественно в возрасте от 30 до 49 лет, рабочих специальностей. Удельный вес больных туберкулезом органов дыхания среди судимых, неработающих, злоупотребляющих алкоголем был выше, чем в структуре населения индустриальных городов. В Череповце, например, в 1974 г. из числа выявленных больных 54% составляли мужчины, 52% – лица трудоспособного возраста от 30 до 49 лет, 62% – рабочие, 20% – различные категории неработающих, 12,5% – лица судимые¹.

Индустриальные города Европейского Севера России, на территории которых наблюдалась чрезмерная концентрация «неэкологичных» производств, являлись сосредоточением экологических проблем региона, следствием чего стала повышенная заболеваемость населения индустриальных городов, по сравнению с поселениями другого типа. Исследованиями, проведенными в 1987 г. череповецкими органами здравоохранения совместно со Свердловским НИИ гигиены труда и профзаболеваний, установлено интенсивное отрицательное влияние окружающей среды на состояние здоровья горожан. С 1977 по 1987 гг. общая заболеваемость детей болезнями органов дыхания и онкологическими заболеваниями взрослого населения возросла более чем в 2 раза. По сравнению с контрольной группой темпы роста заболеваемости населения Череповца бронхиальной астмой были выше в 5 раз. Выраженное отрицательное влияние среды выявлено на течение беременности у женщин. По сравнению с контрольной группой число осложненных беременностей, количество самопроизвольных абортов и преждевременных родов,

показатель детей с врожденным уродством выше, чем в контрольной группе, в 3 раза. Все это свидетельствовало о нарушении репродуктивной функции женщины и отрицательных изменениях генетической наследственности².

Таким образом, несмотря на усилия соответствующих медицинских служб, властей и общественности, направленные на предупреждение и борьбу с болезнями, вызванными экзогенными факторами, эпидемическая обстановка по этим заболеваниям в индустриальных городах Европейского Севера оставалась нестабильной. В индустриальных городах региона, учитывая тенденции демографических процессов, состав горожан, социально-экономическое состояние городов, окружающую природную среду, присутствовал повышенный комплекс факторов риска для появления и распространения социальных болезней,

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахизер А.С. Рабочий класс и управление организацией // Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. – М., 1970.
2. Илюха О.П., Антощенко А.В., Данков М.Ю. История Костомукши. – Петрозаводск, 1997.
3. Колокольчикова Р.С. Череповец как феномен индустриального города (сер.1960-х – сер.1980-х гг.). – Череповец, 2009.
4. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. – М., 2003.
5. Советский город: социальная структура. – М., 1988.
6. Урбанизация и развитие регионов областного уровня. – Л., 1990.

¹ ЧЦХД. Ф. 782. Оп. 3. Д. 495. Л. 43.

² Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2522. Оп. 121. Д. 366. Л. 1-3.

УДК 94 (47).085

Мищенко Т.А.

*Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского
(филиал в г. Новозыбкове)*

МОДЕЛИ ГЕНДЕРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ТРУДА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ*

T. Mishchenko

*Bryansk State University named after I. Petrovsky
(the branch in Novozybkov)*

MODEL OF GENDER LAW AT WORK: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Аннотация. Отмечая современную дискриминацию женщин на рынке труда, автор считает необходимым обратиться к истории становления правового статуса женщин в сфере труда. В статье предпринимается попытка сравнительного анализа советской правовой модели труда с западными моделями. Автор приходит к выводу о необходимости не только копировать западные неолиберальные образцы равных возможностей в сфере труда, но и обратиться к опыту советского трудового права, учитывавшего две основные сферы жизнедеятельности женщин – занятость на производстве и выполнение материнских функций.

Ключевые слова: охрана труда, советские женщины, охранительная модель, либеральная модель, положительная дискриминация.

Abstract. Noting the contemporary discrimination against women in the labor market, the author finds it necessary to refer to the history of establishing the legal status of women in employment. The author concludes that the need not only to copy Western neo-liberal models of equal opportunities in employment, but also to draw on the experience of Soviet labor law, which takes into account two main spheres of women's life - employment in the production and implementation of maternal functions.

Key words: safety, Soviet women, supervising model, liberal model, positive discrimination.

Рыночная трансформация и структурные сдвиги в экономике в последней четверти XX в. изменили условия труда и обострили проблемы занятости. Неравное участие мужской и женской рабочей силы в перераспределении на рынке труда позволяет говорить об усилении дискриминации женщин.

В повседневную практику вошли предпочтения мужчин в качестве работников, негативная оценка женщин работодателями, так как правовые льготы женщин повышают издержки на их привлечение в качестве работников. Наблюдается гендерная асимметрия в оплате труда, грубое нарушение социально-трудового права в неформальном секторе экономики, где наемными работниками являются в основном женщины.

«Законодательство, сформированное в прошлом, со своими льготами и запретами сегодня обернулось против женщин, – пишет В. Власов. – Женщина оказалась «невыгодной» рабочей силой, раз для нее надо создавать особые условия труда, особый режим отдыха, отпуска, ухода за детьми» [3, 40]. Для оценки правового положения современных российских женщин и выявления причин дискриминации женщин как работников необходимо выяснить особенности становления их правового статуса в советский период. Как отмечает Л. Завадская, дискриминация – явление, остро ощущаемое социально, но пока еще слабо фиксируемое

* © Мищенко Т.А.

формально [5]. Дискриминация определяется в юриспруденции через неравный доступ к праву как мере свободы равнозначных субъектов.

В СССР в конце 1950-х гг. проблему равноправия мужчины и женщины в социально-экономической жизни поднимала В.Л. Бильшай [1]. Доказывая преимущества социалистической системы, способной установить равноправие мужчины и женщины, автор критиковала буржуазное общество: «Трудящаяся женщина в буржуазном обществе терпит на себе гнет бесправия и унижения как труженица, как гражданка и как мать: за равную с мужчиной работу женщина получает пониженную плату; работая на производстве и имея самостоятельный заработок, женщина зависит от мужчины в выборе профессии, места жительства» [1, 25].

В.Н. Толкунова во второй половине 1960-1970-х гг. исследовала проблему закрепления в советском законодательстве международных норм, запрещающих дискриминацию женщин в сфере труда, и пришла к выводу, что все положения, содержащиеся в международных актах, предусмотрены советским правом [17].

В годы перестройки исследование трудовых прав женщин приобретает иное звучание. Л. Шинелева полагала, что женский вопрос в СССР еще не решен и ставит новые задачи перед советским обществом: «Женщина не просто элемент трудового потенциала, рабочей силы, она и мать, воспитательница детей... Ее требуется окружить на производстве повышенным вниманием. Важно создавать для женщин благоприятный социально-психологический климат в трудовых коллективах» [20, 27]. Таким образом, исследователь продолжила сложившуюся в СССР традицию рассмотрения правового положения трудящейся женщины как субъекта с семейными обязанностями, требующего постоянного расширения льгот.

В последующие десятилетия распространение гендерной теории в нашей стране способствовало формированию различных исследовательских подходов к оценке правового

статуса трудящейся женщины. Л. Завадская подвергла анализу конституционное законодательство, которое позволяет понять основные взгляды общества (советского и постсоветского, российского) на равенство [5].

И.С. Сабитова исследовала практики закрепления принципа равноправия женщины и мужчины в Конституции РСФСР и других бывших соцстран [12]. Д.Ф. Латыпова считает, что юридическое положение женщины будет отличаться и впредь, а отсюда и сохраняется необходимость в особом законодательном регулировании отдельных общественных отношений с участием женщин [9, 9]. С.В. Поленина в сравнительно-правовом плане показала, как положения международного права о правах женщины претворяются в национальное законодательство и политику России [11].

Вместе с тем недостаточный анализ советской правовой модели охраны труда женщин в сопоставлении с западными моделями, принятыми в развитых капиталистических странах, придает актуальность исследованию, дифференцирующему позитивные и негативные аспекты гендерного законодательства в сфере труда периода социализма.

Во многих исследованиях правового статуса женщин в России в той или иной мере проводится мысль, высказанная С.В. Полениной:

«... Октябрьская социалистическая революция 1917 г. в России не только коренным образом изменила правовой статус женщин страны, но и дала заметный импульс попыткам решения «женского вопроса» [11, 16]. Однако, пропагандируя лозунг равенства, Конституция 1918 г. принцип равноправия мужчины и женщины не выделяла.

На конституционном уровне этот принцип был закреплен в 1936 г. в Конституции СССР (и, соответственно, в Конституции РСФСР 1937 г.). В ст. 122 Конституции СССР говорится: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни». «Трудящаяся женщина, угнетенная при старом

строе, в Советском Союзе – равноправная гражданка», – утверждалось в журнале «Работница» в 1937 году [15]. Сущность равноправия женщины состояла в наличии права на труд, образование, квалифицированную научную работу наравне с мужчиной.

Начиная с 1930-х гг., советское трудовое право приобретало «охранительный» (термин, используемый в работах В. Власовым) или «патерналистский» характер (термин, употребляемый М. Малышевой) [4, 29-30]. Среди методов правовой защиты преобладала именно «охрана труда» как субъективное право работника (прежде всего женщины) на безопасные условия труда [10, 94].

Настоящий «всплеск активности» в правотворчестве в сфере женского труда приходится на период с 1957 по 1975 гг. За это время было принято 12 нормативно-правовых актов в области охраны материнства и детства и прав женщин в семье, 43 законодательных акта в сфере охраны трудовых прав женщин, 14 правовых актов по вопросам социального страхования и социального обеспечения женщин [подсчитано по: 6]. Права советских женщин были гарантированы не только трудовым, но и уголовным законодательством, которым устанавливалась уголовная ответственность должностных лиц за отказ в приеме на работу или увольнение беременной женщины или кормящей матери.

В КЗоТ РСФСР 1972 г. нормы, посвященные труду женщин, были выделены в отдельную главу. Поскольку женский труд регулировался особой главой Кодекса, женщина приобрела статус специального субъекта правоотношения, обладающего самостоятельным набором прав и обязанностей по сравнению с работником-мужчиной. Дифференциация трудового законодательства для женщин и мужчин в СССР объяснялась следующими факторами, специфичными для женщин:

- а) физиологическими особенностями женского организма, связанного с функцией материнства;
- б) состоянием активного материнства трудящейся женщины (беременность, роды, наличие грудного ребенка);

в) социальной ролью женщины-матери по воспитанию малолетних детей [16, 167].

Особая охрана труда женщин включала в себя несколько групп норм трудового законодательства:

1. Запрещение применять труд женщин на тяжелых и вредных для их организма работах. Действовавший с 1932 г. список таких работ был пересмотрен в 1978 г.

2. Ограничение предела подъема тяжестей женщинам на работе. В 1980 г. эти нормы были снижены с 20 до 10 кг и установлен общий суммарный предел переноса и передвижения женщиной тяжестей за рабочую смену.

3. Ограничение труда женщин в ночное время. Как временная мера, ночной труд допускался в пищевой, текстильной промышленности, в медицине, на предприятиях связи. За ночные часы работы женщине к ее зарплате доплачивалась половина тарифной ставки.

4. Пятилетними планами предусматривалось постепенное облегчение условий труда женщин путем механизации ручных, монотонных, вспомогательных работ.

Таким образом, в советском законодательстве 1950-1970 гг. был сформирован массив специальных норм-льгот, которые образовали правовую охрану труда женщин сверх общей охраны труда. В то же время в правовой науке развитых зарубежных стран господствовал иной подход к регулированию женского труда. Основанием для него являлась распространенная в европейских правовых системах либеральная модель государства, которое являлось арбитром в регулировании социальных, в том числе правовых правоотношений. В канву либеральной концепции вписывается антидискриминационный подход к регулированию женского труда [4, 29].

Согласно данному подходу, трудовое законодательство исходит из равенства работников независимо от пола. Соответственно, мужчины и женщины наделяются равным объемом прав, обязанностей и гарантий этих прав. Предполагается, что женщина, как разумное существо, способна сама определить, какую работу она хочет и может выполнять,

а какая является для нее опасной, вредной, тяжелой. Либеральное государство берет под особую защиту лишь несколько категорий женщин: беременных женщин и матерей, имеющих малолетних детей, что объясняется не половой принадлежностью, а физиологическими особенностями, имеющими временный характер, и подверженностью женщин в этот период особой дискриминации со стороны работодателей.

Согласно либеральной модели, патерналистские и запретительные меры в отношении труда женщин исключаются, поскольку они вводят двойной стандарт для работников разного пола, когда только мужчинам дано право самим принимать решение о выборе работы, а женщины рассматриваются как недееспособные граждане. Они не в состоянии самостоятельно принять решение о выборе работы, поэтому этот вопрос за них решает государство, вводя список запрещенных для женщин работ. Такого рода политика является дискриминационной в отношении мужчин, поскольку тяжелые и вредные условия труда губительны также и для их здоровья.

Действительно, следует признать, что любая негативная дискриминация одного из полов, будь то прямая или косвенная, неизбежно означает позитивную дискриминацию в пользу другого пола и наоборот. Однако советские правоведы утверждали, что «...разница здесь лежит гораздо глубже и состоит она в том, что если материнство в оценке капиталиста, а вслед за ним и капиталистического государства – частное дело женщины, противопоставляемое ее профессиональной деятельности, то в социалистическом обществе материнство признано государством социальной функцией женщины, и поэтому здесь данное противоречие исчезает» [2, 260].

Советское законодательство, охраняя женщину, содействовало вмешательству публичных институтов государства и права в семейную жизнь советских граждан: «...Советское общество, девизом развития которого является «Все для трудящегося человека, его блага», активно помогает женщине сочетать работу на производстве с материнскими

и семейными обязанностями» [16, 167].

Согласно подсчетам советских экономистов, примерно до второй половины 1960-х гг. затраты времени на введение домашнего хозяйства существенно сокращались, а затем стабилизировались и даже несколько повысились. Так, в 1923-1924 гг. в больших городах у женщин-рабочих домашний труд (включая уход за детьми) и труд в личном подсобном хозяйстве составлял 58,4 ч. в неделю, в 1936 г. – 31,1, в 1968 г. – 24,8 и в 1978 г. – 26,4 часа. Примерно две трети затрат времени на домашнюю работу приходилось на женщин и одна треть на мужчин [13, 54].

Обобщая комплекс мер по охране труда женщины-матери, В.Н. Толкунова в 1979 г. писала: «Только социалистическое общество оказало женщине социальную помощь по материнству, в том числе и различными льготами в социальном обеспечении: пособиями, пенсиями и другими видами материального обеспечения и обслуживания женщин и детей. Тем самым социализм создает условия для равного осуществления с мужчиной прав и помогает совмещать роль женщины как труженицы производства с материнством» [16, 167].

Основы трудового законодательства 1971 г. расширили трудовые льготы для беременных (запрет привлечения к ночным, сверхурочным работам, к работам в выходные дни, запрет направлять в командировку) и для женщин, имеющих детей в возрасте от одного года до восьми лет (перечисленные виды работ были возможны только с согласия женщины). Основы трудового законодательства 1971 г. повысили охрану труда женщин-матерей при переводе на другую работу в связи с материнством с сохранением им прежнего среднего заработка. В 1981 г. было принято Постановление ЦК КПСС об установлении частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им 1,5 года. Фактор семейного состояния женщины-матери повлиял и на установление льгот на пособие по уходу за больным ребенком до семи дней, а для одиноких матерей, вдов и разведенных женщин – до десяти дней.

В странах либерального права предпочтение в отстаивании трудовых прав женщин отдавалось судебной защите. Одним из важных решений в реализации принципа равной оплаты за равный труд мужчин и женщин стало вынесенное Судом ЕС по делу «Дефренн против «Сабена»» восьмого апреля 1976 г. Мисс Дефренн – стюардесса бельгийской авиакомпании «Сабена» получала заработную плату в размере 80 фунтов в неделю, в то время как идентичная работа, выполняемая стюардом этой же авиакомпании, оплачивалась в размере 100 фунтов в неделю [14]. Важное практическое значение имело решение Суда ЕС при рассмотрении дела «Маккартни против Смит». Суть дела состояла в том, что женщина, нанятая британской компанией на работу в качестве менеджера, получала заработную плату в размере 50 фунтов в неделю, в то время как ее предшественник-мужчина, занимавший ту же должность менеджера за четыре месяца до ее назначения, получал на десять фунтов в неделю больше. В решении Суда значилось, что женщина может сравнить оплату своего труда не только с оплатой труда мужчины, работающего с ней одновременно и выполняющего такую же работу, но и с оплатой своего предшественника. Интересно отметить тот факт, что толкование, данное Судом ЕС, находилось в противоречии с положениями британского Акта о равной оплате 1970 г., что подтвердило примат права ЕС над правом национальным [19].

Эти материалы создали прецеденты и дополнили национальные законодательства. Однако обеспечение трудовых прав женщин в европейских странах имело противоречивый характер, так как большинство работающих женщин не решалось обращаться в суд для защиты своих прав. Не случайно на состоявшейся в 1980 г. в Копенгагене Всемирной конференции, которая подвела итоги программы «Десятилетия ООН», отмечалось, что наибольшие успехи в улучшении положения женщины достигнуты в странах социалистической ориентации [7, 5].

В 1980-е гг. поиск правовых мер улучше-

ния положения работающих матерей в СССР привел к требованиям дальнейшего увеличения продолжительности их отпуска до трех лет, практике различных видов трудовой занятости (неполный рабочий день, работа на дому, скользящий график). По сравнению с 1970 г. в четыре раза выросли государственные расходы на пособия по беременности и родам, многодетным и одиноким матерям, на рождение ребенка, на детей малообеспеченным семьям [20, 24]. Однако в конце 1980-х гг. уже появились публикации, указывающие на нарушение трудовых прав женщин: «Подобные коллизии возникают в тех учреждениях, научно-исследовательских институтах, различных организациях, где излишек персонала сегодня очевиден и сокращение штатов необходимо. Первыми кандидатами на увольнение чаще всего становятся женщины» [20, 24].

В европейских странах либеральная политика в области защиты трудовых прав женщин была дополнена многочисленными государственными программами, рассчитанными на разные группы работающих женщин: одиноких матерей, женщин с детьми дошкольного возраста, с ограниченными физическими возможностями, представительниц этнических меньшинств [21, 6]. Таким образом, в масштабах Европы осуществляется постепенная трансформация правового либерального государства в правовое социальное государство.

В России в 1990-е гг. наметился переход внутренней политики к модели неолиберализма с его опорой на индивидуальную свободу и сведением к минимуму социальных функций государства. Ренессанс идей либерализма в экономической и политической жизни вызвал стремление переписать раздел Конституции РФ о правах и свободах граждан применительно к неолиберальным образцам. В отличие от предыдущей Конституции СССР 1977 г., которая провозглашала принцип: «Женщина и мужчина имеют равные права», в Конституции РФ, принятой на референдуме 12 декабря 1993 г., в ч. 2 ст. 19 государство гарантировало «равенство прав

и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также ряд других обстоятельств» [8].

Трудовой кодекс РФ не содержит дискриминационных по признаку пола правовых норм (см. ст. 3 «Запрещение дискриминации в сфере труда») [18], однако в условиях конкуренции, свойственной рыночным отношениям, либеральный принцип доступа к труду фактически привел к феминизации как безработицы, так и бедности.

Несомненно, механизм реализации конституционного принципа равноправия мужчины и женщины в Российской Федерации должен быть разнообразным и многоплановым. Необходимо не только копировать западную либеральную модель равных возможностей в сфере труда, но и обратиться к опыту советского трудового права, учтившего две основные сферы жизнедеятельности женщин – занятость на производстве и выполнение материнских функций. Социалистическое прошлое может содействовать закреплению трудовых прав не в меньшей степени, чем опыт развитых капиталистических стран. Условием эффективного использования прошлого опыта становится дифференцированная оценка позитивных и негативных аспектов гендерной политики периода социализма.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. – М., 1959.
2. Бильшай В.Л. Устранение остатков неравенства между мужчиной и женщиной и значение этого факта для международного женского движения // Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма. – Харьков, 1962.
3. Власов В. Право женщин на труд // Законность. – 1997. – № 8.
4. Жданова Т. Современные подходы к правовому регулированию труда женщин. Перспективы развития права, регулирующего женский труд в России // Юрист. – 2001. – № 7.
5. Завадская Л. Дорога к равенству. Проблемы дискриминации по признаку пола// URL: <http://www.owl.ru/rights/women2003/discr-63.html>
6. Законодательство о правах женщин в СССР (сборник нормативных актов). – М., 1975.
7. Идеино-политическая борьба и некоторые проблемы женского движения. – М., 1981.
8. Конституция РФ// URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>.
9. Латыпова Д.Ф. Правовое положение женщин (историко-методологический аспект): Автореферат дис... к.ю.н. 12.00.01. – Казань, 2004.
10. Об условиях труда женщин-трактористок и шоферов на грузовых автомашинах. Постановление НКТ СССР от 9 мая 1931 г. №110 // Законодательство о правах женщин в СССР (сборник нормативных актов). – М., 1975.
11. Поленина С.В. Женщина и государство: правовой аспект// Женщина и свобода. Пути выбора в мире традиций и перемен. Материалы международной конференции 1993 г. – М., 1994.
12. Сабитова И.С. О генезисе конституционного принципа равноправия женщины и мужчины в России и приоритетности его реализации в сфере трудовых отношений// Вестник Поволжской Академии госслужбы имени П.А. Столыпина. – Саратов, 2005. – № 9.
13. Сергеева Г.П. Профессиональная занятость женщин: проблемы и перспектива. – М., 1987.
14. Суд Европейского Сообщества. Избранные решения/ред.колл.: Акопова И.Г., Водолагин С.В., Толстопятенко Г.П., Энтин Л.М. – М., 2001.
15. Сталинская Конституция и женщина // Работница. – 1937. – № 5.
16. Толкунова В.Н. Абрамова А.А. Охрана труда женщин в СССР/ Сравнительное трудовое право. По материалам советско-британского симпозиума. – М., 1987.
17. Толкунова В.Н. Повышение гарантий трудовых прав женщин по новому общесоюзному закону о труде// Вопросы развития трудового права в основах законодательства Союза ССР и союзных республик о труде. Труды ВЮЗИ. М., 1972. Т.24.
18. Трудовой кодекс РФ // URL: <http://www.consultant.ru/popular/tkrf/>
19. Чеботарева А.С. Защита прав женщин в Европейском союзе// URL: <http://xserver.ru/user/zpges>.
20. Шинелева Л. Решение женского вопроса в СССР: достижения и проблемы// Политическое образование. 1988. №3.
21. Шмидт В.Р. Обеспечение трудовых прав женщин: сравнительный анализ международного и национального законодательства // Труд за рубежом. 2003. №3.

РАЗДЕЛ IV. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира и Средних веков

УДК 903.05

Авилова Л.И.

Институт археологии Российской академии наук (г. Москва)

О СИМВОЛИКЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ РЕПЛИК ОРУДИЙ ТРУДА (ПО МАТЕРИАЛАМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА ЭПОХИ БРОНЗЫ)*

L. Avilova

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow

CONCERNING THE SYMBOLIC MEANING OF METAL TOOLS REPLICAS (ON THE BRONZE AGE MATERIALS FROM THE NEAR EAST)

Аннотация. В статье рассматриваются археологические находки с территории Ближнего Востока, относящиеся к эпохе бронзы. Специфическая группа металлических изделий из элитарных погребений включает нефункциональные реплики орудий труда, изготовленные из ценных материалов, в том числе драгоценных металлов. Рассматриваемые предметы делятся на две группы – имитации плотницких орудий (мужской набор) и веретена (женский набор). Для выяснения символики находок привлекаются древние тексты и изображения. Анализ материалов свидетельствует, что изготовление символических реплик орудий из ценных материалов было характерной чертой идеологии в раннеклассовых обществах Ближнего Востока. Такие вещи визуализировали иерархическую структуру общества. Их нахождение в погребениях лиц высокого социального ранга раскрывает социально-знаковый аспект этих «орудий труда», указывая на важнейшую функцию правителя как организатора строительных работ и гаранта общественного порядка в городах-государствах Древнего Востока.

Ключевые слова: Ближний Восток, бронзовый век, археологические памятники, погребальный обряд, реплики орудий труда, символика.

Abstract. The paper considers a series of archaeological finds from the Near East dating from the Bronze Age. Specific group of metal objects from the outstanding burials includes non-functional replicas of tools made of valuable materials, including noble metals. The finds are divided into two sets related to man's and woman's activity – carpenter tools and spindles. To interpret their symbolism the author draws ancient written texts and images. The analysis evidences that making symbolic replicas of tools using valuable materials was a characteristic feature of ideology in the early class societies of the Near East. Such artifacts visualized hierarchical social structure. Their presence in the burials of persons of high social rank points to the social significance of the replicas ritually used by the ruler as the organizer and keeper of social system in the Near Eastern city-states.

Key words: Near East, Bronze Age, archaeological sites, burial rite, tools replicas, symbolism.

* © Авилова Л.И.

Важнейшее место в системе познания и мышления населения древнего мира занимает религия, не важно, стройные ли это религиозные системы или примитивные несистематизированные верования. Без учета религиозных воззрений культура как система общественных отношений, нормативных запретов и предписаний не может быть адекватно понята. Законы, обычаи, ритуальные практики в древних обществах часто представляются не только непонятными, необъяснимыми, но и противоположными тому, что кажется нам естественным и само собой разумеющимся.

Если же обратиться к религиозно-мифологическим представлениям, то во многих случаях факты складываются в систему, становятся объяснимыми. Таким образом, при изучении фактов и явлений следует помещать их в контекст понятий древних о Вселенной, человеке, обществе, жизни и смерти, загробном существовании, сверхъестественных силах, управляющих миром и судьбой человека. В этом случае можно установить связь между верованиями и древними нормативными системами и обрядами [8], полнее понять вещественные источники, с которыми имеет дело археология. При исследовании отдаленных эпох и бесписьменных культур можно найти выход в применении сравнительно-исторического метода и исторической ретроспекции.

В данной работе предлагается реконструкция некоторых аспектов идеологии древних обществ Ближнего Востока в эпоху бронзы (IV-III тыс. до н. э.). Автор обращается к археологическим находкам, изобразительным материалам и древним текстам. Особое внимание уделяется металлическим изделиям, поскольку металл в древности был одним из наиболее ценных материалов, он добывался со значительными затратами труда не только для внутреннего потребления, но и для обмена, служил эквивалентом ценности и использовался для изготовления символически значимых предметов, таких, как парадное оружие, символы власти [1].

В ряде элитарных археологических комп-

лексов IV и III тыс. до н. э. с территории Месопотамии, Сирии и Анатолии, присутствуют особо ценные и символически значимые металлические предметы.

При исследовании погребального инвентаря Царского некрополя Ура в Южной Месопотамии [17] была выделена специфическая группа находок, по форме соответствующих орудиям труда, но изготовленных из драгоценных металлов. Они были обнаружены в могилах лиц наиболее высокого социального ранга – царей и членов царской семьи. В состав инвентаря погребения 580, известного как «погребение принцессы», входило парадное оружие (золотой кинжал и копье из электра, бронзовый втульчатый топор), а также набор плотницких инструментов: золотое втульчатое тесло (рис. 1: 3), два золотых долота и одно бронзовое, а также бронзовая пила [17, табл. 165, 229].

В могиле 800, известной как погребение царицы Шубад/Пуаби, также представлен набор плотницких инструментов. Это несколько бронзовых пил и одна золотая (рис. 1: 7), пять золотых долот (рис. 1: 4), бронзовое сверло и втульчатое тесло [17, табл. 158b].

В захоронении царя Мескаламдуга (погребение 755) также наряду с оружием из золота и электра найдена бронзовая пила.

Фиксируется и факт культового использования обычных бронзовых плотницких орудий. На храмовом участке раннединастического городского поселения Телль Хазна 1, исследованного российской экспедицией в Северо-восточной Сирии, обнаружен клад бронзовых плотницких орудий [5, 15]. В состав комплекса входили два тесла разных типов, долото с желобчатым рабочим краем, орудие типа стамески, а также черенковая пила (рис. 1: 8-11). Сочетание драгоценных царских регалий с плотницким инструментарием имеет место и в находках Анатолии: в кладе А из Трои II наряду с двумя золотыми диадемами, драгоценными украшениями, сосудами и др. присутствуют несколько тесел и бронзовая пила [16, № 6157].

Почему среди оружия, украшений и символов власти шумеры и их соседи помещали

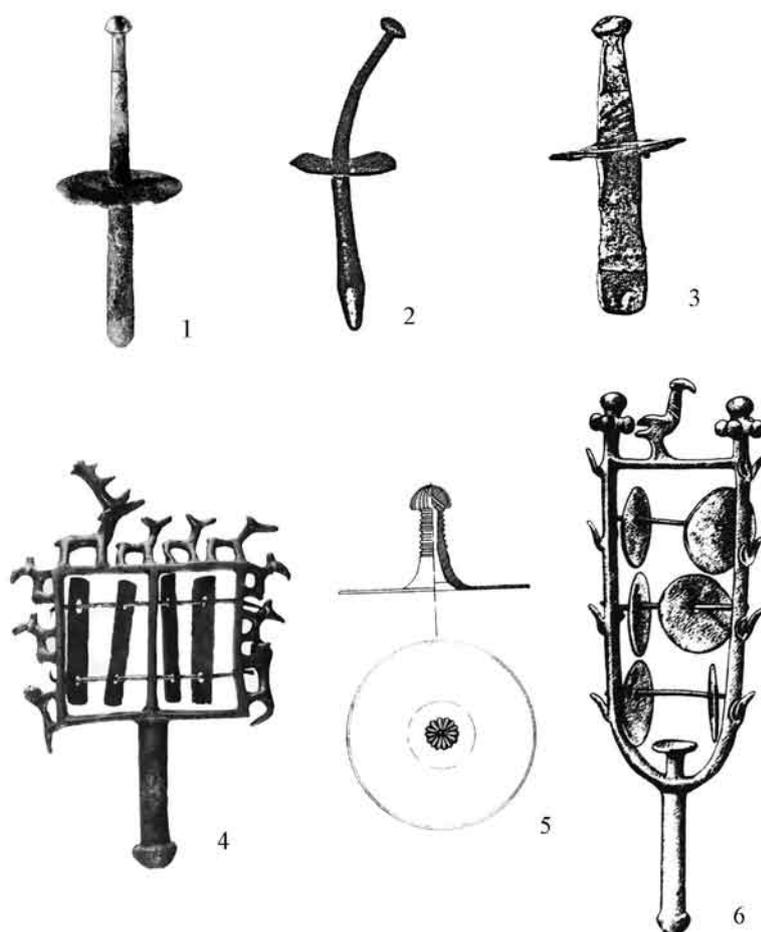

Рис. 1. Сцены строительства и плотницкие орудия из памятников эпохи бронзы Месопотамии и Сирии.

1 – фрагмент статуи Гудеа, правителя Лагаша (XXII в. до н.э.); 2 – царь Ура Урнамму в виде строителя; прорисовка изображения на стеле Урнамму (XXII-XXI вв. до н.э.); 3 – прорисовка изображения на цилиндрической печати раннединастической эпохи из Месопотамии; строительство храма-зиккурата; 4-7 – Царский некрополь Ура; 8-11 – клад на храмовом участке Телль Хазны 1.

1 – диорит; 4, 6, 7 – золото; 5 – серебро; 8-11 – бронза.

в могилы царей и членов царской семьи наборы плотницких орудий? Изготовление царских регалий и парадного оружия из золота вполне логично, но реплики ремесленных орудий из драгоценного металла, не предназначенные для практического употребления, должны иметь иной смысл. Для его понимания важно, что рассматриваемые находки происходят в основном из погребений. На наш взгляд, при трактовке подобных находок следует обратиться к религиозно-мифологическим взглядам древнего населения, в

частности, к явлению тесного переплетения культа мертвых и культа плодородия. Из мифологии многих древних народов известно, что при несоблюдении погребальных ритуалов лишенная жилища и приношений душа становилась злобным духом, способным насыпать бедствия – болезни, неурожай, падеж скота и пр. [6; 7]. (Подобные верования удержались вплоть до начала XX в. и зафиксированы этнографией – см. материалы о «заложных покойниках» – [3]). И наоборот, характерной чертой древних религий явля-

лась вера в то, что при соблюдении погребальных обрядов умерший превращался в покровителя, подателя благ, божество, умножавшее благополучие и плодородие. В соответствии с этим основной целью культа мертвых было обеспечение благополучия живых потомков (семьи и шире – общины, города, государства). Эти идеи стоят в тесной связи с явлением обожествления предков, зафиксированным в шумерской литературе: так, отец героя Гильгамеша правитель Урука Лугальбанда последовательно называется богом [9, 44]. Традиция обожествления предков отражена в античной литературе. У Еврипида Альцеста при виде гробницы восклицает: «Ты, ставший под землей богом, будь ко мне милостив!» [Еврипид, Альцеста, 1004]. О том же говорит Цицерон: «Это люди, покинувшие жизнь; считайте их за существа божественные» [Цицерон, О законах, II, 9].

Изготовление орудий труда, не пригодных для практического применения, предполагает обрядовое участие его владельцев в каких-то работах. Анализ контекста комплексов, содержавших реплики плотницких инструментов, изготовленных из драгоценных металлов, привлечение древних письменных источников и изобразительных материалов позволяют утверждать, что, начиная с раннединастического периода в Месопотамии и тесно связанной с ней общим направлением культурного развития Анатолии, строительная деятельность осмыслялась как важнейшая функция обожествляемого правителя – царя-жреца (термин П. Амье) по поддержанию жизни городской общины и миропорядка в целом. Поэтому «орудия», предназначенные для использования в религиозных церемониях, могли изготавливаться из драгоценного металла, как и символы царской власти. Высокий символический смысл плотницких инструментов вытекает также из того, что они служили атрибутами божеств: так, солнечный бог Шамаш изображался с пилой.

Благодаря дошедшим до нас шумерским и аккадским текстам мифологического содержания имеется возможность провести па-

раллели между археологическими, изобразительными и литературными материалами с целью выяснения семантики тех или иных предметов. Специфический набор металлических изделий из элитарных погребений эпохи бронзы указывает на комплекс представлений, объединяющих понятие царской власти с определенными видами трудовой деятельности.

В шумеро-вавилонской мифологии яркое выражение получила тема преодоления первоначального хаоса, создание упорядоченной вселенной, а также человека творцом-демиургом (в этой роли выступают боги Энлиль и Энки). Роли Энки как устроителя, насадившего цивилизацию и порядок на земле Шумера, посвящен шумерский текст «Энки и мировой порядок». Бог мудрости Энки дает людям основы цивилизации, законы жизни человечества («ме»). Среди этих основополагающих понятий перечисляются: власть богов, власть царя, царский трон, знаки царской власти, жреческие должности, мир, правосудие, и, что важно для данной темы, искусство обработки дерева, искусство обработки металла, ремесло строителя. Бог Энки сам закладывает фундаменты, делает форму для сырцового кирпича и строит дома, хлева и овчарни.

Ту же функцию упорядочения обитаемого мира выполняют и культурные герои. Так, герою Энмеркару приписывалось изобретение письменности, а герой Гильгамеш положил начало градостроению, построив оборонительную стену вокруг Урука.

Шумерские боги не только символизировали творящие силы природы, они являлись покровителями местных общин. Соединение этих идей проявлялось в слиянии представлений о власти военного вождя («эна»), впоследствии царя, с функциями верховного жреца.

Лидера месопотамского города-государства рубежа IV – III тыс. и первой половины III тыс. до н. э. можно обозначать термином вождь-жрец в соответствии с его основными общественными функциями. Он контролировал сбор сельскохозяйственных продук-

тов, предназначавшихся для поддержания культа богов и строительство храмов, нес ответственность за функционирование ирригационных систем, обеспечивавших избыток сельскохозяйственной продукции и накопление ресурсов для обмена, участвовал в организации ремесленной деятельности, также во многом концентрировавшейся вокруг храма. Все это углубляло дифференциацию общины и требовало идеологического осмысления власти вождя как божественного установления, направленного на существование и процветание общины [2, 142].

Строительный аспект деятельности царя считался столь же существенным, как защита от врагов и обеспечение процветания народа. До нас дошли строительные надписи правителя города Лагаша Гудеа (XXII в. до н. э.), где подробно повествуется об обновлении храма покровителя города бога Нингирсу:

«... Правитель сидел с мастерами, кующими серебро,

Украшая Энинну (святилище) драгоценными камнями,

Он сидел с ювелирами, строил из меди и олова,

Нинтуркаламма (богиня) перед ним

Управляла ремесленниками и литейщиками» [10, 408].

Сохранилась статуя Гудеа, где он представлен в роли архитектора: правитель держит на коленях плиту с четко и геометрически правильно изображенным планом храма (рис. 1: 1). Известно и изображение Урнамму, царя 3-й династии города Ура (XXI в. до н. э.) в роли строителя: он несет за плечами набор строительных инструментов – топор с длинной рукоятью, корзину для переноски кирпича, измерительный циркуль, черпак для строительного раствора (битума), мастерок-кельму (рис. 1: 2).

Очевидно, что строительство, прежде всего сооружение храмов, считалось в древней Месопотамии, начиная по крайней мере с раннединастического периода, важнейшей сферой деятельности вождя-жреца, обожаемого правителя, имеющего целью поддержание жизни городской общины и

укрепление всего мирового порядка.

Приведу некоторые сведения из шумерского и аккадского текстов эпоса о Гильгамеше и некоторых других литературных произведений этого времени (III – II тыс. до н. э.). Гильгамеш – мифопоэтический персонаж, реальным прототипом которого был один из царей первой династии Урука (первая половина III тыс. до н. э.). Важным мотивом поступков героя является строительство, добыча и обработка дерева. Так, миф «Гильгамеш и гора бессмертных» представляет собой рассказ о путешествии героя в сопровождении дружины в дальнюю горную страну с целью привезти в Урук священные кедр:

«Он сам вырвал с корнем первое дерево,

Сыны города, его спутники,

Обрубили ветви, закрепили веревки,

Отнесли его к подножию горы» [4, 213-214].

Повесть «Гильгамеш, Энкиду и подземный мир» также содержит сведения о ценном дереве и изготовлении из него различных предметов [4, 228-229].

Клинописные тексты конца III тыс. до н. э. указывают на горы Ливана, Амана и г. Хеврон как источники древесины, в более поздних текстах упоминаются также районы восточного Тавра и Загра [14, 350-351]. Доставка бревен происходила различными способами: на телегах, по воде, на плотах и лодках, причем бревна привязывали к лодке. Существуют сведения о том, какие породы дерева доставлялись в Месопотамию: можжевельник, кедр, сосна, кипарис, дуб, пальма, тamarиск и тополь. Древесина употреблялась на различные детали построек, в частности, перекрытия, связи стен, колонны, двери, внутреннее убранство помещений [14, 355-361].

Текст «Энмеркар и правитель Аратты» посвящен строительству храма правителем города Урука [4, 32-40]. Текст повествует об обмене между героем Энмеркаром и властелином расположенной на севере горной страны Аратты, богатой золотом, серебром и камнем. Основной мотив рассказа – необходимость постройки в священном месопотамском городе Эриду храма для бога воды

Энки. Царь Энмеркар обращается с мольбой к богине Инанне:

«О, сестра моя Инанна! Сделай так, чтобы жители Аратты

Искусно выделывали золото и серебро для Урука,

Чтобы они приносили благородный лазурит,

Извлеченный из скал...».

В обмен на строительный и поделочный материал царь посылает в Аратту караван вьючных животных, нагруженных зерном, радостно встречаемый в горной стране.

Из текста видно, что жители Двуречья довольно хорошо представляли себе процесс добычи металлов:

«Пусть жители Аратты

Принесут со своих высот горные камни

И построят для меня большой храм, большое святилище, ...

Когда добудут золото из руды,

Когда добудут серебро из пыли, ...

Укрепят вьюки на горных ослах».

Сцена строительства ступенчатого храма-зиккурата имеется на цилиндрической печати раннединастической эпохи (рис. 1: 3). Факт помещения данной сцены на знаке власти, каким являлась печать, усиливает сакральный характер изображения, подчеркивает связь процесса строительства с религиозным и властным аспектом жизни города.

Еще одна священная обязанность в строительной деятельности царя-жреца – сооружение городских укреплений. Не случайно в аккадской версии эпоса о Гильгамеше его герой, потрясенный мыслью о неизбежности смерти, после длительных поисков бессмертия возвращается в Урук, где находит утешение при виде построенной им городской стены [9, 82].

Итак, строительная деятельность правителей Месопотамии раннединастического и последующих периодов, прежде всего сооружение и украшение храмов, обосновывается как важнейшая функция царя-жреца по поддержанию жизни города и миропорядка в целом. Поэтому ремесленные орудия, предназначенные для исполнения царем, члена-

ми царской семьи религиозных ритуалов, изготовлялись из драгоценного металла, как и высшие символы царской власти – оружие, диадемы, украшения и пр. и включались в круг таких символов. Это тем более очевидно, что личность царя обожествлялась: ему приписывалось происхождение от бога или богини, сам он после смерти мог становиться местным божеством-героем (как в случае с Гильгамешем).

Обратившись к проблеме символики предметов, имитирующих орудия труда, рассмотрим еще одну группу реплик, изготовленных из ценных материалов. Это небольшая серия находок из памятников бронзового века Анатолии.

Из нескольких элитарных комплексов середины – второй половины III тыс. до н. э. происходят своеобразные металлические предметы. Они представляют собой стержни 10-15 см длиной с надетыми на них дисками. Вещи изготовлены из металлов, в том числе драгоценных. Авторы раскопок определяют их как веретена с пряслицами.

Среди упомянутых комплексов три гробницы Царского некрополя Аладжахейюк в Центральной Анатолии. Погребение L содержало серебряное веретено с верхней частью, обтянутой золотой фольгой и диском-пряслищем овальной формы [12, 169, табл. 197, 1] (рис. 2: 1); в погребении H найдено такое же веретено, но из бронзы [12, 169, табл. 136]; в погребении A bis также найдено бронзовое веретено [11, 178, рис. 21]. По крайней мере часть погребений, из которых происходят данные находки, идентифицируются как женские по набору инвентаря. Так, гробница H содержала две женские статуэтки, золотой гребень, несколько так называемых «кастаньет» – металлических дисков с полыми вертикальными ручками, обычно находимых парами (их считают ударными музыкальными инструментами типа тарелок).

Два веретена происходят из разграбленного царского некрополя Хорозтепе в Центральной Анатолии. Одно изготовлено из электра, верх его покрыт золотой фольгой. На стержне находится овальный диск – прясли-

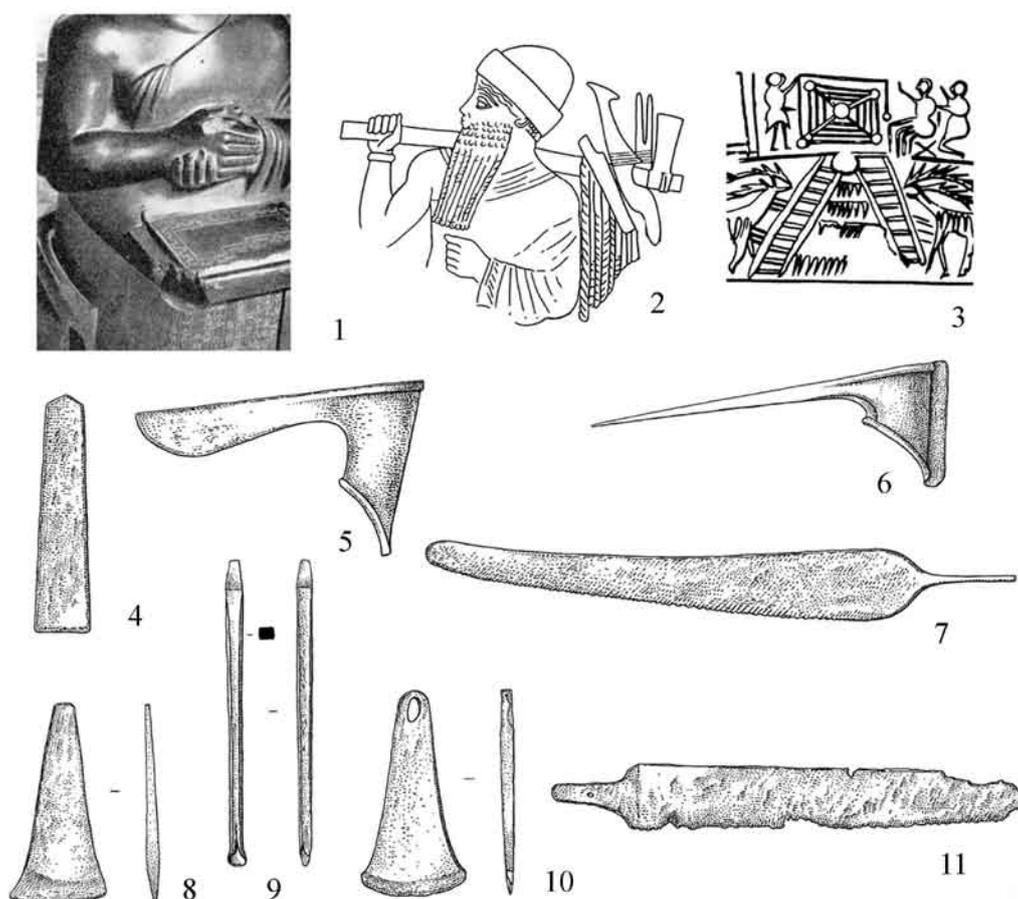

Рис. 2. Археологические находки из памятников бронзового века Анатолии.

1 – веретено из могильника Аладжашейюк, погребение L (серебро, золотая фольга); 2, 3 – веретена из могильника Хорозтепе (2 – бронза, 3 – электр и золотая фольга); 4, 6 – «систры» из могильника Хорозтепе (бронза); 5 – «кастанъета» из могильника Хорозтепе (серебро).

це [15, табл. 8, 2] (рис. 2: 3). Второе веретено бронзовое, оно состоит из круглого в сечении стержня с коническим утолщением на конце [15, табл. 8, 3] (рис. 2: 2). Среди находок из этого могильника также имеются музыкальные инструменты – «кастанъеты» (тарелки) (рис. 2: 5) и «систры». Последние представляют собой сложную конструкцию в виде рамы с поперечными стержнями, на которые надеты подвижные пластины или диски, звенящие при встряхивании (рис. 2: 4, 6).

Представляется, что мы имеем дело с тем же явлением изготовления реплик орудий

труда из ценных материалов – бронзы и драгоценных металлов, – что и в случае с плотницкими инструментами (в быту веретена делали из дерева). Они являются своеобразным «женским» аналогом «мужского» набора символически насыщенных предметов, знаков высокого социального статуса, куда помимо веретен могли входить и музыкальные инструменты.

Изобретение прядения и ткачества относится к достижениям неолитической эпохи. Древнейшие находки тканей происходят из Чатал Гююка, погребение в слое VI [13,

88, рис. 57]. С тех пор и до Нового времени прядение было одним из основных занятий женщины в сфере домашнего производства и осмыслялось как таковое, причем эта идея была универсальной, она присутствует в идеологических представлениях разных эпох и культур. Разделение труда на мужскую и женскую сферы мыслится как изначальное, общечеловеческое явление, и в ней женщине отводится роль пряжи. Эта идея отражена в античном мифе о соперничестве Арахны с Афиной в искусстве прядения. Библия включает прядение в перечень занятий рачительной хозяйки дома: «Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчуга... Протягивает руки свои к прялке, и персты ее берутся за веретено... Не боится стужи для семьи своей, потому что вся семья ее одета в двойные одежды» [Притч 31: 10, 19, 21]. Прядение было распространено во всех социальных слоях, включая элиту. Так, в «Одиссее» есть сцена, где Елена Спартанская занимается прядением на пиру, причем описаны драгоценные «орудия труда», полученные ею в подарок от Аלקандры, жительницы Фив (Египет). Последняя

«...одарила богато Елену:

Веретено золотое и ларчик дала на колесах
Из серебра, с золотою каемкой...

... Пряжею полный искусно сработанной;
сверху лежало

Веретено золотое с фиалково-темною
шерстью» [Одиссея, IV, 130-135].

В древности существовала тесная связь в осознании женских функций прядения и продолжения рода, ассоциация нити пряжи с пуповиной, кровным родством, связью поколений: хеттск. *caḡalan* означает «семья», «потомство». Пряжа соотносится с нитью жизни и судьбой: три Мойры прядут нить человеческой жизни, причем имя одной – Клото – означает по-гречески «прядущая». Нить Ариадны спасает жизнь Тесею.

Возвращаясь к археологическим материалам, следует указать, что сакрализация труда путем изготовления символических (нефункциональных) реплик орудий из драгоценных материалов – существенная черта идео-

логии раннеклассовых обществ. Такие вещи визуализировали иерархическую структуру общества, закрепляя ее в сознании людей. Факт их помещения в выдающиеся по богатству погребения лиц высокого социального ранга раскрывает социально-знаковый аспект этих «орудий труда», указывая на важнейшую функцию царя-жреца, который воспринимался как организатор строительных работ и шире – как устроитель и гарант всего общественного порядка в городах-государствах древней Месопотамии, Анатолии и Сирии. Наличие драгоценных реплик орудий труда в погребальных комплексах отражает также основную цель культа мертвых – обеспечение умершим предком (тем более правителем-жрецом, царственной жрицей) благополучия живых потомков, семьи, городской общины, государства в целом. Веретено также находится в этом ряду символически значимых предметов: как орудие труда оно было прочно включено в круг повседневных женских занятий, но фигурировало и в иных, сакральных сферах женской деятельности, прежде всего продолжения рода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авилова Л.И. Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – 227 с.
2. Антонова Е.В. Месопотамия на пути к первым государствам. – М.: Восточная литература РАН, 1998. – 223 с.
3. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 507 с.
4. Крамер С. История начинается в Шумере. – М.: Восточная литература РАН, 1965. – 256 с.
5. Мунчаев Р.М. Месопотамия, Кавказ и Циркумпонтийская металлургическая провинция // Российская археология. – 2005, № 4. – С. 8-22.
6. Тэйлор Э. Первобытная культура. – М.: Госполитиздат, 1939. – 426 с.
7. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. – М.: Издательство политической литературы, 1980. – 542 с.
8. Фюстель де Куланж Ф. Древняя гражданская община. – М.: Т-во И.Д. Сытина, 1903. – 438 с.
9. Эпос о Гильгамеше («О все видавшем») / Пер. И.М. Дьяконова. – СПб.: Наука, 2006. – 212 с.
10. Jackobsen Th. The harps that once ... Sumerian

- poetry in translation. – New Haven: University Press, 1987. – 648 p.
11. Koşay H.Z. Ausgrabungen von Alaca Höyük, Vorbericht 1936. // Turk Tarih Kurumu Yayınlarında. – 1944, Ser. V, № 2a. Istanbul. – 324 s.
 12. Koşay H.Z. Les fouilles d'Alaca Hoyuk. Rapport preliminaire 1937-1939 // Turk Tarih Kurumu Yayınlarında. – 1951, Ser. V., № 5. Istanbul. – 587 p.
 13. Mellaart J. Earliest civilizations of the Near East. – London: Thames & Hudson, 1965. – 237 p.
 14. Moorey P.R.S. Ancient Mesopotamian materials and industries. The archaeological evidence. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 414 p.
 15. Özgüç T. and Akok, M. Horoztepe. An Early Bronze Age settlement and cemetery // Turk Tarih Kurumu Yayınlarında. – 1958, Ser V, № 18. Istanbul. – P. 3-37.
 16. Schmidt H. Heinrich Schliemann's Sammlung trojanischer Altertümer. – Berlin: Verlag Philipp von Zabern, 1902. – 446 s.
 17. Woolley C.L. Ur excavations. Vol. II. The royal cemetery. – London: Oxford University Press, 1934. – 568 p.

УДК 94(510)

Лю Цян

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ РЕГИОН В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КИТАЙСКОГО НАРОДА*

Liu Qiang

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

CENTRAL ASIAN REGION IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE CHINESE PEOPLE

Аннотация. В статье анализируется историческая связь Китая и Центрально-азиатского региона и значение изучения взаимоотношений между Китаем и Центральноазиатским регионом. В процессе изучения связи Китая и Центральноазиатского региона необходимо учитывать глубину их исторических связей. Историческая связь Китая и Центральноазиатского региона может не только объяснить прошлое, но и помочь осознать и понять настоящее, а также может быть использована в качестве урока в будущем.

Ключевые слова: Центральноазиатский регион, Китай, шелковый путь, историческая память Китайского народа, Западные земли.

Abstract. The article examines the historical relationship of China and Central Asian region and the importance of studying the relationship between China and Central Asian region. In the process of examining the relationship of China and Central Asia region must take into account the depth of their historical ties. The historical relationship of China and Central Asian region can not only explain the past, but also to help realize and understand the present, and can also be used as a lesson in the future.

Key words: Central Asian region, China, Silk Road, the historical memory of the Chinese people, the Western Lands.

В отношении географических границ Центральноазиатского региона традиционно существовали два подхода, само установление границ было достаточно неоднозначным. Исторически китайцы называли эту территорию «Западные земли». Отметим, что понимание «Западных земель» для китайцев и понимание Центральноазиатского региона в международных масштабах имеет некоторые отличия. «Западные земли» в узком смысле для китайцев означают тер-

* © Лю Цян

риторию от застав Юймэньгуань и Янгуань на западе (пр. Ганьсу) до Памира на востоке. В широком понимании «Западные земли» – территория, простирающаяся на запад от Памира. В международных масштабах Центрально-азиатский регион также в широком смысле включает в себя Монгольское высокогорье, земли к западу от Хуанхэ, пр. Цинхай, Синьцзян, казахские степи, северо-восток Ирана, север Афганистана, а также северо-запад Пакистана. Центральноазиатский регион в узком смысле представляет собой территорию, включающую регионы, в центре которых протекают реки Амударья и Сырдарья [3, 6].

В начале второго века до н. э. многие образованные люди посещали «Западные земли». Это были чиновники, военные, послы, ученые, которые оставили множество исторических записок. Это имело огромное значение для знакомства и понимания «Западных земель». Позже, в 399 г. буддийский монах Фа Сянь (337- 442 гг.), стремясь усвоить учение Будды, в возрасте 65 лет отправился в путешествие. Он начал свой путь из г. Чанъань, прошел Дуньхуан, Лоулань, пересек Памир и добрался до Индии. Фа Сянь побывал более чем в тридцати странах. Его путешествие длилось четырнадцать лет. По возвращении на родину он написал «Описание буддийских государств», в котором содержались антропологические и географические записи путешественника о Западных землях [3, 11].

Если отобразить связь между Китаем и Центральноазиатским регионом, то наиболее яркие и ожидаемые обозначения по своей смысловой составляющей не смогут превзойти такие выражения, как «Западные земли», «Шелковый путь», а также «Поэмы о приграничных войнах».

Западные земли – это выражение, воплотившее глубокий смысл для китайского народа. В понимании китайцев, «Западные земли» – это не просто географическое понятие, но и в еще большей степени историческое и культурное. Кроме того, здесь присутствует и некоторый оттенок политизированности понятия. Такое понятие, как «Западные земли», отражает определенный период истории

и культуры Китая, а также передает политическую сторону этого понятия.

В истории Китая и Центральноазиатского региона невозможно недооценить роль Шелкового пути. Шелковый путь – торговый путь, проходящий через Южную Азию, Западную Азию, Средиземноморье и Европу. Сразу оговоримся, что это не один путь, а общее название для нескольких путей. Первоначально этот путь не имел названия. Шелковый путь – это наименование, которое было дано впоследствии. Принято считать, что его ввел в обращение немецкий географ Фердинанд Рихтгофен (1833–1905). Он впервые употребил это выражение в книге «Исследование моего путешествия в Китай» [5, 158]. С тех пор это название приобрело популярность. Рихтгофен назвал Шелковый путь именно так, потому что в то время шелк был основным товаром, экспортируемым из Китая. Шелковый путь на западе берет свое начало из г. Чанъань, проходит через Юймэньгуань; далее, разделяясь на северный, южный и центральный пути, достигает Южной Азии, Западной Азии, Средиземноморья и Европы.

Шелковый путь берет свое начало с миссий Чжан Цяня. В 138 и 119 гг. до н. э. посол династии Хань Чжан Цянь, исполняя задание императора, дважды бывал на территории «Западных земель». В 138 г. до н. э. Чжан Цянь был послан императором У Ди на Западные земли с целью заключения союза с племенем юечжи против хунну (в настоящее время – северная часть Афганистана), но был задержан племенами хунну. Освободившись из плена, Чжан Цянь не забыл о своей миссии. В 119 г. до н. э. император вновь направил Чжан Цяня в сопровождении более 300 подданных для установления контактов с усунями с целью объединения против хунну. На этот раз подчиненным Чжан Цяня удалось пересечь Ферганскую долину, Афганистан, Иран, Индию и др. Хотя обе миссии Чжан Цяня не были в полной степени успешными, но с их помощью удалось открыть путь из Китая в Центральноазиатский регион, что намного превзошло по значимости первоначальный замысел. После этого до-

рога, проложенная Чжан Цянем, стала торговым путем между Китаем и Центральной Азией. Швейцарский исследователь Сывэнь Хэдин так писал в своей книге: «Шелковый путь стал связующим звеном между Китаем и другими государствами».

Начиная с династии Цинь, в Китае было очень много исторических записок о Центральноазиатском регионе. Однако если говорить о Китае, то самым ярким и отложившим наиболее глубокий отпечаток на китайцев производением, пожалуй, были и останутся стихи, посвященные приграничным войнам. Поэзия уникальна тем, что может отразить как особенности политики и военных дел, так и красоту природы и переживания людей. Эти культурные традиции продолжились до начала XX в. В поэзии Китая стихи о приграничных войнах занимают особое место: они рассказывают о жизни военных пограничных гарнизонов, повествуют о трудностях, подстерегающих военных. Авторы этих стихов в основном представлены чиновниками и военными, проходившими службу в приграничных регионах.

Китай и Центральноазиатский регион исторически многосторонне и тесно связаны между собой. Эта связь прослеживается, начиная с музыки, песен и танцев, музыкальных инструментов до сельского хозяйства, религии, литературы, искусства, науки. Китай многое дал Центральноазиатскому региону: персики, груши, пионы, чайные цветы, хризантемы, лаковые изделия – все это туда пришло именно из Китая. Китай в свою очередь заимствовал из Центральноазиатского региона виноград, арбузы, гранаты, кунжут, грецкие орехи, огурцы и т. д. Буддизм также появился в Китае именно из Центральноазиатского региона. Культура Центральноазиатского региона наполнена тайнами, загадками и национальным колоритом.

Двухтысячелетняя история взаимоотношений, естественно, оставила глубокий след в истории Китая. Исторические записки в полной мере отражают представление и психологию китайцев в отношении Центральноазиатского региона. Они стали неотъемлемой

частью истории Китая. В настоящее время исторические материалы по-прежнему актуальны и составляют основу сознания и политики Китая по отношению к Центральноазиатскому региону.

В начале 90-х гг. XX в. в мировом развитии произошли кардинальные перемены, которые серьезно изменили геополитическую структуру мира. Формирование новой ситуации в ЦАР связано, прежде всего, с трансформацией ЦАР в один из ключевых регионов в системе геополитических координат Евразийского пространства. Существует ряд факторов, которые определяют новую роль ЦАР:

◆ ЦАР расположен в центре Евразийского континента, что стратегически имеет важное значение с точки зрения влияния Центральной Азии на безопасность и стабильность значительной части материка.

◆ Баланс сил на огромном пространстве Евразийского континента зависит от направленности развития ситуации как в каждом государстве ЦАР, так и во всем регионе.

◆ В регионе сосредоточено огромное количество природных, прежде всего углеводородных, ресурсов мирового значения. Контроль за топливно-энергетическими ресурсами и путями их транспортировки дает возможность контролировать ситуацию в ЦАР.

◆ ЦАР расположен на стыке евроазиатских транспортных коридоров и на территории региона имеются широкие транспортно-коммуникационные сети. Через Иран Центральноазиатский регион имеет выход к Персидскому заливу, через Афганистан и Пакистан есть выход к Индийскому океану, а через Китай есть выход в Азиатско-Тихоокеанский регион.

◆ На рубеже XX-XXI вв. мировое сообщество объявило войну международному терроризму, религиозному экстремизму и наркобизнесу. Центральная Азия оказалась в самом центре этой войны и приобрела еще одно важное значение в формирующейся новой системе международных отношений.

Распад СССР также положил начало новому этапу развития отношений между странами ЦАР и Китаем. Внешняя политика Китая в отношении ЦАР в основном придерживается

традиционной для Китая сдержанной внешне-политической тактики. Отстаивая свои интересы на международной политической арене, Китай не проводит жесткого курса, предпочитая почти всегда выдерживать тактическую паузу. Придерживаясь этих позиций, Китай стремится реализовать свою внешнеполитическую стратегию в регионе с учетом следующих основных национальных интересов:

◆ Китай заинтересован в спокойной границе с государствами ЦАР, общая протяженность которой составляет около 3700 км. В большей степени опасения Пекина связаны с возможным обострением проблемы уйгурского сепаратизма. И в этой связи одним из основных направлений внешней политики Китая в Центральной Азии является противодействие развитию сепаратизма.

◆ Китай стремится создать необходимые условия для воплощения своих планов развития западных районов Китая, а именно, снижения разрыва в экономическом развитии прибрежных и внутренних районов. Таким образом Китай надеется решить многие проблемы Синьцзян - Уйгурского автономного района (СУАР), уничтожить экономические предпосылки национального сепаратизма, в том числе и за счет усиления торгово-экономического сотрудничества своих западных провинций со странами Центральной Азии.

◆ Китай стремится обеспечить доступ к источникам энергии для своей растущей промышленности, так как потребность Китая в нефтяных и газовых ресурсах постоянно возрастает.

◆ Китай заинтересован в формировании надежных транспортных коридоров для выхода на рынки стран СНГ и Европы. Территория стран Центральной Азии является важным сухопутным коридором и одним из наилучших транспортных каналов для осуществления товарообмена со странами СНГ и Европы.

◆ Китай стремится распространить свое влияние в Центральной Азии для противодействия доминирующему положению США на экономическом, политическом и военном уровнях в регионе. Военное присутствие США в непосредственной близости от гра-

ницы Китая создает потенциальную угрозу его национальной безопасности и территориальной целостности, в том числе и для реализации программы развития западных районов Китая.

В свете этих предпосылок Китай уделяет Центральной Азии самое пристальное внимание. Можно говорить о том, что Китай будет стремиться к усилению экономических связей с государствами Центральной Азии, прежде всего в нефтяной и газовой сфере, и с целью своего политического укрепления в Центральной Азии. Китай будет продолжать активно сотрудничать с Центральной Азией в рамках Шанхайской организации для сохранения своего влияния в регионе и противодействия нарастающему присутствию в Центральной Азии США и их союзников, а также для борьбы с экстремизмом и терроризмом, прежде всего в контексте противодействия уйгурскому сепаратизму в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая.

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на некоторые проблемы, существующие сегодня в китайско-центральноазиатских отношениях, стратегия Китая по отношению к странам Центральной Азии заключается в последовательной политике дальнейшего развития экономического сотрудничества и поддержания политической стабильности в регионе через взаимное сотрудничество. Такого же принципа придерживаются и страны Центральной Азии, роль и влияние которых растет из года в год в азиатской и мировой политике.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахметшин Н.Х. Тайны Шелкового пути (Записки историка и путешественника). – М.: Вече, 2002. – 416 с.
2. Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шёлковом пути. (Шёлк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). – М.: Восточная литература, 1994. – 326 с.
3. Ма Дачжэн. История пяти стран Центральной Азии. – Пекин.: Издательство Народ, 2005. – 583 с.
4. Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества. Сборник статей Центра по изучению ШОС и региональных проблем безопасности. – М.: ИДВ РАН, 2006. – 240 с.

5. Петров А.М. Великий шелковый путь: О самом простом, но мало известном. – М.: Изд. фирма “Вост. лит.” РАН, 1995. – 127 с.
6. Проблемы становления Шанхайской организации сотрудничества и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии. – М.: ИДВ РАН, 2005. – 205 с.
7. Сывэнь Хэдин. Путешествие по странам Азии. – Пекин.: Изд-во Пекинского университета, 2003. – 356 с.

УДК 94.(3).(063)

Николаева Н.А.

Московский государственный областной университет

**ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И КАВКАЗ:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В СЕРЕДИНЕ III ТЫС. ДО Н. Э.
(ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ «КОНЕГОЛОВЫХ» СКИПЕТРОВ)***

N. Nikolaeva

Moscow State Regional University

SOUTH-EASTERN EUROPE AND THE CAUCASUS: «HORSE-HEADED» SCEPTERS AND HISTORICAL CONNECTIONS IN THE MIDDLE OF III MILL. BC.

Аннотация. В статье публикуются новые материалы (Джангр 1/3, Калмыкия) по «конеголовым» скипетрам III тыс. до н.э. Автор показывает, что декларируемого в тематической литературе разрыва между датами предмайкопских и доямных памятников со скипетрами по балканской и переднеазиатской линии синхронизации не существует. Их следует датировать переходом от Триполья С1/С2, что в абсолютных некалиброванных датах – 25/24 вв. до н.э. Дата Большого Майкопского кургана, от которого нельзя отрывать предмайкопские поселения (конец Раннединастического III – начало Аккадского периода (24 в. до н.э.), является верхней границей для скипетров Джангра и Ясеновой поляны, поэтому по ближневосточной линии синхронизации конец всего домайкопско-доямного горизонта определяется тем же временем.

Ключевые слова: энеолит, зооморфные скипетры, курганы, Гумельница, Кукутень-Триполье, Хвалыньск, Средний Стог II, индоевропейские миграции.

Abstract. Pre-Maikop monuments in the Northern Caucasus (Svobodnoye on Laba, Yaseneva Polyana) and Pre-Yamnaya monuments (Konstantinovskoye, Sredny Stog) in the Ponto-Caspian steppes belong to the chronological horizon “Boleraz—Chernavoda I – Salcutsa IV – Tripolye C 1”. Its beginning is marked with such stone artifacts as scepters that are commonly regarded as the effigies of horse head. Owing to the fact that these scepters were discovered in closed burial assemblages (Dzhanghar in the North-Western Caspian region) they cannot be dated earlier than the phase of Sredny Stog II culture and the end of the phase Tripolye C 1. The formation of this horizon is connected with the transition of some communities of the north of the Central Europe to the pastoral cattle breeding and the migration of these pastoral tribes (probably the Tocharians) in the direction to the Caucasus through the agricultural settlements of such cultures as Gumelnitsa, Cucuteni-Tripolye that caused disappearance of Gumelnitsa. The date of Maykop culture on the base of the analogies from Early Dynastic III period in Mesopotamia in 24 – 23 BC, is terminus ante quem for these scepters and for the horizon as a whole.

Key words: stone «horse-headed» scepters, domestication of horse, beginning of the pastoral cattle breeding in Europe, Maikop, Sredny Stog II, Eneolithic period, Indo-European migrations.

¹ © Николаева Н.А.

За последние 25-30 лет в археологии возникла новая картина культурно-исторического развития Предкавказья и Северного Кавказа в III – II тыс. до н. э. В соответствии с принципом дивергенции среди исследователей обозначилась, к нашему удовлетворению, тенденция дробить крупные гетерогенные культурные образования, такие как майкопско-новосвободненская, древнеямная, северокавказская культурно-исторические общности, выявлять их структуру и происхождение составляющих компонентов [5; 15; 19; 20; 21; 22; 35; 36; 37]. Это было отмечено как тревожный симптом С.Н. Корневским [10; 11], сторонником культурной интеграции и преемственности в истории древнего Северного Кавказа. Дифференцированный подход проявился и в исследованиях культуры поселений так называемого «предмайкопского» горизонта, без которых представления о культурно-исторических процессах на древнем Северном Кавказе были бы неполными [4; 13; 15; 26; 32; 35; 36; 37; 38; 39; 41].

Противоположный процесс происходил в исследовании энеолита степной и лесостепной части Восточной Европы. В отличие от концепции В.Н. Даниленко, рассматривавшего дифференцированно культуры степного энеолита и отмечавшего, что гомогенной ямной культуры или культурно-исторической общности не существует [7, 30], были сформулированы гипотезы о единстве развития лесостепного неолита и энеолита Восточной Европы от Поднепровья до Поволжья, которое выражается в преемственности от мариупольско-самарской культурно-исторической общности к среднестоговско-хвалынской [1; 2; 3; 14; 32; 33] и сложении на этой местной основе ямной культурно-исторической общности [2; 3; 41].

В.Н. Даниленко первым высказал плодотворную мысль об азово-черноморской линии развития энеолита Восточной Европы, которая характеризуется распространением *зооморфных скипетров* с востока на запад. По другой терминологии эта линия развития известна теперь как новоданиловская куль-

турная группа, отличная от среднестоговской культуры [24; 32], или как скелянская культура, объединяющая новоданиловские памятники и скелянский этап среднестоговской культуры [32; 33; 43].

Памятники доямого и предмайкопского горизонтов впервые рассмотрел в рамках одного явления В.А. Сафронов в 1989 г. (рис. 5). Общий элемент в памятниках этих двух регионов ученый усматривал в присутствии *зооморфных каменных скипетров, изображающих голову лошади*. Он связал их с продвижением уже дезинтегрированных индоевропейских групп из районов Центральной Европы на восток до Поволжья и Северного Кавказа и датировал эту миграцию этапом Триполья В2/С1 [26, Рис.52]. Одновременно была выдвинута и концепция Д.Я. Телегина – Дж. Мэллори о праиндоевропейской атрибуции культуры Средний Стог II и миграции ее с востока на запад [42], что привело к прекращению жизни на неиндоевропейских поселениях Гумельница-Криводол-Сэлкуца III и появлению там «степного переходного горизонта» Сэлкуца IV–Чернавода I [24; 34]. Ранее о праиндоевропейской атрибуции этого горизонта памятников писали М. Гимбутас и В.Н. Даниленко [6; 7], считая разрушителями земледельческой цивилизации Старой Европы праиндоевропейские племена ямной культуры. Таким образом, Дж. Мэллори выступает как приверженец двух гипотез – концепции М. Гимбутас и Д.Я. Телегина. Наряду с этим была выдвинута и альтернативная гипотеза формирования древнеямной культуры и индоиранской атрибуции ее древнейшей фазы [26]. В.А. Сафронов указал, что курган и «классический» древнеямный погребальный обряд (положение скелета на спине с поставленными на стопы ногами, распавшимися ромбом, восточная ориентировка) появился из районов Прикарпатья, где этот обряд датируется периодом Триполья В1/В2 [26, 201-202].

Далее следует рассмотреть ряд проблем, связанных с новоданиловскими памятниками и со скипетрами, поскольку дискуссия по этим вопросам еще не закончена.

Погребения новоданиловской группы фиксируют появление курганов на юге Восточной Европы, поскольку они бывают и грунтовыми, и впускными в холмы, и подкурганными [2; 8; 32; 33]. В то же время хвалынско-среднестоговские погребения, которые связываются с новоданиловской группой, являются бескурганными, что указывает на различие погребальных традиций Среднего Стога II и новоданиловской группы. Этот факт свидетельствует о появлении курганной практики в Северном Причерноморье через посредство не «новоданиловцев», а благодаря движению носителей курганного «древнеянного обряда».

Для памятников новоданиловской группы отмечается обряд погребения «скорчено на спине с согнутыми ногами», который наряду с курганами является характерным признаком и древнеянной культуры. Поскольку древнейший подкурганый «древнеянный» обряд отмечен в Северном Попрутье (Думяны 15/ц) [26, 201], это может свидетельствовать практически о синхронности и параллельности движения «владеющих скипетрами» и строителей курганов. Следует также обращать внимание на детали и различия в обряде погребения: в обряде погребения хвалынско-среднестоговской общности ноги подогнуты к тазу, а в ранних древнеянных погребениях стопы ног фиксируются далеко от тазовых костей.

Немногочисленная керамика новоданиловских погребений представлена сосудами амфоровидной формы с высокой цилиндрической горловиной или кубковидной формы с воронковидной горловиной, которые имеют округлое, заостренное или шиповидное дно. Орнамент на такой керамике включает либо сосцевидные, либо круглые налепы [2; 32]. Такая керамика не характерна для хвалынско-среднестоговской культурно-исторической общности. Однако в среднестоговских слоях поселений от Днепра до Дона (Стрильча Скеля, Александрия, Константиновское, Раздорское) встречается керамика, украшенная так называемым накольчато-жемчужным орнаментом, что характерно

для предмайкопского горизонта памятников на Северном Кавказе. Подобная орнаментация наряду с формами позволяет провести параллели между новоданиловскими, среднестоговскими и предмайкопскими памятниками, что может продвинуть и решение вопроса о происхождении новоданиловских памятников и керамики с накольчато-жемчужной орнаментацией (далее – НЖК) [10; 11: 12: 23; 1; 31]. Следует отметить, что среди энеолитических культур Центральной Европы орнаментация шишечками встречается в широком диапазоне и фиксируется как на позднелендъелских поселениях, так и на поселениях полгарских культур. Сосцевидные заостренные налепы также встречены на амфорке Триполья С 1 в комплексе с чернолощеным плоскодонным кубком в подкурганном погребении (Думяны 13/п). Сосуды с шиповидными донцами характерны для неолита северо-запада Восточной Европы (нарвская керамика).

Инвентарь новоданиловских погребений определяется устойчивым сочетанием длинных ножевидных кремневых пластин, трапециевидных кремневых топоров, стрел и дротиков, что характеризует ее как особо архаическую неолитическую группу. Это, в свою очередь, не согласуется с портретом праиндоевропейской цивилизации по данным языка, более адекватным эквивалентом которой является культура Винча и ее производные (Гумельница. Кукутень-Триполье) [26], чем Средний Стог, Новоданиловка и ямная культура.

С этим инвентарем в новоданиловской группе найдены скипетры – уникальные предметы из камня (порфирита, диорита, диабазы). Эти находки очертили круг таких проблем, как культурная атрибуция скипетров, их происхождение и датировка, которые до сих пор нельзя считать решенными. Подобные артефакты называются «конеголовыми» или зооморфными скипетрами, поскольку после длительных размышлений над функцией и семантикой этих предметов (гиппопотам, медведь, кабан, собака) [8] исследователи пришли к мнению, что скипетры

– это изображение головы лошади в камне. В концепции М. Гимбутас, а затем Телегина – Мэллори лошадь считается главным признаком культуры праиндоевропейцев. Решение проблемы локализации индоевропейской прародины свелось к поиску древнейшей археологической культуры, где зафиксированы кости лошади. Такой культурой стала культура Средний Стог II, распространенная от Днепра до Дона, которая и была признана сторонниками «степной концепции» в качестве праиндоевропейской.

Зооморфные скипетры существуют в двух вариантах: схематические и реалистические скипетры. Картографирование находок свидетельствует об их культурном единстве [8, 95; 32, Рис. 3], хотя они занимают разные ареалы и стилистически отличны друг от друга. Реалистические скипетры встречаются в подавляющем большинстве на западе их ареала, а схематические – и на западе, и на востоке, причем схематические экземпляры (Обиршени, Могошешти) зафиксированы в области древнейшего курганного и классического древнеямынского обряда (Попрутье, Думяны).

Реалистические скипетры встречаются в Балкано-Дунайском регионе (Югославии, Болгарии, Румынии), на поселениях трех земледельческих культур Гумельница, Кукутени-Триполье, где они являются случайными находками и чужеродным явлением, а также в горизонте Сэлкуца IV –Чернавода 1. Реалистические скипетры дважды зафиксированы в погребениях названной новоданиловской группы (Суворово, Касимчи – рис. 3) [8, 71-100]. Один реалистический скипетр найден в Предкавказье (Терекли-Мектеб). Таким образом, обстоятельства находок скипетров на западе их ареала не проливают свет на их происхождение и принадлежность к известным энеолитическим группам и культурам Центральной Европы, поскольку они не сопровождаются керамикой.

Схематические скипетры отмечены в двух погребениях на востоке ареала – в Архаринском могильнике около Элисты и в Саратовском Поволжье (хут. Шляховской – рис. 2), которые Д.Я. Телегин [32] отнес к новодани-

ловской группе, а также на поселениях предмайкопского горизонта (Ясенева Поляна) в Закубанье и на поселении среднестоговско-хвалынского времени с предмайкопским комплексом в Нижнем Подонье Константиновском (рис. 4). Незначительная мощность слоя этих поселений допускает возможность датировать находки временем всего слоя поселения, т. е. концом Среднего Стога II и временем появления майкопской культуры, сосуды которой встречаются и на предмайкопских поселениях [9].

О хронологии поселений предмайкопского горизонта, характерным признаком которых является керамика с накольчато-жемчужной орнаментацией, соотношении культуры предмайкопской энеолитической культуры с майкопской и новосвободненской культурой высказались практически все исследователи Северного Кавказа эпохи энеолита-бронзы, датируя их в пределах IV тыс. до н. э. или периодом Триполье В 1, однако их доводы противоречивы.

А.А. Формозов считал, что впервые открытые им, А.Д. Столяром, П.А. Дитлером и А.П. Руничем в 1957-1964 гг. энеолитические поселения являются «бытовыми памятниками майкопской культуры» [38, 44]. Он связал нижний слой Мешоко с Большим Майкопским курганом, а Хаджох – с Новосвободной. Между ними он поместил памятники Ясенева поляна (с находкой скипетра) и Скала [38, 44-53]. Не изменил он своей точки зрения даже после новых открытий (поселение Свободное). Он считал, что сходство этих поселений с трипольскими весьма относительно и присоединялся к ранней датировке Майкопа.

А.А. Нехаев, открывший поселение Свободное около Усть-Лабинска, считал все поселения предгорной зоны Северо-Западного Кавказа домайкопскими по времени, образующими единую *закубанскую энеолитическую культуру*. Он датировал три ступени развития этой культуры в соответствии с трипольско-балканской шкалой синхронизации. По схеме А.А. Нехаева, к ранней ступени относятся поселения Свободное и Хвалынская

культура, датируемые периодом Триполья А2/В1. Средняя ступень (поселения Замок, Мешоко, Ясенова Поляна) датировались им Трипольем В1. Поздняя ступень (Ахметовское, Скала, Веселый, верхний слой Мешоко) соотносилась с периодом Триполья В 2, а майкопская культура и поселение Репин хутор предьямного горизонта сопоставлялись им с периодом Триполья С 1 [15, 82-83]. Следует подчеркнуть, что никаких трипольских импортов на поселениях предмайкопского времени А.А. Нехаев не приводил. Учитывая, что длительность периодов Триполья А2 – В2/С1 более 500 лет, трудно представить, чтобы предмайкопские поселения с их незначительным слоем существовали столь долгое время.

С.Н. Корневский [10; 11; 12], разобрав вопрос с хронологией и структурой поселений с НЖК, оставляет их за пределами майкопской культуры в связи с открытием, по его мнению, собственно майкопских поселений, но в последней монографии все-таки включает их в майкопско-новосвободненскую общность [10].

В 1991 году А.Н. Гей [4, 31-34] считал, что поселения предмайкопского горизонта Свободное, Мешоко, Агубеково, Нальчикский могильник, а также Раздорское и Самсоновское на Нижнем Дону должны быть сопоставлены не с дольменами Новосвободной, а с Большим Майкопским курганом и являются местной основой майкопской культуры. Однако на наш взгляд, «местная основа майкопской культуры» – это реминесценция устаревшей концепции 1960-х гг. об автохтонности майкопской культуры. В этом аспекте мнение А.Н. Гей, по сути, совпадает с взглядами С.Н. Корневского, хотя последний считает Майкоп и Новосвободную связанными генетически, а А.Н. Гей является теперь убежденным сторонником разного происхождения двух групп памятников [5].

А.Д. Резепкин [22] предлагает другую схему синхронизации энеолита Восточной Европы и Кавказа. Он отмечает, что, согласно новой доктрине украинских археологов, начало памятников типа «Михайловка, нижний

слой» (равносильно и майкопской культуры – Н.Н.) синхронно Триполью В 2. Памятники новоданиловского типа относятся же к Триполью В 1. К этому же горизонту относятся 1 группа подкурганых погребений на Нижнем Дону (поселение Константиновское – Н.Н.) [9] и 5-я группа энеолитических погребений на Кубани [34, 71-72]. Вся свита памятников энеолитической закубанской культуры синхронна в большей части новоданиловским памятникам, т. е. Триполью В 1 [15]. На основании находки скипетра в Ясеновой поляне, который имеет аналогии и на западе ареала (Суворово) и на востоке (Архара), весь горизонт скипетров датируется также Трипольем В1. По мнению А.Д. Резепкина, дольмены Новосвободной не могут быть раньше Триполья В 2, поскольку блок ранней культуры воронковидных памятников (КВК), от которой, по его мнению, произошла Новосвободная, датируется Трипольем В 1. Совместное присутствие майкопской и новосвободненской культур на Серегинском поселении является основанием говорить о синхронности двух этих культур. По Резепкину, новосвободненские памятники второго (майкопского) этапа датируются Трипольем С 1, и Новосвободная продолжает существовать до конца Триполья С 2. В другой работе Резепкин [23, 223-235] разделяет предмайкопский горизонт и относит к майкопской культуре стоянку Хаджох, а поселения Ясенова Поляна и Скала – к домайкопским. Таким образом, исследователь выделяет в предмайкопском горизонте компонент, генетически связанный с майкопской культурой, и инокультурный компонент, хронологически сосуществующий с майкопской культурой, поэтому памятники новоданиловского типа существуют, по Резепкину, и на этапе Триполья С 1.

Несмотря на дискуссии в течение последних 20-ти лет о месте предмайкопского горизонта и хронологическом соотношении домайкопских, майкопских и новосвободненских памятников с памятниками доямного горизонта Черноморо-Каспийского региона, консенсуса по этому вопросу пока нет.

Следует отметить, что поселение Констан-

тиновское-на-Дону, привлекаемое в качестве ближайшей аналогии поселению Свободное, – однослойное (мощность слоя 0.3-0.4 м) и включает в себя как элементы хвалынско-среднестоговской КИО, новоданиловской группы, так и компоненты предмайкопских поселений, «майкопскую» керамику и очажные подставки, что может в равной степени служить и аналогией майкопским поселениям. Это обстоятельство не позволяет, с одной стороны, считать, что поселения предмайкопского горизонта, майкопской и новосвободненской культур существовали в течение тысячи лет (как следует из датировок Резепкина, Корневского, Трифонова, Рассамакина и др.), а с другой стороны, показывает, что Константиновское поселение не является опорным памятником для разрешения этих противоречий. Поселения предмайкопского горизонта не дают однозначного ответа на вопрос о датировке скипетров.

Вопрос датировки зооморфных скипетров остается открытым. Находки скипетров в новоданиловских памятниках определяют в широком интервале от Триполья А2/А3 до Триполья С включительно. Численность новоданиловской группы невелика (около 30 погребений), а следовательно, она занимает незначительный период времени на шкале хронологии [2; 8; 32], поэтому интервал бытования скипетров в новоданиловских памятниках должен быть сокращен. Судя по совершенно идентичным скипетрам из Могошести, Обиршени на западе ареала, из Джангра и Архары на востоке ареала, перемещения населения «со скипетрами», по нашему мнению, происходили быстро, на протяжении жизни максимум одного поколения, а не в течение тысячелетия, как это следует из принятого хронологического интервала для скипетров [8].

История исследования вопроса показывает, что порочным является способ расширенной датировки находок скипетров на поселениях культур Кукутени-Триполье и Гумельницы. Первоначально датировка скипетров определялась предусатовским временем (Берчу, Гарашанин). Однако находки

скипетров на более ранних поселениях трипольской культуры (Березовская ГЭС = Сабатиновка 1, Верхние Жоры и Обиршень) заставили исследователей удревить даты скипетров в пределах периода Триполья В 1 [8]. В этой связи необходимо определиться с подходом к датированию находок на поверхности слоя поселения. Чужеродный предмет, не связанный с культурой этого поселения, не должен датироваться всем временем существования поселения.

«Владеющие скипетрами» не связаны с периодом накопления слоя разрушенных ими поселений, и их скипетры должны датироваться только концом существования этих поселений. Другими словами, время скипетров, по нашему мнению, должно определяться не всем периодом накопления культурного слоя поселения исчезнувших культур, а началом следующего культурного горизонта, принадлежащего уже создателям этих скипетров. Так, если даже скипетры находят в слоях Гумельницы, Криводол-Сэлкуца III, Кукутень-Триполья В 1, то датировать их надо следующим слоем – Сэлкуца IV – Кукутень В – Триполье В2/С1 и т. д.

Направление распространения скипетров с востока на запад ошибочно, поскольку основывается на неверном допущении, что форма скипетров может эволюционировать только от простой формы к сложной, реалистической. На этом основании схематические и, тем более, абстрактные скипетры были признаны более древними, а реалистические – более поздними. Это считалось М. Гимбутас, В.Н. Даниленко, Д.Я. Телегиным и Дж. Мэллори и другими базовым доказательством распространения скипетров, а также и праиндоевропейцев с востока на запад.

Неправильная методика датирования скипетров и необоснованное историческое допущение о вторжении степных племен с востока на запад породили представление о хронологических расхождениях балканской и передневожосточной линий синхронизации и, следовательно, мнение о невозможности использования дат западной линии синхронизации для памятников Кавказа [10; 11].

Однако обнаружение скипетров того же типа в Нижнем Подонье на поселении Константиновское [9] и на стоянке Ясенова Поляна в Закубанье (Рис. 4), а также совершенно одинаковых скипетров в Архаринском могильнике [36], в музее Владикавказа, двух подобных скипетров в Саратовском Поволжье (рис. 2), в Ростове-на-Дону (рис. 4) и в Джангре в Северо-Западном Прикаспии (рис. 1) открывает не только возможности коррекции дат скипетров в восточной части их ареала, но и объединяет проблему культурной атрибуции доямных памятников Черноморско-Каспийского региона и домайкопских поселений в западной части Северного Кавказа и свидетельствует о том, что «владеющие скипетрами» вписали свою страницу в древнюю историю Северного Кавказа.

Культурная атрибуция погребений со скипетрами, как и всей так называемой новоданиловской группы, неопределенна. Скипетры найдены до настоящего времени только в двух полноценных комплексах, правда, без керамического сопровождения. Этими комплексами являются Касимча, Архара 27/1-3. Обнаружение нами в кургане у с. Джангр в Северо-Западном Прикаспии (республика Калмыкия) в холмо-курганном погребении каменного схематического «конеголового» скипетра имеет важное значение, поскольку стратиграфия и состав комплекса расширяет возможности сравнительно-исторического анализа, а следовательно, и датировки скипетров.

Курган, где был обнаружен скипетр, имел высоту 1,8 м до древней дневной поверхности и диаметр – 27 м [43]. Основная стратиграфическая картина была зафиксирована в двух бровках: бровке 0, проходящей через условный центр кургана, и в бровке 2 (первой к востоку от бровки 0). В бровках прослеживались 5 слоев. Самый нижний слой V – суглинок зелено-кричного пятнистого цвета из дерна и коричневых почвенных слоев, имел мощность 0,6 м. Он представлял собой сформованный в виде холма выкид от погребения 1/3 на незначительном поднятии древней дневной поверхности (0,3 м). В кур-

гане обнаружено 8 могил, но для решения задач данной статьи представляют интерес только три могилы. Основанием для установления последовательности могил является стратиграфия слоев, выкидов от могил 1/8 и 1/6 и прямая стратиграфия погребений 1/3, 1/8, 1/6.

Могильное пятно 1/3 со скипетром не прослеживалось в плане, в бровке и в насыпи над ним, что указывает на его абсолютную древность и предшествование погребению 1/8 со среднестоговским сосудом, выкид от которого лежал на поле слоя, насыпанного над могилой 1/3. Ближе ко дну пятно 1/3 принимало форму прямоугольника. Вокруг этого пятна не было материкового выкида. Могила 1/3 вплотную подходила и входила в бровку, однако с противоположной восточной стороны бровки 2 столба заполнения могилы также не было видно, но на уровне дна могилы 1/3 в траншее, на участке, примыкающем к бровке, была обнаружена россыпь кремневых отщепов и сосуд. Этот участок был продолжением могилы 1/3, а сосуд относился к могиле 1/3. Слой V надо рассматривать как насыпь, сооруженную из выкида от могилы 1/3, впущенной в небольшое возвышение на абсолютно горизонтальной поверхности. Следующим по времени было впускное в полу слоя V погребение 1/8 с сосудом. От него сохранился небольшой выкид на южном склоне насыпи в бровке 2 с восточной стороны над могилой 1/3. Третьим было погребение 1/6 с колесом (новотитаровский вариант кубано-днепровской культуры), разрушившее южную полу слоя V и погребение 1/8.

Могила Джангр 1/3 (1,80x0,87x1,45 м) содержала погребение мужчины 40 лет (антропологически представитель палеоевропеоидного типа). Он лежал на спине, головой на восток. Ноги были подняты коленями вверх и упали направо на останец земли, из чего следует, что над могилой существовало перекрытие, или останец земли не извлекался из могилы. Правая рука вытянута, левая согнута и лежит на бедре. По внешним признакам (по положению скелета, размерам могилы и типу черепа) погребение идентично знаме-

нито му подкурганному «древнеявному» погребению Бережновка 5/22, относящемуся, по нашему мнению, к хвалынской культуре, а по времени – к концу ее существования.

Инвентарь состоял из 78 предметов: 11-крупных и 67 – мелких. Под левым крылом таза лежал каменный скипетр из порфирита или диабазы (длина – 19,9 см). У правого плеча лежал кремневый нож (длина – 15,7 см). У правой лучевой кости лежал кремневый клиновидный топор из коричневого кремня (длина – 13,7 см). Кремневые стрелы из молочно-серого кремня имели форму треугольника длиной 4,3 и 3,8 см. Между ребрами и правым локтем находились три четырехгранных каменных столбика с желобком, как бы отделявшим «головную часть» идолов. Один из идолов был сделан из полупрозрачного желтого минерала. Два других – из молочно-серого камня с пятнами (рис. 1).

Скипетр полностью повторял очертания схематических скипетров – случайных находок из Ростовского музея [9], из музеев Владикавказа и Самары, а также из погребения из кургана 27 у с. Архара, погребения из кургана 2 у хутора Шляховского [13]. Ближайшей ему аналогией на западе ареала был скипетр из Могошешти [8]. Состав кремневого инвентаря Джангр 1/3 был аналогичен инвентарю погребений из Касимчи и Шляховского (рис. 1-3). Стратиграфическая ситуация в кургане 1 у с. Джангр напоминает стратиграфию кургана Архара 27/1 – 3.

Сосуд из погребения Джангр 1/8 типологически близок, с одной стороны, сосуду из Архары 27/2 (насечки по венчику и резной орнамент), а с другой стороны, сосуду из среднестоговского/новоданиловского погребения у ст. Цимлянская (хутор Попов) [7, рис. 44:11], поскольку полностью совпадает форма сосудов и орнаментальная композиция, состоящая из последовательности пря-

моугольников с горизонтальными и вертикальными резными линиями. Идолы в форме столбиков находят аналогии в культурах неолита-энеолита Средиземноморья [6, рис. 3:19, 5:9]. Рассматривая вопрос датировки, следует отметить, что скипетр Джангр 1/3 синхронен концу предмайкопского горизонта на Северном Кавказе и относится к концу культуры Средний Стог II, который обычно датируют временем Нижней Михайловки в Поднепровье, горизонтом усатовских памятников в Северо-Западном Причерноморье. Это не исключает того, что по времени предмайкопский горизонт частично синхронен с культурой Большого Майкопского кургана и репинской культурой (Михайловка 2), откуда происходит большое число керамики НЖК [30]. Происхождение скипетров связано с линией развития позднего энеолита территорий Польши, определяемой взаимодействием культуры воронковидных кубков и автохтонных неолитических культур на рубеже IV/III тыс. до н. э. Продуктом этого взаимодействия, по нашему мнению, стали и культура шаровидных амфор, и культура шнуровых керамик, которые, проходя в разных сочетаниях отдельными группами через «трипольский барьер» и оставляя там следы своего присутствия, проникают в Азово-Черноморье, в Предкавказье и на Северо-Западный Кавказ. Эти культурные группы имеют то же происхождение, что и сменяющие их памятники гробниц Новосвободной.

Таким образом, проблемы энеолита Северного Кавказа и Черноморо-Каспийского бассейна, на наш взгляд, связаны в один узел, и датировка майкопской культуры 24 в. до н. э. по переднеазиатским аналогиям соответствует концу горизонта со скипетрами, определяемого по радиоуглеродным C^{14} -датам Михайловки 1, Усатово и других также 24 в. до н. э.

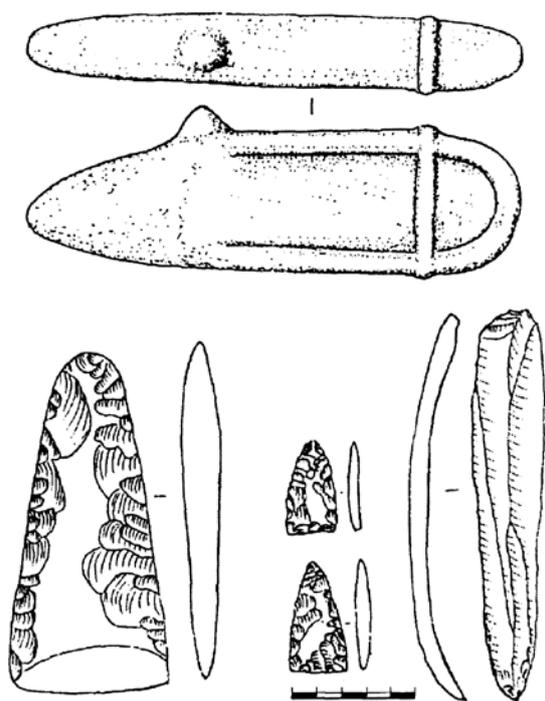

Рис. 1. Предкавказье, северо-восток Калмыкии: Джангр курган 1 погребение 3 (раскопки Н.А. Николаевой, В.А. Сафронова в 1985 году).

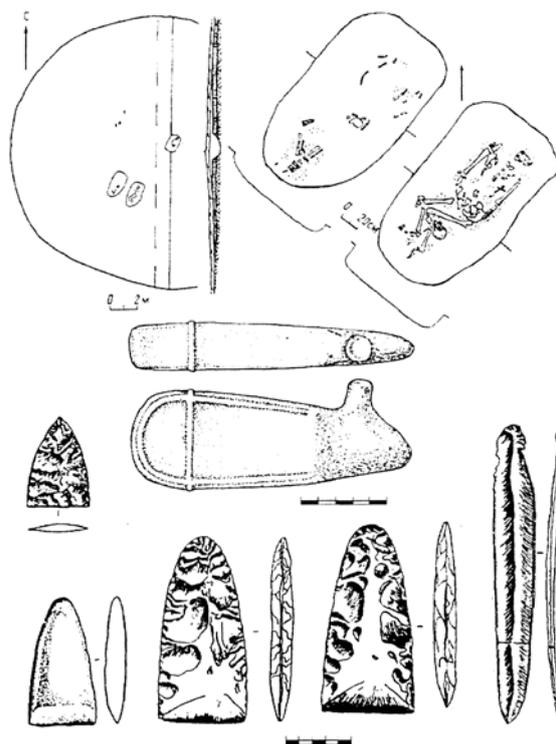

Рис. 2. Саратовская область: хутор Шляховской курган 2, погребение 3 (раскопки Клепикова).

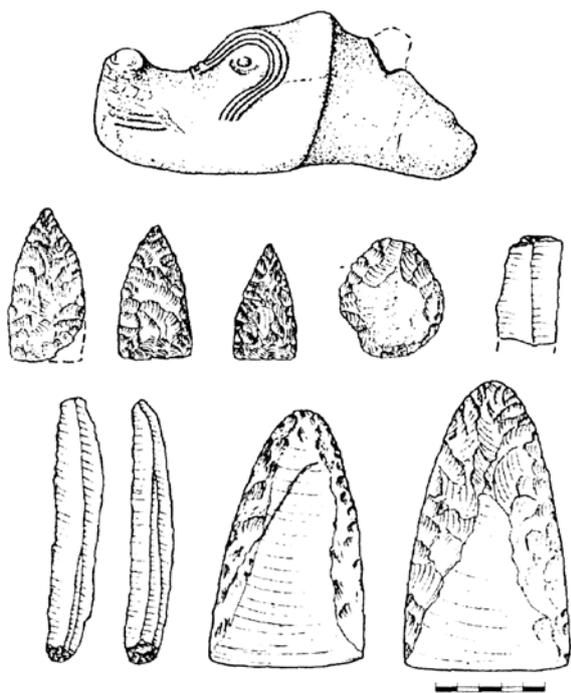

Рис. 3. Румыния: Касимча: инвентарь разрушенного погребения (по В.А. Дергачеву [8])

Рис. 4. Нижнее Подонье: 1 - скипетр из пос. Константиновское (предмайкопский горизонт)

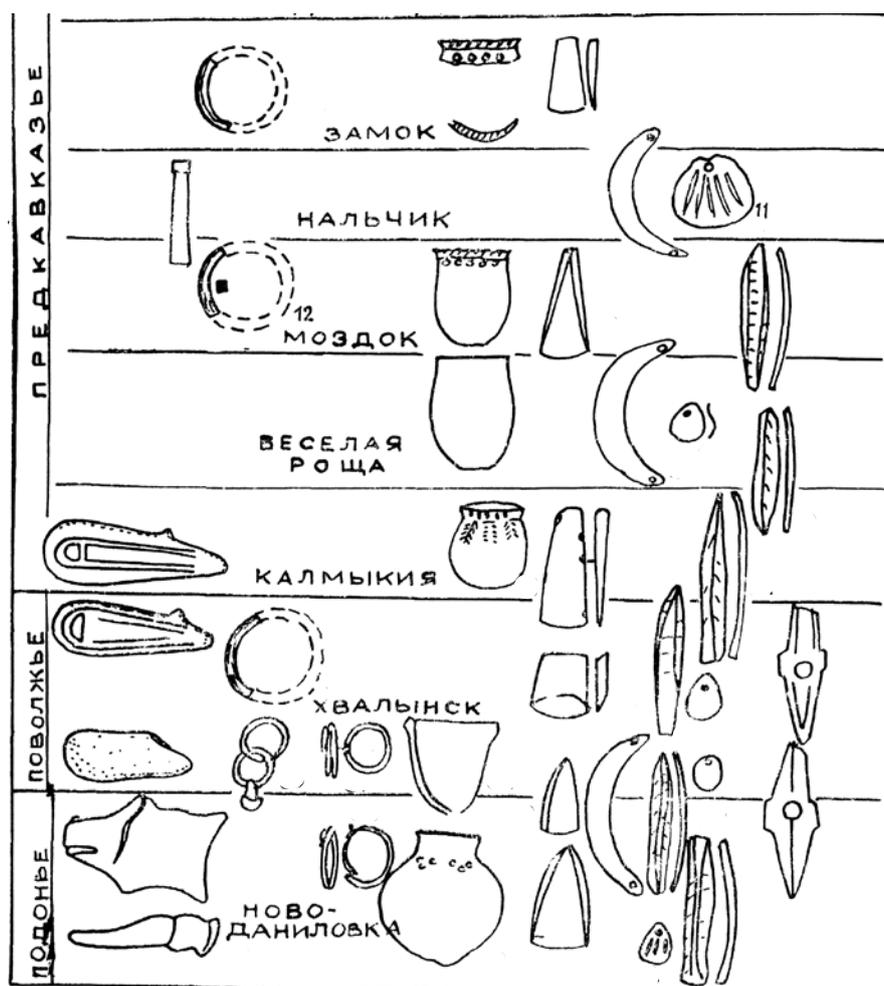

Рис. 5. Доямный и предмайкопский горизонт памятников (по В.А.Сафронову [26])

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. – Саратов, 1990. 139 с.
2. Археология УССР. – Киев, 1985. – 564 стр.
3. Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. – Куйбышев. 1985. – 117 с.
4. Гей А.Н. Майкопско-новосвободненский феномен в структурном и динамическом аспекте // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Тезисы докладов. – Л. 1991. – С. 31-34.
5. Гей А.Н. Погребальные памятники майкопской культуры в низовьях Кубани // Археология Кавказа и Ближнего Востока. – М., 2008. – С. 177-196.
6. Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы. – М., 2006. – 570 с.
7. Даниленко В.Н. Энеолит Украины. – Киев, 1974. 175 с.
8. Дергачев В.А. О скипетрах, о лошадях, о войне. – СПб., 2007. – 486 с.
9. Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой // Донские древности. – Ростов-на-Дону. – Вып. 3. – 1994. – 126 с.
10. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. – М., 2004. – 241 с.
11. Корневский С.Н. Проблемы изучения памятников эпохи раннего бронзового века Северного Кавказа на современном этапе // XXI Крупновские чтения. – Кисловодск, 2000.
12. Корневский С.Н. Проблемы стадийного соотношений поселений с накольчатой жемчужной керамикой и поселений майкопской культуры // XIX Крупновские чтения. – М., 1996. – С. 90-92.
13. Клепиков В.М. Погребение позднеэнеолитического времени у хутора Шляховский в Нижнем Поволжье // Российская археология. – № 3. – М., 1994.

14. Моргунова Н.Л. К вопросу о происхождении хвалынской культуры и о формировании хвалынской-среднедонецкой общности // *Индоевропейская история в свете новых исследований*. – М., 2010. – С. 83-93.
15. Нехаев А.А. Домайкопская культура Северного Кавказа. // *Археологические вести*. – СПб., 1992. – Вып. 1. – С. 76-95.
16. Николаева Н.А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III тыс. до н.э. по данным археологии, лингвистики, мифологии // *Краткие сообщения Института археологии*. – М., 2010. – № 223. – С. 121-143.
17. Николаева Н.А. О концепции четырех прародин индоевропейцев В.А. Сафронова // *Индоевропейская история в свете новых исследований*. М. 2010. С. 58 – 72.
18. Пелещин Н.А. Племена культуры воронковидных сосудов // *Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (Энеолит, бронза, раннее железо)*. – Киев, 1990. – С. 35-43.
19. Рассамкин Ю.А. Относительная хронология позднеэнеолитических погребений бассейна р. Молочная // *Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины*. – Киев, 1988. – С. 14-25.
20. Рассамкин Ю.А. О соотношении степных и новосвободненских памятников // *Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы*. – Л. 1991. – С. 52-55.
21. Резепкин А.Д. Культурно-хронологические аспекты происхождения и развития майкопской культуры // *Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы*. – Л., 1991. – С. 20-22.
22. Резепкин А.Д. К проблеме соотношения хронологии эпохи энеолита-ранней бронзы Северного Кавказа и Триполья // *Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н. э. К 100-летию со дня рождения А.А. Иессена*. – СПб., 1996. – С. 50.
23. Резепкин А.Д. Керамические комплексы поселений Хаджох, Скала, Ясенова Поляна // *Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Б.А. Латынина*. – СПб., 2000. – С. 223-235.
24. Роман П. Культура Чернавда в европейском контексте // *Индоевропейская история в свете новых исследований*. – М., 2010. – С. 93-98.
25. Рунин А.П. Энеолитическое поселение близ Кисловодска // *Советская археология*. – М., 1967. – № 1.
26. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. – Горький, 1989. – 389 с.
27. Сафронов В.А. Новые пути решения майкопской проблемы // *Советская археология*. – М., 1990. – № 1. – С. 137-144.
28. Свешников И.К. Культура шаровидных амфор // *Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. Энеолит, бронза, раннее железо*. – Киев, 1990. – С. 43-49.
29. Свешников И.К. Культура шнуровой керамики // *Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. Энеолит, бронза, раннее железо*. – Киев, 1990. – С. 49-57.
30. Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита – бронзы в бассейне Дона // *Советская археология*. – М., 1981. – № 4. – С. 8-19.
31. Телегин Д.Я. Середньо-Стогівська культура эпохи міді. – Киев, 1973. – 173 с.
32. Телегин Д.Я. К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скипетров медного века Юго-Восточной и Восточной Европы // *Российская археология*. – М., 2000. – № 1. – С. 18-29.
33. Телегин Д.Я. К вопросу о скелянской, квитянской, стоговской и других культурах медного века Азово-Черноморского региона Украины // *Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына*. – Саратов, 2000. – С. 28-31.
34. Тодорова Х. Энеолит Болгарии. – София, 1979. – 104 с.
35. Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // *Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМе. Тезисы*. – М., 2002. – Ч. 1. – С. 71-82.
36. Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – бронзы Северного Кавказа // *Между Азией и Европой IV-I тыс.* – СПб., 1996. – С. 43-49.
37. Трифонов В.А. Особенности локально-хронологического развития майкопской культуры. // *Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы*. – Л., 1991. – С. 25-29.
38. Формозов А.А. О периодизации энеолитических поселений Прикубанья // *Российская археология*. – М., 1994. – № 4. – С. 44-53.
39. Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тыс.). – М., 2007. – 398 с.
40. *Археология СССР в 20-ти томах: Энеолит СССР* – М., 1982. – 359 с.
41. Яровой Е.В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. – Кишинев, 1985.
42. Mallory J.P. *In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth*. London. – 289 p.
43. Николаева Н.А. Отчет «Исследование курганов в зоне строительства рисовой Калмыцко-Астраханской оросительной системы (КАРОС) на землях совхоза Джангр Октябрьского р-на Калмыцкой АССР в 1985 году». Архив ИА РАН, дело Р-1 10970.

УДК – 94.(32).04

Сафронов А.В.

Московский государственный областной университет

**О НЕВОЗМОЖНОСТИ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЕГИПЕТСКОГО
ЭТНОНИМА С УГАРИТСКИМИ ŠIKALĀJŪ/ŠIKILA
И ГРЕЧЕСКИМИ Σικελοί***

A. Safronov

Moscow State Regional University

THE IMPOSSIBILITY OF IDENTITY: EGYPTIAN =
UGARITIC ŠIKALĀJŪ/ŠIKILA = GREEK Σικελοί

Аннотация. Автор рассматривает предложенную Э. Эделем и А. Рэйни идентификацию названия одного из «народов моря» *Tkr.w* с угаритскими *Šikalājū/Šikila* и греческими *Σικελοί*. По мнению автора, подобная идентификация неправомерна. Показано, что угаритские *Šikalājū*, которые упоминаются в письме RS 34.129, не могут быть соотнесены с египетскими *Tkr.w*. В письме RS 34.129 упоминается о юности угаритского царя (без сомнения, последнего царя Угарита Аммурапи). Однако точно известно, что у Аммурапи было два взрослых сына, которые ездили к хеттам с дипломатическими миссиями (RS 94.2530, RS 94.2523). Эти сыновья должны были родиться, по крайней мере, за 18-20 лет до разрушения Угарита, который пал не позднее 8-го года правления Рамсеса III. В этом случае самому Аммурапи должно было быть около 16-20 лет к моменту рождения его сыновей. На этом основании автор считает, что египетские *Tkr.w*, которые впервые упоминаются в правление Рамсеса III, не могут быть сопоставлены с угаритскими *Šikalājū*, поскольку в письме RS 34.129 упоминается о юном возрасте Аммурапи. По мнению автора, египетские *Tkr.w* могут быть сопоставлены с греческими *Τευκροί*, населявшими северо-западную Анатолию. Говоря об идентификации угаритских *Šikalājū*, автор возвращается к старому сопоставлению их с *Škrs.w*, которые атаковали Египет вместе с другими «народом моря» в 5-й год правления Мернептаха.

Ключевые слова: Аммурапи, XX династия, Египет, «народы моря», сикулы, тевкры, Угарит, хетты, шакалуша, шикалайю, RS 34.129.

Abstract. The author examines the identification of one of the Sea Peoples' tribe-name *Tkr.w* with the Ugaritic tribe-name *Šikalājū/Šikila* and the Greek *Σικελοί* which was proposed by E. Edel and A. Rainey. In author's opinion such identification is not possible. He shows that the Ugaritic *Šikalājū* which are mentioned in RS 34.129 could not be correlated with Egyptian *Tkr.w*. In RS 34.129 it is mentioned about the youngness of Ugaritic king (undoubtedly 'Ammurapi). However it is known exactly that 'Ammurapi had two grown-up sons who came to Hittites with diplomatic missions (RS 94.2530, RS 94.2523). These sons could be born for 18-20 years before the destruction of Ugarit at least (not later than the 8th year of Ramses III. reign). In that case 'Ammurapi had to be 16-20 years old before his sons were born. That's why the Egyptian *Tkr.w* who are mentioned during Ramses III. reign for the first time could not be Ugaritic *Šikalājū/Šikila* because of the youngness of 'Ammurapi which is mentioned in RS 34.129. In author's opinion the Egyptian *Tkr.w* should be identified as Greek *Τευκροί*, the inhabitants of north-western Anatolia. As for Ugaritic *Šikalājū*, the author recurs to the old identification of them as the Egyptian *Škrs.w*, who attacked Egypt with the others Sea Peoples in the 5th year of the Pharaoh Merenptah's reign.

Key words: 'Ammurapi, Egypt, the Hittites, RS 34.129, the Sea Peoples, the Sicels, the Šikalayu, the Shekelesh, the Tjeker, XX Dynasty, Ugarit.

¹ © Сафронов А.В.

В надписях Рамсеса III среди прочих «народов моря» упоминается племя *Tkr.w* (далее *текер* – А.С.) [8:25:5; 40:3]. Этот народ вместе с филистимлянами составлял ядро второй волны «народов моря», обрушившихся на Египет на 5-й и 8-й годы Рамсеса III (1193 и 1190 гг. до н. э. соответственно). После поражения от египтян *текер* осели на севере Палестины в городе Доре, где они упоминаются египетским путешественником начала XXI династии Ун-амом [7, 61:11].

С 80-х гг. XX в. в историографии под влиянием работ Э. Эделя и А. Рэйни получила преобладание точка зрения, что этот народ следует сопоставлять с догреческим населением Сицилии сикулами (греч. Σικελοί, лат. Siculi) [6, 7-8; 11, 133-134; 4, 39; 13:24; 15:116]. Исследователи привели ряд примеров, которые показывают, что в новоегипетском силлабическом письме графема могла соответствовать семитскому /s/ (самех – А.С.) [6, 7-8; 11, 133 - 134]. На этом основании они предположили, что в анлауте этнонима должен передавать основу *si* и читаться как *si-ka-ar* [6, 8; 11, 134]. Соответственно, сам народ *Tkr.w* было предложено идентифицировать с сикулами и названием морских разбойников *Šikalājū/Šikila* угаритского письма RS 34.129 [5: 55].

Однако, по мнению автора данной работы, подобная идентификация должна быть отклонена. Если следовать гипотезе Рэйни–Эделя, то знак *ʔ* следовало бы ожидать, например, в анлауте названия и другого «народа моря» – *шардана* (егип. *Šrdn.w*; греч. Σαρδάνιοι, Σαρδιανοί), однако там стоит *š* (). Следует также отметить, что сама графема могла передавать также фонемы /œ/, /y/ и /ā/ [2, 131:39; 12, 10]. Кроме того, графема в ауслауте названия скорее передавала фонему /r/, а не /l/ [12, 9], что также делает невозможным сопоставле-

ние этнонима *Tkr.w* с сикулами и угаритскими *Šikalājū/Šikila*.

Однако дискуссионность вопросов передачи тех или иных фонем в силлабическом письме все же не позволяет до конца ответить на вопрос, возможно ли или нет равенство между египетскими *Tkr.w*, греческими Σικελοί и угаритскими *Šikalājū*. Однако, как представляется автору данной статьи, выход из этой ситуации все же есть.

Сторонники отождествления *текер* с сикулами привлекали для доказательства своей правоты название морских разбойников *Šikalājū/Šikila* [6, 7-8; 11, 134], которые единожды упомянуты в угаритском письме RS 34.129. Оно было написано неким хеттским царем градоначальнику (*sākinu*) Угарита. Текст гласит:

стк. 1-4 Так (говорит) Солнце, великий царь (т. е. хеттский царь); градоначальнику (Угарита) скажи: стк. 5-14 «Сейчас царь, твой господин, (еще) юн, он ничего не знает. Но я, Солнце, дал ему поручение относительно Ибнадушу, которого *шикалайю*, живущие на кораблях, захватили в плен. стк. 15-30 Теперь я направил к тебе с поручением Ниргаили, при мне он – конюший (*kartappu*). Отправь Ибнадушу, которого захватили в плен люди *шикалайю*, ко мне сюда. Я спрошу его относительно людей *шикила*, и затем он сможет снова вернуться в Угарит. стк. 31-34 лакуна (перевод по: [5:55], уточненное прочтение имен по: [4, 39]).

Контекст письма понятен: хеттский царь дает поручение передать градоначальнику Угарита требование об экстрадиции из Угарита в Хатгусу некоего сановника Ибнадушу, побывавшего в плену у «людей *шикалайю*». За ним в Угарит отправлен знатный хетт Ниргаили, который должен доставить пленника. Из контекста письма следует, что хетты крайне заинтересованы в получении сведений о «людях *шикалайю*», о которых они, видимо, не имеют достаточных данных, но которых явно рассматривают как потенциальных врагов. Крайне важно, что хеттский царь вынужден обратиться к градоначальнику Угарита, поскольку правящий царь Угарита еще слишком юн.

Всеобщим мнением является, что упомянутым в письме RS 34.129 царем Угарита является последний правитель этого города Аммурапи [15:116; 9: 481]. На это, прежде всего, указывает тот факт, что письмо RS 34.129 было найдено вместе с другими письмами, в которых из всех угаритских царей упоминается лишь Аммурапи [9, 481-482].

Тот факт, что Аммурапи еще слишком юн, чтобы заниматься государственными делами, является ключевым для нашего исследования. Дело в том, что у нас есть точные сведения, что Аммурапи переписывался со знаменитым египетским «временщиком» Баи (RS 86.2230), который был казнен около 1203 г. до н.э [3, 114-115, 128]. Кроме того, недавно опубликованные письма из угаритского архива Уртену (RS 94.2530 и RS 94.2523) четко указывают, что у Аммурапи на момент их написания были взрослые сыновья, которые ездили с дипломатическими визитами в Хеттское царство [14, 243, 247]. Если брать за приблизительную дату падения Угарита 1190 г. до н. э. (8-й год правления Рамсеса III, когда согласно надписи этого фараона Малая Азия и Сирия были опустошены нашествием «народов моря»), то окажется, что родиться сыновья Аммурапи должны были приблизительно к 1208/1210 г. до н. э., а скорее всего, и раньше. В то же время сам Аммурапи к этому времени должен был быть достаточно взрослым, чтобы иметь сыновей. Все это ясно показывает, что Аммурапи должен был быть современником фараона Мернептах (1224 – 1214 гг. до н. э.). Почему это важно для нашего исследования? Ответ ясен: в вышеупомянутом письме RS 34.129 четко указывается, что Аммурапи еще слишком юн, чтобы заниматься государственными делами. Следовательно, это письмо должно было быть написано, по крайней мере, много ранее даты 1208/1210 г. до н. э., когда могли родиться сыновья Аммурапи. Но тогда следует, что упомянутые в письме морские разбойники Šikalājū не могут быть сопоставлены с египетскими *текер*, поскольку последние впервые встречаются в египетских документах гораздо позже, лишь в 1193 и 1190 гг. до н.

э. (надписи 5-го и 8-го годов правления Рамсеса III).

Исходя из вышесказанного, распространенное в историографии мнение о равенстве $Tkr.w = \check{S}ikila/\check{S}ikalājū = \Sigma\iota\kappa\epsilon\lambda\omicron\iota$ следует признать несостоятельным. По мнению автора, следует вернуться к старой точке зрения, которая соотносила $\check{S}ikila/\check{S}ikalājū = \Sigma\iota\kappa\epsilon\lambda\omicron\iota$ с египетскими $\check{S}krs.w$, которые напали на Египет в 5-й год правления Мернептах [9, 492]. Что касается египетских $Tkr.w$, то здесь следует отметить следующий факт. Недавно Д. Редфорд не без оснований предположил,

что графема , использовавшаяся египетскими писцами для передачи аффриката -ts- в анатолийских языках, то же время могла передавать и фонему /t/ в греческом [12:10-11]. В таком случае первоначальная форма упоминаемого египетскими надписями этнонима $Tkr.w$ могла звучать как *T(<ts)-k-r, что может быть соотнесено с греческим названием народа $T\epsilon\upsilon\kappa\rho\iota$. Тевкры, согласно греческой традиции, в числе других племен населяли Троаду на северо-западе Анатолии. Топонимы и этнонимы, связанные с тевкрами, зафиксированы на Крите, в Северной Греции и во Фракии [10, 47], однако «для данного этника нигде не прослеживаются глубокие связи, кроме региона, включающего Троаду» [1:147]. Герой-эпоним Тевкр и сами тевкры так или иначе тесно связываются с Троадой и считаются либо ее автохтонами, либо прибывшими туда в давние времена (App. III. 12. 1; Diod. IV. 75. 1; Strabo. XIII. 1. 48). По сообщению Геродота, в V в. до н. э. пеоны, обитавшие на реке Стримон, вели свое происхождение от тевкров из Трои (Herod. V. 13), а небольшое троянское племя гергитов ($\Gamma\acute{\epsilon}\rho\upsilon\theta\epsilon\varsigma$) и город Гергит ($\Gamma\acute{\epsilon}\rho\upsilon\varsigma$) в Троаде считались остатками древнего племени тевкров (Herod. V. 122; VII. 43).

Примечательно, что античная традиция сохранила воспоминания о миграции тевкров в Левант и на Кипр, т. е. в регионы, которые, по надписям Рамсеса III, захлестнула миграция «народов моря». Согласно Страбону, герой-эпоним Тевкр заселяет Кипр и основывает

там город Саламин (Strabo. XIV. 6. 3). Афиной (VI. 68) сообщает, что Тевкр приводит на остров пленных троянцев, потомками которых считались кипрские гергины (Γερύινοι). По Вергилию, герой Тевкр в поисках нового царства прибыл в Сидон, чей правитель Бел возводил свой род к тевкрам (Verg. 619–626).

Данные надписей Рамсеса III об участии *текер* в нападении «народов моря» и греческой традиции о приходе тевкров на Кипр и в Палестину подтверждаются обнаружением на Кипре и в Палестине в слоях поселений конца XIII – начала XII в. до н. э. керамики, которая является сходной с так называемой «серой троянской керамикой» северо-запада Малой Азии. К этому следует добавить находки изделий из слоновой кости на Кипре, на которых изображены фигуры воинов в так называемых «перьевых шлемах», хорошо известные нам по рельефам Рамсеса III, представляющих «народов моря» [подробно с литературой см.: 2, 131:37].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. – М., 1996. – 328 с.
2. Сафронов А.В. Упоминание о войне на северо-западе Анатолии в надписях Рамсеса III // Вестник древней истории. – М., 2006. – № 4. – С. 124-139.
3. Сафронов А.В. «Безымянный» сановник конца XIX династии и новые титулы «великого начальника казны» Баи // Вестник древней истории. – М., 2008. – № 3. – С. 110-129.
4. Bordreuil P. Une bibliothèque au sud de la ville. Les texts de la 34e campagne (1973). Paris. 1991. 208 p.
5. Dietrich M., Loretz O. Die 'seefahrende Volk' von Šikila (RS 34.129). // Ugarit-Forschungen. Neukirchen-Vluyn. 1978. Bd. 10. S. 53-56.
6. Edel E. Die Sikeloi in den ägyptischen Seevölkertexten und in Keilschrifturkunden // Biblische Notizen. München. 1984. Hf. 23. S. 7-8
7. Gardiner A.H. Late-Egyptian stories. Bruxelles. 1932. 109 p.
8. Kitchen K.A. Ramesside Inscriptions. Oxf. 1983. Vol. 5. 688 p.
9. Lehmann G.A. Die ^ikalaju – ein neues Zeugnis zu den «Seevölker» – Heerfahrten im späten 13 Jh. v. Chr. (RS. 34.129). //Ugarit-Forschungen. Neukirchen-Vluyn. 1979. Bd. 11. S. 481-494.
10. Lehmann G.A. Mykenische Welt und östliches Mittelmeer zur Zeit der «Seevölker»-Invasionen um 1200 v. Chr. Opladen. 1985. 74 S.
11. Rainey A.F. Toponymic problems // Tel Aviv. Journal of the Tel Aviv University Institute of Archaeology. Tel Aviv. 1982. № 9. P. 130-136.
12. Redford D. The Tjeker // Cyprus, the sea Peoples and the Eastern Mediterranean: Regional perspectives of continuity and Change. Québec. 2008. P. 9-13.
13. Singer I. New Evidence of the end of the Hittite Empire // Sea Peoples and their world: the Reassessment. Philadelphia. 2000. P. 21-33.
14. Singer I. Ships Bound for Lukka: A New Interpretation of the Companion Letters RS 94.2530 and RS 94.2523 // Altorientalische Forschungen. Berlin. 2006. Bd. 33. P. 242-261.
15. Yon M. The end of the kingdom of Ugarit // The Crisis years: The 12th Century B.C. from Beyond the Danube to the Tigris. Dubuque. 1992. P. 111-122.
16. Yon M. The city of Ugarit at Tell Ras Shamra. Winona Lake. 2006. 187 p.

Новая и новейшая история

УДК 94(456.31)«20»

Свящ.
Крысов А.Г.

ВЕРХОВНАЯ СВЯЩЕННАЯ КОНГРЕГАЦИЯ СВЯТОЙ СЛУЖБЫ ПОД РУКОВОДСТВОМ КАРДИНАЛА Р. МЕРРИ-ДЕЛЬ-ВАЛЯ В 1914-1922 гг.*

Priest
A. Kryssov

SUPREME SACRED CONGREGATION OF THE HOLY OFFICE UNDER THE LEADERSHIP OF CARDINAL R. MERRY-DEL-VAL IN 1914-1922

Аннотация. На основе документов 1914-1922гг. конгрегации Святой Службы впервые рассматривается деятельность её фактического руководителя кардинала Р. Мерри-дель-Валя. Не будучи публичной, эта деятельность ускользнула от внимания биографов кардинала, хотя именно благодаря данному посту в курии он имел возможность отстаивать принципы, защищаемые Пием X, закрепляя тем самым результаты его Понтификата, определившего развитие Католической Церкви в XX веке. Впервые предпринимается попытка анализа индивидуальных мотивов деятельности кардинала, сочетавшего верность своим убеждениям с курсом правящего Папы.

Ключевые слова: кардинал, Папа, Понтификат, Пий X, Бенедикт XV, Мерри-дель-Валь, модернизм

Abstract. On the basis of documents 1914-1922 years of the Congregation of the Holy Office for the first time it attempts the analysis of the activity of its de facto head - the cardinal R. Merry del Val. Not being public, this activity escaped from the attention of biographers of cardinal, although it was thanks to this post in the Curia, he was able to uphold the principles protected by Pius X, securing thereby the results of his Pontificate, which defined the development of the Catholic Church in the XX century. For the first time it's an attempt to analyse the individual motives of the cardinal, who combined the faithfulness of his beliefs with the course of the reigning Pope.

Key words: cardinal, Pope, Pontificate, Pius X, Benedict XV, Merry-del-Val, modernism.

В соответствии с нормами канонического права, 20 августа 1914г., сразу после смерти Папы Пия X, кардинал Рафаэль Мерри-дель-Валь, бывший не только ближайшим помощником Папы на протяжении всего его Понтификата, но и вдохновителем многочисленных начинаний этого периода, сложил с себя полномочия Государственного секретаря. Смерть Пия X произвела очень тяжёлое впечатление на кардинала, который лишился больше чем просто своего руководителя. Сохранилось частное письмо Мерри-дель-Валя своему старому другу, монсеньёру Джозефу Бродхеду (прелат двора Его Святейшества), где кардинал пишет (27 сентября 1914 г.): «Потрясение чудовищно, и моё сердце просто разбито. Я любил его всеми фибрами моей души; он был для меня больше, чем просто отец, и я не представляю, как смогу дальше жить без него» [9, 174].

* © Крысов А.Г.

Не удивительно, что кардинал Мерри-дель-Валь первую свою задачу после смерти Папы Пия X видел в необходимости чисто по-человечески отблагодарить своего покойного покровителя. Прямо в день избрания на конклаве нового Папы – Бенедикта XV – он обратился к нему с просьбой назначить племянника Пия X, Джованни Батиста Паролана, каноником собора св. Петра, а также назначить небольшую пенсию сестрам Пия X. Обе просьбы кардинала были удовлетворены, и 20 сентября, будучи архипресвитером собора св. Петра, кардинал ввёл в должность нового каноника – монсеньера Паролана [9, 173].

Человеческий долг перед покойным Папой был исполнен, но оставался главный вопрос – что будет с теми начинаниями, которые они с Пием X активно претворяли в жизнь на протяжении всех 11 лет Понтификата. Если куриальная реформа и процесс кодификации канонического права имели очевидно необратимый характер, не вызывавший ни у кого сомнений, то вопрос о продолжении курса на внутреннюю защиту Церкви от модернизма оставался открытым. И, таким образом, под вопросом могло скрываться главное достижение Понтификата Пия X. Для этого были все основания. Кардинал Мерри-дель-Валь хорошо знал нового Папу Бенедикта XV ещё до его избрания; знал его как Дж. делла Кьезу, ближайшего помощника кардинала Рамполлы, который достался и ему, новому Государственному секретарю, в 1903 г. в качестве субститута и секретаря шифра. Разумеется, не без ведома своего ближайшего помощника, кардинала Мерри-дель-Валя, Папа Пий X в 1907 г. удалил делла Кьезу из госсекретариата. В этот год началась реализация полномасштабной антимодернистской программы, а то, что взгляды делла Кьезы принципиально отличались от консервативных взглядов кардинала Мерри-дель-Валя, было широко известно [30, 67]. Известна и другая история: когда весной 1914 г. Папа Пий X ознакомил куриальных кардиналов со списком новых планируемых назначений в Священную коллегию, то список был написан от руки карди-

налом Мерри-дель-Валем, кроме одного имени, вписанного туда позже самим Пием X [30, 68; 27, 190], после его встречи с делегацией из Болоньи, представители которой попросили Папу или возвести их архиепископа Дж. делла Кьезу, назначенного на эту кафедру в 1907 г., в кардинальское достоинство, или же, если он столь недостоин этого, переместить его на другую кафедру [30, 68; 28, 313].

Так Дж. делла Кьеза в мае 1914 г. стал кардиналом, а в сентябре – уже и Папой. В первой «программной» энциклике от 1 ноября 1914 г. новый Папа Бенедикт XV высказал «решительное неодобрение крайним, или как они себя называют «интегральным» католикам, получившим большую силу при Пие X»¹. Таким образом, вопрос о пересмотре программы защиты Церкви от проникновения модернизма был открыт, и была проблема – насколько этот пересмотр коснётся существенных моментов. Ничего хорошего не ждал для себя и лично один из главных помощников Пия X – кардинал Мерри-дель-Валь, причём не только по причинам расхождения во взглядах с новым Папой, но и по причине личных с ним отношений. Перед кардиналом Р. Мерри-дель-Валем была, таким образом, сложнейшая проблема – как теперь оградить и, по возможности, продолжить то дело, служению которому они с Пием X посвятили все свои силы.

Папа Бенедикт XV хотя и не имел никаких оснований для благорасположения к кардиналу Мерри-дель-Валю, но был, однако, вынужден считаться с памятью Папы Пия X, имевшего немало последователей и помимо своего главного помощника – Р. Мерри-дель-Валя. Возможно, именно этот момент определил решение Бенедикта XV, принятое в октябре 1914 г. и ставшее весьма значимым во всей дальнейшей истории Церкви, на что впервые обращается внимание в данной статье.

Дж. делла Кьеза был воспитанником кардинала Мариано Рамполлы-дель-Тиндаро, Государственного секретаря при Папе Льве

¹ Архив ЦНЦ ПЭ. Ф. 6. Отдел Внешних Церковных Сношений. Оп. 1. Д. 13. Л. 4.

XIII и основного кандидата на Папский Престол на конклаве 1903 г. Конечно, Дж. делла Кьеза был не равнодушен к тому, что после 1903 г. его патрон лишился своего бывшего влияния в Церкви, но не должен он был забыть и того, что Пий X помнил бывшего Государственного секретаря, и через несколько лет, когда освободился пост секретаря Верховной Священной конгрегации Святой Службы (в дальнейшем в статье – ВСКСС), назначил на него кардинала М. Рамполлу, который и занимал этот пост до смерти в декабре 1913 г.; не должен он был забыть и того, что спустя несколько месяцев после смерти М. Рамполлы Папа Пий X возвёл его, ближайшего помощника кардинала Рамполлы, в кардинальское достоинство, что открыло Дж. делла Кьезе путь к тиаре.

Став Папой, Дж. делла Кьеза, конечно же, назначил себе нового Государственного секретаря, вместо оставившего этот пост Р. Мерри-дель-Валя. Им стал кардинал Доменико Феррата, а после неожиданной смерти последнего через месяц после назначения, на эту должность был назначен кардинал Пьетро Гаспарри. Но с назначением кардинала Д. Феррата на должность Государственного секретаря оказался вакантным пост секретаря ВСКСС, который кардинал Феррата занимал после смерти М. Рамполлы. Бенедикту XV, таким образом, представилась возможность сделать значимое в глазах консервативного куриального окружения назначение и своего рода «зеркально» отблагодарить Пия X за назначение бывшего госсекретаря М. Рамполлы. Так, в силу сложившихся обстоятельств, 14 октября 1914 г. кардинал и теперь бывший госсекретарь Рафаэль Мерри-дель-Валь занял пост секретаря ВСКСС [7, 202].

ВСКСС была в то время (до реформ конца XX века) одной из двух (наряду со Священной Консистолиальной конгрегацией) Римских дикастерий, префектом которой формально являлся сам Папа. Именно поэтому пост секретаря этой конгрегации всегда занимался только кардиналом, который и представлял собой фактического организатора деятельности этой дикастерии и её фактического

руководителя. Статус же конгрегации, отвечавшей за контроль над соблюдением чистоты вероучительных основ всей Церкви, был самым высоким в Римской куриальной системе управления. Таким образом, перед вновь назначенным секретарём открылась перспектива максимально способствовать закреплению тех доктринальных положений, что были введены Пием X и что соответствовало его убеждениям как человека и иерарха, разрабатывавшего и претворявшего в жизнь эти нормы вместе с бывшим Папой.

Должность секретаря ВСКСС – совершенно не публичная, издаваемые конгрегацией циркуляры и определения рассчитаны были тоже только на довольно узкий круг адресатов внутри Церкви. Но, тем не менее, именно эта конгрегация определяла и контролировала вероучительную составляющую католичества, а это, в конечном счёте, определяло и всё состояние Церкви. Но деятельность конгрегации и её руководителя, не будучи публичной, решительно ускользала от внимания церковных историков. В имеющихся не очень многочисленных, но добротных биографиях кардинала Рафаэля Мерри-дель-Валя, вышедших на итальянском, английском, французском, немецком и испанском языках [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 29; 32; 33; 34], есть лишь упоминание, что он занимал этот пост, как если бы таковой был только почётной придворной должностью Папского двора. Куда больше внимания отводилось деятельности кардинала в качестве архипресвитера собора св. Петра, которым он был с января 1914 г. [7, 202] и, так же как и секретаря конгрегации, до самой его смерти. Но должность архипресвитера заключалась лишь в ответственности за состояние собора св. Петра и проведение там богослужений. Поэтому представляется крайне интересным рассмотреть деятельность кардинала Мерри-дель-Валя именно как секретаря ВСКСС, проанализировав те документы, которые издавались этой дикастерией под его руководством в рассматриваемые годы, то есть документы, которые определяли состояние католического вероучения

и до настоящего момента никем из биографов кардинала и историков Церкви данного периода не привлекались и не учитывались в своих исследованиях.

Став секретарём ВСКСС, кардинал Р. Мерри-дель-Валь получил уникальную возможность препятствовать проникновению в католичество тех тенденций, противостоянию которым так много времени и сил отдавал Пий X, на опасность которых Папа указал в энциклике «*Pascendi Dominici gregis*» (1907 г.), и меры по противодействию которым были предусмотрены декретом «*Lamentabili*» (1907 г.) на доктринальном уровне и *motu proprio* «*Sacrorum Antistitum*» (1910 г.) на практике [2; 3; 26].

Первое официальное решение ВСКСС доктринального характера в рассматриваемый период было оформлено посланием «*Ad omnes*» (3 апреля 1915 г.) кардинала Р. Мерри-дель-Валя на имя архиепископа Парижского кардинала Л.-А. Аметта [4, 211], так как именно из Франции последовали требующие разъяснения и актуальные для богослужебной практики того времени вопросы. Послание было посвящено проблеме, связанной с почитанием Святейшего Сердца Иисуса. Принятое ВСКСС указание носило обязательный характер для всей Католической Церкви и было строго выдержано в духе вышеупомянутых энциклики и декретов Понтификата Пия X, защищавших и ограждавших католическую веру от сомнительных экспериментов и нововведений. Послание «*Ad omnes*» чётко указывало всем католикам, что: «евхаристическое почитание Святейшего Сердца Иисуса не может рассматриваться более совершенным, чем почитание Евхаристии как таковой, которое, в свою очередь, не должно отличаться от почитания Святейшего Сердца Иисуса... Святой Престол признаёт почитание Евхаристического Сердца Иисуса только так, как указано выше и никаким иным отличным от этого способом. Но Святой Престол запрещает создание новых скульптурных изображений, образов, молитвенных формул и литургических праздников, опасаясь, что не слишком сведущие

в вероучительных вопросах верные, привлечённые вкусом новизны, увлекут рассматриваемое почитание на ошибочный и вредоносный путь, выставив, тем самым, святыню на осмеяние наших недругов» [4, 213]. Принятие данного указания продемонстрировало ещё и то, что кардиналу-секретарю будет всё же позволено проводить решения в вероучительной области, закрепляющие направление, взятое в Понтификат Пия X.

Вскоре последовали новые декреты руководимой кардиналом Мерри-дель-Валем ВСКСС. 21 декабря 1915 г. был принят декрет «*Ad supremae*», посвящённый интерпретациям «*Ла Салетского секрета*» [4, 214-215], строжайше запрещающий своевольные толкования и дискуссии на эту тему под страхом церковных запрещений, как в отношении клира, так и мирян, что ограждало католический мир от втягивания в бесконтрольное обсуждение данной проблемы. Возможность оценить своевременность принятого декрета появилась лишь спустя более чем четыре десятилетия, когда перед Церковью со всей очевидностью стала необходимость интерпретации «*Ла Салетского секрета*», а в 1915 г., стараниями кардинала Мерри-дель-Валя, Церковь оказалась ограждённой от соблазна неправильных и несвоевременных толкований.

В начале 1916 г. ВСКСС под руководством кардинала рассмотрела вопрос канонического примирения с Церковью еретиков и апостатов и 19 февраля 1916 г. приняла по этому вопросу декларацию «*Cum nonnulli*» [4, 216-217], регламентировавшую данную процедуру и снимавшую всевозможные сомнения в отношении полномочий всех прелатов, обладающий епископской или квазиепископской юрисдикцией. Данная декларация установила в рассматриваемом вопросе полную ясность и унифицировала процесс примирения с Церковью.

Прямым продолжением борьбы с модернизмом, начатой Пием X и теперь продолженной кардиналом Р. Мерри-дель-Валем, стал декрет «*In generali consessu*» [4, 221] от 12 апреля 1916 г., который, используя уже

открыто принятую Пием X терминологию, предал осуждению как орган модернистской пропаганды (*damnatur uti organum propagandae modernisticae*) выходящий в Риме журнал «*Rivista di Scienza delle Religione*». Более того, 13 апреля удалось получить на этот декрет утвердительную резолюцию Бенедикта XV, придав, тем самым, данному декрету высший авторитет. Это стало прямым указанием на то, что, несмотря на смену в 1914 г. Понтификата и пришедшие с этим новые веяния в Церкви, линия Пия X будет и впредь продолжена, а осуждённые им модернисты не имеют шанса, по крайней мере, пока ВСКСС возглавляется Р. Мерри-дель-Валем.

Следующим декретом, «*Sanctissimus Dominus*» [4, 222], подписанным Р. Мерри-дель-Валем 11 октября 1916 г., было продолжено попечение, предпринимаемое Пием X в отношении укрепления церковных призваний. Отныне индульгенции и привилегии, дарованные конгрегациям, способствующим данным призваниям, были расширены на аналогичные конгрегации, ставящие своей задачей помощь в укреплении монашеских призваний поступающих в новициаты орденов и конгрегаций, как мужских, так и женских.

Два принципиально важных решения ВСКСС были приняты в 1917 г. и 1920 г. Решением «*In plenario conventu*» [4, 223] от 27 апреля 1917 г. руководимая кардиналом Мерри-дель-Валем ВСКСС запретила всем католикам безоговорочно и без всяких исключений каким бы то ни было образом поддерживать спиритизм и каким бы то ни было образом участвовать в акциях последователей данного направления. Было отмечено, что никакие благочестивые оправдания не могут быть приняты во внимание и не могут ни при каких обстоятельствах служить оправданием. Аналогичное решение, также озаглавленное «*In plenario conventu*» [5, 231-232], было принято 18 июля 1919 г. в отношении теософии. Католикам отныне не позволялось не только принимать какого-либо участия в каких бы то ни было организациях теософской направленности, но также чи-

тать их книги, бюллетени, газеты и любые сочинения. Таким образом, категорическое отвержение спиритизма и теософии стало вкладом в предотвращение угрозы католическому вероучению со стороны современных заблуждений, стратегическую линию на борьбу с которыми наметил Пий X и которую теперь реализовывал кардинал Р. Мерри-дель-Валь.

Возглавляя Верховную конгрегацию, кардинал Мерри-дель-Валь проводил решения, носящие обязывающий характер для других дикастерий самой Римской курии. Декретом «*Proposito a Sacra Congregatione*» [4, 225-226] от 7 июня 1918 г. Священной Конгрегации семинарий и университетов было предписано проследить, чтобы во всех учебных заведениях Римско-Католической Церкви воздержались от упоминания современных идей об ограниченном знании, присущем душе Христа в период Его земной жизни, даже если подобные идеи излагались бы наряду с традиционным учением об универсальном знании. Данное решение перекрыло путь ещё одной попытке богословского модернизма проникнуть в католические учебные заведения хотя бы под видом дискуссии.

Актуальным для своего времени, особенно для Франции, решением, принятым под руководством кардинала Мерри-дель-Валя, стал декрет ВСКСС «*In generali consessu*» [5, 233-234] от 12 марта 1920 г., которым конгрегация отказала в признании аутентичности так называемых «Лубландских фактов», связанных с видением Клер Фершо и вызвавших серьёзный резонанс среди французских католиков. Появление данного декрета оградило Католическую Церковь во Франции от опрометчивого введения новой религиозной практики.

5 ноября 1920 г. кардинал Р. Мерри-дель-Валь направил в качестве секретаря ВСКСС официальное послание «*Eminentissimi ac Reverendissimi*» [6, 113-118], адресованное всем правящим ординариям Католической Церкви. Данное послание призвало их всех к бдительности в отношении не католических ассоциаций, чья деятельность была направ-

лена на подрыв католического вероучения, особенно среди молодёжи. Тщательному разбору в этом послании подверглась так называемая «Христианская ассоциация молодёжи» (Young Men's Christian Association, Y.M.C.A.), как обладающая значительными ресурсами и способствовавшая появлению других, аналогичных ей, многочисленных ассоциаций. Кардинал Мерри-дель-Валь от имени ВСКСС предписал диоцезиальному епископату принять соответствующие меры для пресечения данными ассоциациями распространения среди католиков идей рационализма и религиозного индифферентизма.

Значительно укрепить свои позиции в продолжении линии Папы Пия X на борьбу с модернизмом кардинал Р. Мерри-дель-Валь смог в 1917 г., добившись от Папы Бенедикта XV ликвидации независимой Священной конгрегации Индекса и передачи всех её полномочий возглавляемой кардиналом ВСКСС [1, 524].

В своё время Куриальная реформа, принятая Папой Пием X (Конституция "Sapienti consilio" от 29 июня 1908 г.) и проводимая при самом непосредственном участии Государственного секретаря кардинала Р. Мерри-дель-Валя, серьёзно изменила структуру Римских дикастерий. Священная конгрегация Индекса была в ходе реформы сохранена, но в её деятельность были внесены коррективы, принципиально расширяющие её полномочия. Согласно Конституции "Sapienti consilio" Священная конгрегация Индекса должна была в дальнейшем не только изучать, как это было раньше, представленные ей книги, накладывать, в случае необходимости, запрет на эти издания и, по мере надобности, выдавать разрешения на чтение запрещённой литературы. В её обязанности теперь вошло изыскивать всеми подходящими средствами те издания, относительно которых могли возникнуть подозрения в неблагонадёжности. Конгрегация также теперь должна была вести работу с диоцезиальным епископатом, напоминая последнему о строгой обязанности принимать меры против опасных публикаций и сообщать о таковых

Папскому Престолу, исходя из норм, определённых ещё Конституцией Папы Льва XIII "Officiorum ac munerum". Раньше в конгрегации Индекса могли заниматься рассмотрением только официально представленных для этого книг, обращения простых верующих не рассматривались, и для начала процесса изучения какой-либо книги требовалось представление облечённого церковной должностью лица – на посту не менее прелата или епископа. Теперь же под рассмотрение могли попадать все ставшие известными в конгрегации книги, что резко увеличивало количество таковых. Кроме того, если информация об опасной публикации сообщалась частным лицом и не была подкреплена обращением местного епископа, то конгрегация, в случае признания публикации противоречащей католической вере и морали, направляла представление епископу, в чьём диоцезе эта публикация имела места, и официально напоминала ему о его обязанностях.

Этой же Конституцией Папа Пий X обязал состоящих в Священной конгрегации Индекса кардиналов, советников и служащих при вынесении решения о запрещении книг консультироваться с кардиналами, советниками и служащими, состоящими в ВСКСС. Рассмотрение вопросов и принятие решений о запрещении книг, помимо конгрегации Индекса, ещё и в ВСКСС придавало воплощению в жизнь наложенных осуждений большую эффективность.

С таким изменённым регламентом работы Священная конгрегация Индекса просуществовала почти десять лет. Несмотря на то, что полномочия конгрегации стали шире, её деятельность оказалась очень тесно связана с ВСКСС, что, в конечном итоге, и привело к ликвидации конгрегации Индекса как самостоятельной дикастерии Римской курии. Папа Бенедикт XV в консисториальной аллокации «Amplissimum Collegium» [4, 138-141] от 22 марта 1917 г. объявил и *motu proprio* "Alloquentes proxime in Consistorio" от 25 марта 1917 г. [4, 142-144; 8, 56] упразднил конгрегацию Индекса, передав её функции ВСКСС, при которой была создана для этого особая

секция - "Sezione della censura dei libri", возглавляемая субститутом.

Таким образом, кардинал Р. Мерридель-Валь получил теперь дополнительную возможность контролировать работу по защите Католической Церкви от проникновения идей модернизма через печатное слово, причём с помощью структуры, увеличению эффективности работы которой он сам способствовал, будучи Государственным секретарём, и которая оказалась теперь подчинена ему непосредственно как секретарю ВСКСС. Соответствующие многочисленные декреты, касающиеся различных публикаций, не заставили себя ждать.

Придавая ВСКСС все полномочия упразднённой конгрегации Индекса, Папа Бенедикт XV этим же документом от 25 марта 1917 г. изъял из её компетенции решение вопросов о предоставлении индульгенций, которыми конгрегации приходилось до этого заниматься и принимать соответствующие многочисленные декреты, в том числе вызванные различными обращениями в ВСКСС. Так, например, заботясь об укреплении традиционного католического благочестия, 12 апреля 1916 г. ВСКСС приняла подписанный самим Мерридель-Валем декрет «*Andreas archiepiscopus*» [4, 219-220], вызванный обращением к конгрегации главы Греко-Католической Церкви архиепископа А. Шептицкого и касающийся индульгенции, связанной с традиционным католическим приветствием «*Laudetur Iesus Christus*» (Слава Иисусу Христу). Многочисленные постановления в отношении индульгенций и иных церковных вопросов принимались ВСКСС в связи тем, что большое количество католиков оказалось на фронтах Первой мировой войны. Теперь же, с марта 1917 г., ВСКСС во главе с кардиналом Р. Мерридель-Валем могла сосредоточить все силы на присущих конгрегации специфических задачах ограждения католической веры и морали.

Помимо цензуры книг, ВСКСС под руководством Мерридель-Валя отслеживала проявления модернизма в церковном изобразительном искусстве. Декрет ВСКСС,

«*Cum recentioribus*» [4, 218], принятый 8 апреля 1916 г., категорически осудил и пресёк дальнейшее распространение практики изображений Пресвятой Богородицы в священнических облачениях, вернув тем самым практику почитания образа Богородицы к традиционным формам и отвергнув неприемлемые с точки зрения традиционного богословия изобразительные формы. Примером также может служить распоряжение ВСКСС от 30 марта 1921 г., предписывающее изъять из всех храмов и орааториев Католической Церкви изображения святых, сделанные в стиле одной новой художественной школы [6, 209].

Важным решением ВСКСС, направленным на продолжение борьбы Пия X с модернизмом, было замечание от 22 марта 1918 г. [6, 208], связанное с введением Кодекса канонического права. В связи с тем, что новый кодекс, создаваемый по распоряжению Пия X, но принятый несколько лет спустя после его смерти, не содержал норм в отношении Антимодернистской присяги и Советов бдительности [2; 3(VI)], конгрегация во главе с Мерридель-Валем разъяснила, что данные решения Пия X носят временный характер и связаны с угрозой модернизма, и что они остаются в полной силе, хотя и не вошли в кодекс, содержащий нормы ординарного состояния,

Папа Бенедикт XV скончался 22 января 1922 г., и в тот же день, согласно нормам канонического права, кардинал Р. Мерридель-Валь сложил с себя полномочия секретаря ВСКСС. Избранный на завершившемся 6 февраля конклаве кардинал Акилле Ратти принял имя Пия XI, чем подчеркнул своё намерение последовать курсу не непосредственного предшественника, а Папы Пия X. Не удивительно поэтому, что он тут же по избрании подтвердил полномочия ближайшего помощника Пия X кардинала Мерридель-Валя в качестве секретаря ВСКСС, что, несомненно, было свидетельством заслуг кардинала не только как помощника Пия X, но и как успешного продолжателя его линии на посту секретаря ВСКСС в предыдущий Понтификат.

Таким образом, в период Понтификата Папы Бенедикта XV кардинал Рафаэль Мерри-дель-Валь смог обеспечить продолжение линии на ограждение католического вероучения и богослужебной практики от модернизма, т. е. закрепить сделанные в Понтификат Пия X преобразования, направленные к этой цели. Впервые предпринятый анализ документов Верховной Священной конгрегации Святой Службы за рассматриваемый период позволяет сделать вывод, что это стало возможным только благодаря деятельности кардинала Р. Мерри-дель-Валя на посту секретаря этой организации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алтухова Н.И., Крысов А.Г., Индекс запрещённых книг // Православная Энциклопедия/ под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. XXII. – М., ЦНЦ “ПЭ”, 2009. – С. 521-524.
2. Антимодернистская присяга // Покров, Альманах Российских католиков. – М.: Stella Aeterna, 1999. – Вып. 3. – С. 14-16.
3. Пий X, Энциклика «Pascendi Dominici gregis»// Покров: Альманах Российских католиков. – М., Stella Aeterna, 1999. – Вып. № 4. – С. 5-41; Вып. № 5. – 2000. – С. 11-14.
4. Actes de Benoit XV // tome premier; Suprema S. Congregatio Sancti Officii. Paris, 1924.
5. Actes de Benoit XV // tome II; Suprema S. Congregatio Sancti Officii. Paris, 1926.
6. Actes de Benoit XV // tome III; Suprema S. Congregatio Sancti Officii. Paris, 1926.
7. Annuaire Pontifical Catholique. Paris: Maison de la Bonne Presse, 1915.
8. Annuaire pontifical catholique. Paris: Maison de la Bonne Presse, 1918.
9. Buehrle M.C. Rafael Cardinal Merry del Val. London: Sands and Co., 1957.
10. Cenci mons. prof. P., Il Cardinale Raffaele Merry Del Val /Con prefazione di S. Em. Il Card. Eugenio Pacelli/; Berruti, Rome, 1933.
11. Chimenton mgr. Au cinquieme anniversaire de la mort du Cardinal Merry del Val; Treviso, 1935.
12. Dal Gal R. P. Le cardinal Merry del Val; 1955.
13. Dal-Gal rev. J. The Spiritual Life of Cardinal Merry Del Val. Cork, The Mercier Press, 1959.
14. Dalla Torre G. Le Cardinal Merry del Val. Milan, 1930.
15. Dalphiaz V. Cardinal Merry del Val. Burns Oates & Washbourne, 1937.
16. Figueroa Ortega. Una gloria de la Iglesia: El cardenal Rafael Merry del Val. México: Puebla de los Angeles, 1937.
17. Flores de Lemus I. El fulgor de una púrpura - El cardenal Rafael Merry del Val. Madrid: Editorial El Perpetuo Socorro, 1956.
18. Fontini A. Assise au Cardinal Merry del Val. Rome, 1934.
19. Forbes F.A. Rafael Cardinal Merry Del Val: A Character Sketch. Longmans, Green & Co, 1932.
20. Giacchi O. Le Cardinal Merry del Val. Milan, 1933.
21. González Chaves A.J. Rafael Merry del Val. Madrid: Ediciones San Pablo, 2004.
22. Hettlingen S.P.M. von V. Raphael Kardinal Merry del Val, Ein Lebensbild - mit einem Vorwort seiner Eminenz des Kardinalstaatssekretärs Eugenio Pacelli. Benziger, Einsiedel, 1937.
23. Jacobini prof. P. Un Prince de l'Eglise, educateur, le Cardinal Merry del Val. Rieti, 1931.
24. Jasoni mgr. Comment j'ai vu le Cardinal Merry del Val. Rome, 1930.
25. Javierre J. M., Merry del Val. Barcelona: Edit. Juan Flors, 1961.
26. «Lamentabili» // Покров, Альманах Российских католиков. – М.: Stella Aeterna, вып. № 3, 1999. С. 7-13.
27. Leslie Sh. Cardinal Gasquet. Burns, Oates, 1953.
28. MacNutt F.A., A Papal Chambellan. London: Longmans, Green & Co., 1936.
29. Mitchell H., Le Cardinal R. Merry del Val, secrétaire d'Etat de Saint Pie X. Paris: Paris-Livres, 1956.
30. Peters W.H. The Life of Benedict XV. Milwaukee: The Bruce Publishing Company, 1959.
32. Quinn Sister Bernetta M. Give Me Souls: A Life of Raphael Cardinal Merry del Val. Westminster, MD, 1958.
33. Ruffini mgr. Au premier anniversaire de la mort du Cardinal Merry del Val. Rome, 1931.
34. Viñayo Fray Cándido de, Senda luminosa. Vida del Cardenal Merry del Val. Madrid: Ediciones Paulinas, 1959.

УДК 32. 001

Горбаченко М.В.

*Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова*

**НЕКОТОРЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ
«ПОСТКОММУНИЗМА 1990-х ГОДОВ» В СТРАНАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ***

M. Gorbachenko

*Moscow State Humanitarian University
named after M. Sholokhov*

**SOME IDEOLOGICAL AND POLITICAL RESULTS OF «POSTCOMMUNISM
OF THE 1990S» IN COUNTRIES OF CENTRAL-EAST EUROPE**

Аннотация. В статье подводятся некоторые идеологические и политические итоги «посткоммунизма 1990-х годов» в странах Центральной и Восточной Европы. Появление термина «посткоммунизм» связано с либеральной трактовкой демократической трансформации политических систем в странах бывшего советского блока. Под воздействием «посткоммунизма» 1990-х годов изменилось отношение людей к власти. Одним из последствий «эпохи посткоммунизма 1990-х годов» в странах Центральной и Восточной Европы является дефицит социальной справедливости.

Ключевые слова: «посткоммунизм 1990-х годов», страны Центральной и Восточной Европы, партийные системы, партизация политики, политический клиентизм.

Abstract. In this article some ideological and political results of «postcommunism of the 1990s» in the countries of Central and Eastern Europe are summed up. Occurrence of the term «postcommunism» is connected with liberal treatment of democratic transformation of political systems in the countries of the former Soviet block. Under the influence of «postcommunism» of the 1990s the relation of people to the power changed. One of the consequences of «an epoch of postcommunism of the 1990s» in the countries Central and Eastern Europe is deficiency of social justice.

Key words: «Postcommunism of the 1990s», countries of Central and Eastern Europe, party systems, participation of politics, political clientism.

Сегодня в некоторых странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), в частности, в Польше, Чехии, Словакии, Венгрии заметно снизились темпы социально-политического развития этих государств. Мощный поначалу импульс политической модернизации 1980–1990-х гг. иссяк. Возродилась дискуссия о сущности «посткоммунизма», подходах к его изучению.

О термине «посткоммунизм». Появление термина «посткоммунизм» связано с либеральной трактовкой демократической трансформации политических систем в странах бывшего советского блока. Большая часть исследователей восприняла «посткоммунизм» как возможность развития по образцу западных демократий. Меньшая часть усматривала в развернувшейся трансформации регресс, предвещала странам экономическое отставание и прозябание на обочине мировых политических процессов [2, 24-25].

Первоначально «посткоммунизм» рассматривался как относительно короткий исторический период, отделявший господство авторитарной коммунистической власти от торжества демократии.

Некоторые исследователи видят два наиболее ранних значения «посткоммунизма». Первое

* © Горбаченко М.В.

связано с тем, что названный термин означал систему, еще не сформировавшуюся до конца. Второе значение термина связано с некой негативной окрашенностью, акцентированием связи посткоммунизма со всем тем, что было в прошлом, в эпоху коммунизма.

Сербский исследователь С. Стоянович указывает, что посткоммунизм – это смешение коммунизма, докоммунистических укладов и капитализма [10, 51]. Его своеобразие в каждой стране, по мнению названного ученого, определяется сочетанием двух переменных: степени удаленности от коммунизма и степени переноса докоммунистического уклада. Тем самым подчеркивается некоторая историческая обусловленность посткоммунизма и необходимость описания его как процесса трансформации.

Постепенно составилось представление о наличии различных фаз и стадий посткоммунистических преобразований: за демонстрацией системы автократического правления следует фаза перехода к демократической политической системе; за конструированием новых форм правления – стадия налаживания «эффективного функционирования демократического режима», «отстраивание оптимальной деятельности демократического политического порядка» [16].

Каковы же основные идеологические и политические итоги «эпохи посткоммунизма 1990-х гг.» в странах Центральной и Восточной Европы?

Под воздействием «посткоммунизма» 1990-х гг. изменилось отношение людей к идеологии.

Российский исследователь Л.Г. Фишман, рассматривая эволюцию понятия «идеология», приходит к выводу о его сближении по внутреннему содержанию с политическим мифом [13]. По его мнению, идеология и миф приобретают вид системы идей и символов, необходимых для функционирования и воспроизводства социальных институтов.

Другой отечественный исследователь, Н.И. Шестов, выступает против сближения этих понятий, считая, что оно может завести исследователя в методологический тупик;

следует различать миф и идеологию, не отрицая логической связи их содержания: «в общем плане социально-политический миф можно определить как устойчивый и эмоционально окрашенный стереотип восприятия политических реалий прошлого и настоящего, порожденный потребностью ориентации личности и общественных структур в политическом процессе» [14, 79].

Вероятно, идеология времен посткоммунизма в значительной мере эксплуатирует мифы и стереотипы, но выступает в качестве самостоятельного социально-политического явления [3, 346-364].

Для посткоммунистических стран в начале 1990-х гг. были характерны поверхностное усвоение демократической риторики политическими элитами и растерянность массового сознания, противоречиво сочетавшего демократические и авторитарные наклонности: «Скорее можно говорить о выборочном усвоении демократических ценностей. При этом более укорененными оказались те ценности и установки, которые были более органичны национальной культуре» [15, 182].

Идеология первоначально не рассматривалась элитами посткоммунистических стран в качестве необходимого элемента легитимации [17]. Первичное отрицание посткоммунистическими элитами идеологии отражало не триумф деидеологизации, а неприятие прежнего марксистского понимания идеологии и ее роли в политических процессах. Однако по мере выстраивания демократических институтов и продвижения социально-экономических преобразований росла и потребность в идеологии, как в консолидирующем и мобилизующем начале.

Что касается конкретных идеологических пристрастий населения стран Центральной и Восточной Европы в посткоммунистическом обществе, то можно выделить три основные ценностные ориентации: социал-демократическую / коммунистическую (социальная справедливость, равенство людей, признание всеми моральных ценностей, доверие между людьми), консервативную (разделяемые всеми представления о стабильном будущем,

какую-нибудь идейную альтернативу. Но ни одной «партии власти» нигде этого сделать не удалось. Партия второй волны, СДХС, формировалась как партия с амбициозными целями, ее основными конкурентами были не коммунисты, а популисты.

Третий период – это время стандартизации политических субъектов, то есть четкого определения структуры, стратегических целей, программ, тактических планов. Он начинается со второй половины 1990-х гг. Содержанием этого процесса исследователь И.И. Жуковский называет замещение экстраординарной политической повестки дня на ординарную [6, 11].

Вместе с тем программы политических партий в странах ЦВЕ не стали и сегодня отражением исторических линий общественного и политического противостояния, равно как не являются выражением интересов тех или иных общественных групп. Для партийных систем характерна определенная нестабильность (особенно в Польше и Словакии), хотя амплитуда раскачивания «политического маятника» постоянно сокращается. «В большинстве посткоммунистических стран ЦВЕ в рамках института многопартийности сложилась фактическая двухполюсная партийная система с одним полюсом в виде движений, блоков, партий социал-демократической направленности и таким же полюсом либерально-демократической направленности...» [4, 11]. Эта тенденция слабее всего выражена в Словакии после свержения меча́ризма. В Польше, Чехии и Венгрии черты стандартных (по структурно-функциональным параметрам) партий в наибольшей степени обрели «традиционные» левые силы.

Некоторые венгерские исследователи полагают, что партийная система Венгрии, как и многих посткоммунистических стран, структурируется в соответствии с тремя политическими осевыми конфликтами.

Первый касается противоречий модернизации: по одну сторону находятся прозападно ориентированные политические силы, по другую – традиционалисты. Вторая линия раскола касается сохранения элементов соци-

алистической экономики: здесь центральным является ценностное противостояние коммунистов и антикоммунистов. Наконец, третья линия раскола определяется политической конъюнктурой и выражается в конкуренции главных политических сил [19, 683-688].

Поскольку в настоящий момент наиболее существенными являются проблемы модернизации, в большинстве стран региона усиливается противостояние консерваторов и либералов.

В странах ЦВЕ наблюдался феномен «выборов разочарования», когда на смену партиям-пионерам демократизации приходят оппозиционные силы. Однако противостояние либерально-демократических и консервативных партий здесь часто подменено конкуренцией посткоммунистических партий со слабой идеологической основой [8, 22]. Пример выборов 2005–2007 гг. в Польше позволяет говорить о феномене «выборов двойного разочарования»: вначале политикой левых – в пользу консерваторов, затем действиями консерваторов – в пользу либералов.

В Чешской Республике на протяжении всего посткоммунистического периода действовал сговор двух крупнейших партий – гражданских демократов и социал-демократов. Этот так называемый «оппозиционный договор», с одной стороны, обеспечивал политическую стабильность, а с другой – способствовал сокращению общественного плюрализма, формированию надменной и алчной политической элиты, политическому отчуждению граждан. Крушение «договора» в 2006 г. привело к досрочным выборам, смятению среди элиты, обострению политической борьбы, которая, впрочем, в очередной раз обошлась без участия граждан.

Осенью 2006 г. кризис доверия разразился и в Венгрии, чья политическая система считалась наиболее устойчивой на всем посткоммунистическом пространстве. После победы на парламентских выборах лидер Венгерской соцпартии (ВСП), премьер-министр Ф. Дьюрчани признался в беседе с однопартийцами, что правительство на протяжении двух лет дезинформировало население об экономичес-

ком положении страны. Однако, несмотря на вспыхнувшие беспорядки в столице, политическая элита удержалась в рамках демократических и плюралистических практик. ВСП потерпела поражение на местных выборах, сохранив контроль над центральным правительством, оппозиция повысила свой рейтинг. Кажется, элитный status quo удалось найти, однако доверие граждан к политическим институтам (в первую очередь к правительству, парламенту и партиям) оказалось серьезно подорвано. Только у 1/5 части венгерских избирателей фиксируется относительно стабильная партийная идентификация.

Политическое поведение определяется протестным голосованием или голосованием с меняющейся ориентацией, а также эмоциональными мотивами вкупе с возрастающим недовольством партиями: «Существует пропасть между выраженной культурно-идеологической политизацией партий и большинством избирателей, настроенных материалистически и государственно-социалистически» [19, 686].

В целом в странах Центральной и Восточной Европы все больше проявляется тенденция к отходу партий и движений от идеологизированных способов решения острых вопросов.

Сравнительно новое понятие в лексиконе посткоммунизма – центризм. С сожалением приходится констатировать, что оно не всегда адекватно понимается не только рядовыми гражданами, но и некоторыми политиками. Под центризмом обычно подразумевают «золотой средний путь», могучую силу, способную объединить нацию, даже почвенничество, отказ от западных моделей развития.

Однако в формате межпартийных коалиций центристам нечего предложить обществу, кроме набора усредненных тезисов правых и левых. Гораздо эффективнее политический центр действует в формате независимых политиков, не связанных партийными обязательствами. Увеличение числа независимых депутатов в парламентах отчасти подтверждает слабость центристских организаций. Кроме того, процесс «стандар-

тизации» существующих партий и движений актуализирует поиск путей межпартийной консолидации. Во всех странах ЦВЕ обнаруживается кризис – не центристской идеи, а скорее центристских объединений.

Новые партии и коалиции, как правило, формируются не на идеологической, а на конъюнктурной основе. Наблюдается компенсаторность – свойство партийной системы возмещать идейно-организационный дефицит на политическом рынке за счет формирования новых политических партий, конъюнктурно отвечающих потребностям избирателей.

Партии-компенсаторы возникают в условиях серьезной деформации партийной системы, дефицита партий, действительно по своим качествам востребованных избирателями. К числу наиболее успешных партий-компенсаторов следует отнести чешскую «Партию зеленых», которая ныне входит в правящую коалицию. Партии-компенсаторы находятся в полной зависимости от внешних факторов, они не способны самостоятельно формировать собственный электорат и могут быть легко маргинализированы в будущем.

Другим последствием посткоммунистического этапа является усиление позиции националистов и популистов. Рассматривая роль национализма в процессе посткоммунистической трансформации, немецкие политологи К. Мюллер и А. Пикель исходят из множественности идеологий национализма, несовпадения представлений о социальном значении национализма на Западе и Востоке [9, 76-88].

Опыт Восточной Европы показал, что в посткоммунистический период трансформирующиеся страны переживают фазу ренационализации. Однако в ЦВЕ, в отличие от балканских и прибалтийских стран, ни либералы, ни националисты не получили решающего преимущества в отношении друг друга. К. Мюллер и А. Пикель объясняют это мощнейшим воздействием внешнего фактора – втягиванием этих государств в процессы европейской интеграции.

Причина роста популизма в ЦВЕ – провал неолиберальной политики начала 1990-х гг., когда реформаторы по-большевистски ло-

мали прежнюю социально-экономическую систему, почти не заботясь о легитимности приватизации, не объясняя гражданам сути предпринимаемых шагов. В некоторых случаях популистские партии выступают как «третья сила» («Альянс нового гражданина» П. Руско в Словакии, «Самооборона» А. Леппера в Польше, «Венгерская партия правды и жизни» И. Чурки).

Популисты часто переносят обсуждение реальных социально-экономических проблем в сферу моральных оценок. Российский историк Я.В. Шимов выделяет районы, служащие базовыми для популистов в разных странах. Например, условная карта электоральных предпочтений граждан Польши совпадает с линиями раздела страны по уровню жизни. Большинство жителей зажиточных западных и центральных регионов поддерживали, к примеру, на выборах 2005 г. либеральную «Гражданскую платформу», в то время как бедный север и восток отдали голоса братьям Качинским. Братислава служила опорой правоцентристских сил, сельские районы и малые города поддерживали «Словацкую национальную партию», популистов «Смера» и партию В. Мечьяра. Социально неблагополучные районы Чехии оказывали поддержку коммунистам.

Еще одним следствием посткоммунизма 1990-х гг. является устойчивое сокращение числа партий и движений во всех странах региона. Вместе с тем ключевая тенденция в сегодняшнем процессе модернизации партийной системы в странах ЦВЕ – устранение любых условий доминирования на политической сцене какой-либо одной партии.

Важным следствием «эпохи посткоммунизма 1990-х гг.» для всех государств региона является чрезмерная партизация политики. Сегодня важные вопросы развития общества решают лишь представители ограниченного круга партий, которые участвуют в осуществлении государственной власти. Там, где оформилась парламентская республика (Чехия, Словакия, Венгрия), партии стали основными участниками политических процессов. В Польше, где сильна

президентская власть, политические партии, будучи важными субъектами, все же не могут претендовать на исключительную роль.

Общественная активность, в основном, концентрируется на борьбе между парламентскими партиями, а другие субъекты политической системы ущемляются или практически исключаются из политической жизни.

В ЦВЕ преобладают движения и партии, недостаточно укорененные в социальном отношении и не вполне определившиеся идейно-политически; они меняют позиции, распадаются, объединяются, вступают в различные коалиции: «Государство парламентской демократии оказывается на стороне партикуляристских, партийных, экономических, а не деловых, общественно-полезных интересов ... гражданин становится заложником и разменной монетой, лишенной права участвовать в принятии решений и возможности влияния на неэффективную растрату общественных средств» [4, 11].

В странах ЦВЕ положение и влияние партийно-политических верхов превзошло границы возможного и допустимого с точки зрения демократической теории. Граждане все более отстраняются от участия в принятии политических решений. Даже тогда, когда они в массовом порядке заявляют о своих позициях, политическая элита старательно пытается облечь такую активность в формы символического участия, переводя протест улиц в бюрократические процедуры, не принимая ответственных решений. Не удивительно, что менее 17% поляков идентифицируют свои взгляды с определенной партией [7, 43].

В других странах региона наблюдается сходная картина. Симптомом чрезмерной партизации выступает стремление элиты уменьшить влияние профсоюзов, общественных организаций и движений. «Приемы, с помощью которых партии способны исказить демократические ценности и процедуры, возможно, никогда не станут полномасштабной угрозой основным демократическим политическим институтам. Но, формируя номинальные или выхолощенные формы демократической жизни, они могут

лишить демократию ее смысла и ценности и поставить серьезные преграды на пути дальнейших демократических реформ» [1, 585].

Нынешняя ситуация – прямое следствие той модели партогенеза, которая была реализована в ЦВЕ. Институты многопартийности оформлялись в соответствии с неолиберальными представлениями революционеров-новаторов посткоммунизма. В 1989 г. Л. Валенса предполагал, что «возникнет 20 политических партий, которые будут спорить по всем вопросам, а через пять лет из них останется четыре».

Многие специалисты отмечали в 1990-х гг, что основным содержанием политической борьбы этого периода является противостояние между наследницей коммунистической партии (которая, в основном, трансформировалась в социал-демократическую партию) и демократической оппозицией (либо партиями, возникшими на осколках некогда единых оппозиционных сил) [18, 7-50].

Под воздействием «посткоммунизма» 1990-х гг. изменилось отношение людей к власти. Она воспринимается как теневая, и это вызвано, вероятно, двумя обстоятельствами: партизацией политики и политическим клиентизмом.

Оба явления существенно сокращают «поле» публичной политики. Деформированное развитие партийных систем способствует узурпации политической сферы узкими элитными (и даже полукриминальными) группировками (Польша, Словакия) и отчуждению от нее граждан. В Венгрии и Чехии наблюдается тот же эффект с единственным отличием – власть партий не ограничивает формирование внепартийных структур гражданского общества.

Некоторыми исследователями клиентизм определяется как проникновение родственных и дружеских отношений в сферу юридически универсальных и безличных правил исполнения обязанностей общественного деятеля. Формы политического клиентизма могут быть самыми разными: персонифицированными, должностными, партийными и т. п.

Общая направленность развития властных отношений воспринимается как попытка

отстранить граждан от участия в принятии сколько-нибудь значимых решений. Наибольшее недовольство вызывает государственная бюрократия. Низкая эффективность, коррумпированность, затягивание решений, неоправданные привилегии раздражают людей, а негативные оценки поставщиков государственных услуг часто переносятся на всю систему государственной власти.

Судя по результатам социологических опросов, пути решения проблемы видятся в усилении общественного контроля за работой чиновников (60,5 %), введении запрета на занятие государственных должностей теми, кто был уличен в коррупции (50,1 %), более тщательном отборе чиновников с учетом образования и квалификации (44,8 %) [11, 82-90].

Можно констатировать, что в странах ЦВЕ существует идеальное представление об оптимальном политическом режиме, который чаще всего определяется как «настоящая демократия». Этот идеализированный режим явно противопоставляется существующему. Граждане, по существу, не могут четко идентифицировать действующую власть, что свидетельствует о ее теневом характере. В целом принимая политико-правовые реалии, люди с большим недоверием относятся к политическим институтам, сомневаясь в том, что они стоят на страже их интересов. Бюрократия нигде не пользуется доверием, а ее эффективность оценивается крайне низко.

Характерное для посткоммунизма на настоящем этапе сокращение арены публичной политики в ЦВЕ имеет разные причины, в основном, связанные с узурпацией власти партиями и элитами. Долгое время элиты стран региона оправдывали изъятия политических процессов целью «возвращения в Европу». Теперь перед ними встала задача поиска своего места на европейской политической сцене.

Одним из последствий «эпохи посткоммунизма 1990-х гг.» в странах Центральной и Восточной Европы является дефицит социальной справедливости. В 1990-е гг. создавалась иллюзия, будто интеграция посткоммунистической Европы в мировую экономику со временем приведет стандарты

жизни восточных европейцев в соответствие со стандартами их западных партнеров, а открытые рынки неизбежно принесут демократию [5, 40-49]. Свободный рынок, а также демократические институты, конструируемые сверху, должны были действовать как средства социальной трансформации.

Общим для стран ЦВЕ являлось то обстоятельство, что высвобождение из-под власти коммунистической идеологии, сопровождалось «разгосударствлением» человека. Это усилило потребность в социальной опеке. Отсюда массовые оценки власти как «своей» в зависимости от того, насколько она проявляет заботу о материальном положении, часто вне зависимости от идеологической ориентации. Например, в Чехии, Словакии, отчасти в Венгрии определенная часть населения, которая в материальном плане вовсе не бедствует, крепко «привязана» к государственным дотациям и субсидиям и четко сориентирована на правящую группу. Впрочем, граждане стран ЦВЕ не желают возвращения к полной зависимости от государства, что подтверждает теорию потребностей А. Маслоу [20]. В большей степени они заинтересованы в социальной сплоченности.

Общей особенностью восприятия населением власти являются завышенные ожидания. В первую очередь это относится к сохранению социальных гарантий времен «реального социализма». В странах, где от эффективности социальной политики зависит немалая часть населения, ориентация на власть заметнее, чем в странах с более либеральной экономикой (Польша). В целом в странах ЦВЕ уже сформировался спрос на социальную справедливость.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брониславский Е., Вачнадзе Г.Н. Польский диалог. – Тбилиси, 1990.
2. Васович В. Переход к демократии в посткоммунистических странах (парадоксы перехода-демократизации) // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 1998. – № 2.
3. Вязовик Т.П. Специфика легитимации российской государственной власти в контексте модернизационных процессов // Политическая теория, язык и идеология / Отв. ред. Н.А. Романович. – М., 2008.
4. Демократизация и парламентаризм в Восточной Европе: Монография / Отв. ред. Игрицкий Ю.И. – М.: ИНИОН РАН, 2003.
5. Дуткевич П. Асимметричная власть, ересь и посткоммунизм: несколько мыслей // Политическая экспертиза. – 2006. – № 4.
6. Жуковский И.И. К проблеме преодоления посткоммунистического характера партийной системы // Человек и власть в современной России. – Вып. 8. – Саратов, 2006.
7. Кисс Э. Искажают ли партии демократию? // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 1996. – № 2(15).
8. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. – М., 1999.
9. Мюллер К., Пикель А. Многообразие национализма в посткоммунистической Восточной Европе // Восточноевропейские исследования. – 2007. – № 6.
10. Стоянович С. Посткоммунизм: противоречия между демократией и капитализмом // Политические исследования. – 1996. – № 1.
11. Сурманек Ш. Условия развития и характер демократической консолидации в Словакии // Восточноевропейские исследования. – 2006. – № 3.
12. Тучек М. Сплоченность общества в чешском восприятии // Восточноевропейские исследования. – 2006. – № 3.
13. Фишман Л. Политический миф и идеология: «опасное сближение»? // Политические исследования. – 2006. – № 4.
14. Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. – Саратов, 2003.
15. Шестопал Е. Взаимоотношения граждан и власти в ходе демократического транзита в России. Теоретические проблемы // Логос. – 2003. – № 4-5 (39).
16. Яжборовская И. Политологические подходы к проблематике трансформации общественного устройства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Международный исторический журнал. – 2000. – № 7.
17. Easton D. A System Analysis of Political Life. N.Y., 1965.
18. Kitschelt H. The Formation of Party Systems in East Central Europe // Politics and Society. – 1992. – № 20 (1).
19. Markus D. Wahlen, Parteien und Konfliktlinien in Ungarn // Neue Gesellschaft. – 1998. – № 8.
20. Maslow A. The Father Reaches of Human Nature. – N.Y., 1971.
21. Weber A. Der Rechtstextremismus ist eine Folge des Systemwandels // Neue Gesellschaft. – 1999. – № 9.

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.346.2

Шаожева Н.А.

Кабардино-Балкарский научный центр РАН (г. Нальчик)

ГЕНДЕР В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

N. Shaozheva

*Kabardino-Balkaria Scientific Centre of Russian Academy
of Sciences (Nalchic)*

GENDER IN CONTEXT ETHNICAL IDENTITY

Аннотация. Автор данной статьи акцентирует внимание на вопросах теории и методологии кризиса этнической идентичности. Предлагаемое исследование раскрывает актуальные аспекты современного состояния механизмов формирования категорий пол/гендер. Рассматриваются проблемы национального субъекта в гендерном смысле и в контексте гендерной дифференциации. Исследователем обозначена этническая значимость гендера как неотъемлемая составляющая социальных явлений. Представленные в работе теоретико-методологические положения подкрепляются конкретными (северокавказскими) социологическими исследованиями.

Ключевые слова: гендер, этнос, социальный конструктивизм, феминизм, нация, картина мира, идеология.

Abstract. The author of the given article pays particular attention to the questions of the theory and methodology of the crisis of the ethnical identity. This research analyses actual aspects of contemporary mechanism of formations of category of gender. The problem of national subject in gender and gender differentiation is in the focus of the article. The author emphasizes the ethnical meaning of gender as an undivided part of the social phenomena. Theoretical and methodological contents represented in the article are driven from concrete (Northern Caucasus) sociological researches.

Key words: gender, ethnos, social constructivism, feminism, the view of the world, nation, ideology.

Анализ проблем идентификации национального субъекта в современных условиях – современных в широком понятии этого слова (как минимум, на протяжении всего XX в.) – во многом лежит вне сферы национального. Начиная с момента вступления в силу индустриального развития общества, параметральная парадигма этнической идентичности, равно как и состав базовых гендерных комплексов, претерпели существенные изменения. Нация, определение которой ныне происходит в контексте той или иной государственности, в основном детерминирована отношениями власти, общечеловеческими стратегиями телесности, дискурсом сексуальности в контексте национальной, расовой, классовой и гендерной дифференциации. В современной социально-политической науке постановка проблемы национального субъекта предусматривает применение категориального аппарата философских теорий социального конструктивизма, структурализма и постструктурализма. Для тради-

* © Шаожева Н.А.

ционных сообществ классического маскулинного типа особое значение имеет комплекс вопросов, относящихся к освоению гендерными системами не традиционных для этнического сознания сфер социального статуйирования.

Для Северного Кавказа особо значимым видится процесс трансформации систем гендерного сознания и базовых гендерных комплексов в контексте борьбы между национальными и транснациональными системами маскулинности [3]. В этом смысле гендерные системы народов Северного Кавказа очевидно формировались как стабилизирующая этническая константа в условиях поэтапного перехода к разным типам маскулинного общества – от классических воинских до современных транснациональных.

Современные социологические концепции не видят прямой зависимости между гендерными системами и формированием этнического сознания, трактуя это соотношение как односторонне детерминированное маскулинными составляющими нации. Нация и национальная принадлежность выступает синонимами этноса и этнической принадлежности, которые воспринимаются как «природные» характеристики индивида.

Конструктивизм рассматривает нацию как социокультурное образование, в состав которого входят лишь социально сконструированные отношения между национальной, этнической и классовой принадлежностью индивида, а уже индивид трансформируется в национальный субъект путем регулирования со стороны механизмов этнической детерминации и идеологии [3].

Основным механизмами национально-идеологической идентификации индивида видится при этом национальный язык и национальная семья. Но и в этом случае внутрисемейные взаимоотношения рассматриваются в качестве сугубо маскулинных слепков окружающего общества – соответственно, маскулинного, того или иного типа.

Естественно, рассмотрение проблемы национального субъекта в ее гендерном смысле сводится, как правило, к исследованию таких

категорий, как понятия тела, стратегии телесности, сексуальности и пола, в том числе – женского пола как объекта практик маргинализации, ограничения и контроля. Относительно проблемы национального субъекта эти категории позволяют выделять и анализировать действие института национальной семьи лишь в качестве системы, субъективизирующей индивидов ограничениями и запретами сексуальности, системы, в которой женщины выступают лишь как объекты контроля со стороны мужчин [5].

Даже в философии классического феминизма парадигма женского субъекта и гендерные системы рассматриваются только сквозь призму социальных механизмов конструирования женского субъекта, отчлененного от общего комплекса маскулинного общества («иной» или «другой»). Выделяя как основную характеристику субъекта принцип притеснения по половому признаку, теории феминизма обосновывают и вводят в философскую антропологию понятие гендера как социального пола. В основе любой социальной организации, национальной в том числе, подразумевается гендерная асимметрия, интерпретирующаяся феминистами в свете биологических характеристик мужчин и женщин как бинарные оппозиций «вышениже», «культурное-биологическое», «общественное-индивидуальное». Таким образом фактически легитимизируется концепция неравноправия женщин и мужчин в структурах патриархальных сообществ, а естественное положение женщин в них трактуется как ситуация тотального женского притеснения и монолитного мужского господства вне зависимости от национальной, этнической, расовой и классовой принадлежности.

Между тем даже поверхностный обзор патриархальных сообществ, в значительной мере сохранивших свои организационные свойства и параметры, дают нам совершенно иную картину [4]. Биологический пол априори задает некую разницу нормативными поведенческими и статусными стандартами мужчин и женщин, и в случае признания первичной естественности такого положе-

ния, парадигма гендера выступает как функциональный коннотат и маркер этнического, в маргинализированных сообществах – социального бытия семьи и нации.

Иначе говоря, обращаясь к Северному Кавказу, мы четко видим, что гендер представляет собой культурный механизм, который осуществляет и реализует потенции женщины в контексте естественности, биологической преопределенности, внедискурсивности пола.

Необходимым условием функционирования гендера в патриархальной среде становится, таким образом, система обязательной гетеросексуальности, определяющая параметры этнической идентификации индивида, интерпретируя их как «природные» половые отношения. Иначе говоря, режим власти определяет и сам определяется определенной гендерной конфигурацией, производящей нормативные рамки маскулинности и феминности. В контексте конструирования национального субъекта гендер легитимизирует этническую принадлежность индивидов посредством соотношения ее с естественным гетеросексуальным половым распределением и, таким образом, как уже говорилось ранее, производит и воспроизводит гендерную конфигурацию национальной маскулинности и феминности в их этническом виде [6].

Концепция гендерно маркированного субъекта позволяет рассмотреть проблему конструирования национального субъекта в контексте гендерной, расовой, классовой и национальной дифференциации. Но главное – рассмотрение гендерных систем в качестве равноправных инофункциональных компонент социума – тем более в традиционных сообществах, позволяет нам понять механизмы трансформации этнической парадигмы в условиях резко меняющейся среды.

Этническая значимость гендера всегда (и вполне справедливо) рассматривается во внешних координатах как неотъемлемая составляющая общественных явлений, во внутренних координатах – как инструмент жизнотворчества, и в сочетании личностного и общественного в контексте связи внутрен-

них перестроек субъекта с продуцированием инновационных национальных практик.

В стабильном обществе гендер – это уже упоминалось – выступает как элемент порядка. В кризисном обществе, в момент коренного изменения социальных норм реструктуризация гендерных систем приобретает особый характер. Одновременно происходит два процесса: трансформация взаимоотношений с социумом и трансформация аксиологических позиций по отношению к социуму.

В периоды социальных катаклизмов деятельность гендерных систем по формированию базовых гендерных комплексов дает своеобразный крен в сторону целесообразности, и внутригендерные движения приобретают вид адапционных процессов, которые воплощаются в поведенческой практике индивидуальных субъектов и в стереотипных адаптивных стратегиях. Процесс адаптации, с одной стороны, это попытка личности «вписать» собственный жизненный мир в новую систему социальных координат. С другой – происходит нечто противоположное: адаптационная деятельность гендерных систем направлена на интеграцию новых социальных феноменов в собственную систему представлений о мире и отношений к нему. То есть адаптация к общественному кризису со стороны гендерных систем, изначально обладающих высоким потенциалом инерции, предусматривает имплантацию нового социального опыта в структуру базовых гендерных комплексов, «присвоения» личностью атрибутов нового социального мира и создания на этой основе обновленной субъективной картины мира. Главный вопрос при этом – сохранение в составе детерминирующих поведенческих элементов «старых» составляющих, как правило, имеющих этническую маркировку, сохранение в условиях жесткой конкурентной борьбы с вновь сформировавшимися адаптивными компонентами.

На социальном и национальном уровнях своеобразным отражением проблем личностной адаптации видится феномен маргинализации. Негативные его последствия

проанализированы в современной социологии тщательным образом, процессы же постепенного воссоздания этнической нормативности еще ожидают своего освещения. Именно в этом контексте адаптации на микроуровне получают важное значение соотношения инерционности-мобильности гендерного сознания и нормативности мотивации и поведения.

По существу, сам кризис в социально-психологическом плане — это крайнее выражение дезадаптированности людей, мобильность базовых гендерных комплексов является неотъемлемой составляющей преодоления общественного кризиса как такового. Ситуация социальных трансформаций порождает долговременные трудности, действующие как перманентные стрессовые факторы. Под их влиянием психологическая ситуация, связанная с приспособлением к резким общественным трансформациям, постепенно нивелируется, кризисное начинает восприниматься как норма, теряет личностно стрессогенный характер [1]. Вместо этого в обществе наблюдается психологическая усталость и апатия, обусловленные несоответствием этномаркированных составляющих базовых гендерных комплексов актуальным социальным заказам.

Наблюдение за развитием трансформационных процессов подтверждает, что адаптивный социальный ресурс в любом случае сильнее ресурса этнического. В случае резких катастрофических общественных подвижек ситуация очевидна. Если же общество эволюционирует медленно, то кризис этнической идентичности преодолевается сравнительно быстро, но при этом меняются характеристики национального сознания и предусматриваемые поведенческие нормативы. К слову, в настоящее время умение вести розничную торговлю считается одним из проявлений специфики национального характера и ментальности народов Кабардино-Балкарии. Между тем в еще в 20-х гг. XX в. на всей территории КБР проходили многочисленные собрания старейшин сел, целью которых была попытка воздействовать на

занимающихся торговлей жителей данных населенных пунктов. Формулировки при этом были приблизительно одинаковые и заключали в себе резкое осуждение практики торговли на рынках как факты, позорящие фамилии и народы в целом.

Итак, вернемся к процессам замещения и доминанции социально-адаптивных компонент базовых гендерных комплексов. С одной стороны, это проявление внутренней стабилизации: принадлежность к социуму дает субъекту ощущение защищенности. С другой — сам факт социального позиционирования, принадлежность к определенным социальным группам или противостояние с ними специфически влияют на гендерное секторальное пространство, напрямую выводя и интегрируя его в общий объем социума. В условиях традиционной маскулинной популяции, находящейся в стадии кризиса, это зачастую предопределяет нежелательные для общества проявления поведенческой активности [2].

Проблема внутренней функциональности избранных стратегий приспособления решается, исходя из видимой модели жизненного пространства как совокупности неких полей возможной деятельности, ближайшим и наиболее освоенным из которых является для гендерных систем этническое. Однако этот объем, тесно связанный с самим понятием национального, находится внутри реального жизненного социализированного поля, охватывающего освоенную субъектом часть жизненной реальности. Этническое жизненное пространство оказывается заключенным в социальном, выступающим в качестве потенциального резерва для освоения. Секторальное гендерное пространство, распространявшее свое опосредованное или прямое влияние по всем векторам жизненной активности, стремится к упорядоченности собственного мира и пытается охватить и расширить объемы, подлежащие его контролю. В условиях внешних трансформаций происходят такие превращения объективной социальной реальности, которые вызывают резкое «сужение» контролируемой и

освоенной части жизненного пространства – для традиционных патерналистских систем функционирования общества. Для гендерных систем возникает актуальная потребность в активных усилиях по поддержке стабильности жизнедеятельности.

В среде традиционных маскулистных обществ Северного Кавказа процессы адаптации приняли достаточно специфическую форму. Данные опросов выявляют, что на пересечении субъективных представлений и личностной активности внутри базовых гендерных комплексов формируются стартовые позиции, характеризующиеся позиционированием по отношению как к этническим мотивационным и оценочным стандартам, так и адаптивно-социальным.

Поскольку ход социальных трансформаций определяется, в первую очередь, деятельностью государства, изменениями в его нормативно-правовом поле, экономическом состоянии и другими макропоказателями, подобное позиционирование автоматически приобретает вид аксиологического статуйрования гендерных систем по отношению к государству и его деятельности.

Соответственно, ситуации социальных подвижек по-разному влияют на поведенческую активность. Изучение процессов адаптации на примере жителей удаленных горных населенных пунктов и вообще – сел, находившихся в сравнительной экономической изоляции, подтвердило, что не следует отождествлять маргинализированные группы населения с агентами внедрения инновационных экономических практик. Наоборот, самые традиционные в смысле жизненного уклада и форм хозяйствования села Кабардино-Балкарии наиболее успешно и в самые короткие сроки перешли на товарное производство, конкретно – на возделывание монокультур, ориентированных на рыночную реализацию. Одновременно с этим в населенных пунктах, близких к Нальчику, и в самой столице республики в 1990-х гг. и по сегодняшний день имеет место ярко выраженная люмпенизация представителей националь-

ных сообществ, растут показатели алкоголизма и невынужденной безработицы.

Секторальное гендерное пространство, взяв на себя функции замещения традиционных патерналистских комплексов управления жизнедеятельностью общества, реагирует на катастрофические подвижки общества двояко. В данный момент нас интересуют моменты взаимодействия секторального гендерного пространства с выраженной доминантой адаптивно-социальных элементов, иницирующей базовые гендерные комплексы маргинального плана. В этом смысле полевые материалы по КБР подтверждают, что в этой среде весьма распространены негативные реакции на изменения среды — усиление ощущения зависимости от внешнего мира и понижение самооощущения в смысле потенциальной сопротивляемости этим изменениям, снижение чувства ответственности за собственные поступки.

Результаты исследования подтвердили, что группы хорошо психологически компенсированного, частично компенсированного и декомпенсированного маргинального населения отличаются как самовосприятием, так и восприятием жизненной ситуации в целом, демонстрируют различные стратегии адаптации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Горшков Е. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ): Дис. ... канд. фил. наук. – М., 1996.
2. Воронина О. Категории пол/гендер в философии феминизма // Философские исследования. – 1995. – № 4. – С. 13-19.
3. Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994.
4. Нечаева Н. Патриархальная и феминистская картина мира: анализ структуры массового сознания // Гендерные тетради. Вып. 1. – СПб.: Наука, 1997.
5. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Академия, 1996.
6. Эссинг Л. Познание/производство субъектов гендерной теории/ Современная философия. – 1995. – № 4. – С. 17-26.

УДК 32

Плугатаренко П.Н.

Московский педагогический государственный университет

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

P. Plugatarenko

Moscow Pedagogical State University

THE PROBLEM OF STUDING THE POLITICAL SPACE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Аннотация. В статье проведен анализ категории «пространство» и предпринята попытка обоснования необходимости дальнейшего исследования политического пространства для мирового сообщества. В условиях современности политическое пространство приобретает новые свойства, переходит на качественно новый уровень, в связи с чем требуются и новые технологии его освоения, и новая методология исследования этого феномена. Автором определены основные характеристики современного политического пространства и мирового устройства. Рассмотрены основные подходы к исследованию политического пространства и раскрыты наиболее значимые направления его развития.

Ключевые слова: глобализация, политическое пространство, геополитика, геоэкономика, информационные технологии.

Abstract. The analysis of the category “space” is carried out in the article and an attempt of researching the political space for the global community is presented. In modern conditions the political space gets new features and transits to a new level, therefore the new technologies of its development and new methodology of its research are also required. The author defines the basic characteristics of modern political space and the world order. In this article the methods of approaching to the study of the political space are considered and the most important directions of its development are disclosed.

Key words: globalization, the political space, geopolitics, geo-economics, information technology.

Интерес к исследованию феномена пространства появился еще в далеком прошлом, но не пропадает и до сих пор, являясь объектом пристального внимания философов. Объектом исследования политической философии является политическое пространство. В условиях современности – это открытое, неустойчивое образование, «многоуровневый, многомерный мир, в котором разворачиваются политические отношения по поводу завоевания, использования и удержания власти» [4, 9]. Соответственно в контексте глобализации феномен политического пространства требует особого внимания и новой методологии исследования.

Проблема политического пространства рассматривалась в работах Платона и Аристотеля, Ж. Бодена и Ш. Монтескье. В их концепциях исследовалось влияние географической среды на политическое устройство государства.

На рубеже XIX – XX вв. сформировалась геополитика, изучающая политические явления и процессы в их пространственном взаимоотношении. Среди наиболее заметных теорий геополитики – концепция Ф. Ратцеля о государстве как о пространственном организме, теория «хартленда» Дж. Макиндера, «стратегия анаконды» А. Мэхена и др. Для геополитики пространство – это, прежде всего, территория, определяющая силу и мощь государства. «Территориальное пространство» и «политическое пространство» в геополитике рассматри-

* © Плугатаренко П.Н.

ваются как тождественные понятия.

Структуру территориального пространства можно представить как пирамиду, состоящую из нескольких уровней: наземное, водное, воздушное, космическое и информационное пространства. Борьба за контроль и использование пространства ведется на всех уровнях, превращая его в часть политического, и таким образом пространство становится объектом политического интереса.

В геополитических концепциях акцент ставился на необходимости приращения государством новых территорий, в том числе и силовыми методами, для завоевания мирового господства. В современных условиях открытое использование государством военного потенциала для реализации своих интересов становится все более проблематичным. Уже неприемлемы действия с позиции открытой силы, необходимо подчинение нормам международного права, однако использование силы продолжает оставаться одним из механизмов реструктуризации политического пространства.

С развитием науки и техники борьба за власть в большей степени переместилась на информационный уровень политического пространства. С распространением информационных коммуникаций виртуальное пространство становится главной ареной взаимодействия и противостояния политических субъектов. Информационные технологии воздействуют на политическое сознание, оказывая влияние на принятие политических решений. Таким образом, политическое пространство расширяется, уплотняется, становится все более однородным, способствуя формированию единого глобального пространства.

Благодаря информационным и коммуникационным технологиям политизируются все сферы жизнедеятельности. В связи с развитием информационного уровня политического пространства в современной науке появился новый термин – «ноополитика» – система глобального управления, основанная на активном воздействии информационных технологий на сознание людей.

В условиях глобализации стремительно формируются все новые технологии завоевания политического пространства. Главным фактором глобализации становится открытое экономическое пространство: «Зрелая экономическая глобализация может происходить только на основе новых информационных и коммуникационных технологий» [5, 75]. Процессы глобализации способствуют формированию единой мировой экономической системы, образованию единого глобального пространства с единым финансовым рынком и неправительственными организациями во главе, имеющими почти неограниченную власть и контроль над ресурсами национальных государств.

В этих условиях разрушается институт государства и ограничивается его возможность формировать и контролировать внутреннюю политику. Борьбу за власть в политическом пространстве ведут уже не национальные государства, а ТНК и другие неправительственные организации. Согласно А. Этциони, национальные государства с их старой системой оказываются просто-напросто неспособными к эффективному реагированию на глобальные угрозы, а «новейшие технологии неизмеримо расширили возможности коммуникаций, согласованных действий, а следовательно, и власти в общемировом масштабе» [6, 241]. Именно наднациональные институты устанавливают новые правила игры на международной арене, формируя новую архитектуру единого глобального пространства.

В настоящее время экономика становится способом управления, которое основывается на эффективном использовании финансовых и интеллектуальных ресурсов, информационных технологий, что еще больше увеличивает разрыв между «центром» и «периферией», в связи с чем усиливается значимость геоэкономики в борьбе за политическое пространство.

В рамках геоэкономического подхода ключевую роль в борьбе за мировое лидерство начинают играть финансовые ресурсы, геоэкономические стратегии контроля над

мировой экономической системой. Этот подход учитывает включенность национальных экономик в единое экономическое пространство, делает их зависимыми от национальных интересов стран-лидеров. В это же время использование новых информационных технологий и геоэкономических стратегий повышает экономический потенциал и возможность самостоятельного развития государства. Таким образом, именно экономика становится сегодня важнейшим механизмом реструктуризации политического пространства.

Как мы видим, содержание «политического пространства» эволюционирует, что и обуславливает актуальный интерес к его дальнейшему исследованию. Однако универсального подхода к исследованию современного политического пространства не существует. Геополитическая концепция утрачивает былую значимость, уходит в прошлое важнейшая роль ландшафта в завоевании статуса мировой державы, возрастает в обеспечении наиболее эффективных условий развития государства значение таких факторов, как наука, культура, экономика, информация; усиливается роль геоэкономического подхода в исследовании политического пространства.

Политическое пространство является ареной борьбы за власть, ареной взаимодействия различных субъектов политики. Исследование этого феномена как никогда

актуально в силу приобретения им в современных условиях абсолютно новых качеств. Поэтому необходимо прогнозирование его дальнейших изменений для построения эффективной государственной политики, способной адекватно отвечать на «вызовы времени». Со всей очевидностью встал вопрос о необходимости нового комплексного подхода для исследования современного глобализирующегося пространства. Трансформация современного пространства требует дальнейшего расширения и уточнения категориально-понятийной базы политической науки, формирования методологии интегративного подхода, учитывающего особенности и тенденции развития современного политического пространства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России (контуры нового миропорядка) / К.С. Гаджиев. – М.: Изд-во «Экономика», 2007. – 751 с.
2. Карадже Т.В. Политическая философия. – М.: Мысль, 2007. – 512 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
4. Кочетов Э.Г. Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства. – М., 2010. – 528 с.
5. Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 616 с.
6. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям/ Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2004. – 384 с.

УДК 32:316.614

Щеглов И.А.

Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ПОЛИТИКО- ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

I. Shcheglov

Moscow State Technical University by N.E. Bauman

THE PROBLEMS OF POLITICAL SOCIALIZATION THEORY IN CONTEMPORARY POLITICAL SCIENCE: POLITICAL-IDEOLOGICAL ASPECT

Аннотация. Статья посвящена анализу одной из существующих в теории политической социализации проблем политико-идеологического содержания. Исходное утверждение автора статьи то, что политическая социализация – сфера политико-идеологизированной реальности. Поэтому основной задачей статьи ставится соотношение понятий «идеология» и «идеологизация». В статье раскрываются отличительные, общие признаки, и взаимосвязь данных понятий, что имеет принципиальное значение для исследований в области политической социализации.

Ключевые слова: политическая социализация, политическая наука, сознание, идеология, идеологизация.

Abstract. This article deals with one of the problems in political socialization theory, which lays stress on political-ideological content. The statement suggested by the author of the article is that political socialization is a political-ideologized sphere. That is why the main task of the article is to compare terms “ideology” and “ideologization”. There are some differences, general aspects, correlation between these terms, pointed out in the article, which would be useful for studies in political socialization field.

Key words: political socialization, political science, consciousness, ideology, ideologization.

Политическая социализация – сфера научного знания, инициированная и получившая свое наибольшее развитие в рамках американской политической науки. Разработанная в ее рамках в 60-х гг. XX в. концепция политической социализации заложила образ проблемы политической социализации, базирующийся на системно-институциональном восприятии мира. Политическая социализация рассматривается в качестве процесса включения человека в политическую систему. Ключом к изучению политической социализации на микроуровне стало понятие “to learn”: учить, усваивать, научиться. На макроуровне политическая социализация изучается как функция политической системы.

В отечественной политической науке тема политической социализации получает свое развитие с начала 90-х гг. XX в. и заявляет о себе как о *копии* опыта западных разработок по данным сюжетам. Поэтому при сопоставлении западного и российского понимания политической социализации обнаруживается, что универсален не только образ проблемы политической социализации, но и содержательно-теоретические недостатки в этой области. Среди них выделяются:

– терминологическая неопределенность научных понятий и категорий, относящихся к сфере политической социализации, и, как полагают многие авторы, среди зарубежных и отечественных «исследователей не сложилось и однозначного понимания самого термина «политическая социализация» [4, 33];

* © Щеглов И.А.

– изучение темы политической социализации включается в чрезмерно большой объем относимых к ней процессов и явлений, по сути, входящих в другие тематические разделы политологического знания. Это, в частности, вопросы политического участия, политического поведения, политического воспитания и образования, политической деятельности, процессы принятия решений и прочие;

– односторонность научного поиска и разработок в сфере политической социализации, которая обуславливается *адаптивным* смыслом *системных* интерпретаций процесса.

В целом не выработано ясного понимания политической социализации как научной категории; остается неизменным образ проблемы политической социализации, который создан полвека назад, и, так или иначе, исчерпывает себя. Круг теоретических проблем политической социализации достаточно широк. Он затрагивает системы «политическая социализация – социализация», «политическая социализация – политическая адаптация», «политическая социализация – политическое воспитание», «политическая социализация – политизация», «политическая социализация – идеология – идеологизация» и др.

Рассмотрим одну из них. В вопросе о том, что лежит в основе политической социализации, одним из вариантов ответа считается то, что именно «идеология является стержнем политической социализации» [7, 42]. Эта позиция несколько расходится с нашей.

Идеологическое пространство включено в такие понятия, как *идеология* и *идеологизация*. Основная необходимость в различении данных понятий в рамках настоящего исследования исходит из нашего утверждения, что сфера политической социализации – это есть сфера политико-идеологизированной реальности.

«Идеология (от греч. *idea* – идея, представление и *logos* – слово, учение) – система концептуально оформленных представлений, идей и взглядов на политическую жизнь...» [9, 417].

Понятие идеологизации употребляется в политологической литературе реже, нежели термин «идеология». Это понятие определяется следующим образом.

«Идеологизация в самом широком смысле есть придание различным объектам социальной действительности идеологического значения» [1, 12]. Таково общераспространенное понимание термина «идеологизация». На наш взгляд, на неправомерность такого рода понимания указывает тот факт, что в этом случае идеологизация ставится в производно-подчинительное в отношении идеологии положение. Если придерживаться данной позиции, то тогда основу политической социализации будет составлять «идеологическая социализация, как процесс усвоения индивидом идеологических норм и ценностей...» [5, 39].

Если принять за основу политической социализации «идеологическую социализацию» – редко используемое в политической науке словосочетание, тогда фактически политическая социализация будет сведена к «официальной социализации». Такая позиция окажется весьма ограниченной, узкой и неперспективной.

Идеология как понятие *не идентична* понятию идеологизации. Тем не менее подобное отождествление присутствует, что накладывает ограничения на характер осмысления проблемы политической социализации.

Осуществим соотношение понятий *идеология* и *идеологизация*, где выявим общее и отличия между ними и их взаимосвязь.

Отличительные признаки идеологии и идеологизации.

Идеологизация по отношению к идеологии выступает как относительно самостоятельная, самобытная сущность.

Во-первых, идеология – есть *рационально-концептуальная* категория. Природу идеологизации составляют, напротив, эмоционально-чувственные, наглядно-практические, опытно-жизненные основы.

Во-вторых, идеология – конструкт элитарного сознания; идеологизация – продукт массово-обыденного сознания.

В-третьих, идеология представляет собой продукт институционально-специализированного аппарата; идеологизация – вне-институциональна и не обладает в системе специализации социальным статусом.

В-четвертых, идеология идейна по своей сути. Она напрямую связана с формированием идейно-мировоззренческого ядра (личности); а в его основе лежат властно-государственные – идеологические *принципы*. Идеологизация строится не на принципах, а по факту нравственно-критического отношения человека к окружающей реальности. Идеологии как прототипу «формальной, официальной политической социализации» [3, 47], противопоставляется «фактическая» политическая социализация.

В итоге, как следствие, системе доказательств и научно-концептуальных идей противопоставляются упрощенные, приближенные, обобщающие, обывательски-ограниченные воззрения.

Идеологии как определенной политико-идеологической программе – в широком, властно-государственном смысле, присущи такие понятия, как цель, задачи, результат. В основе идеологизации, напротив, сконцентрирован не тактико-стратегический, а эмпирический ресурс.

Задачи по формированию и распространению идеологических доктрин несет на себе специализированный аппарат властных кругов. Идеологизация, в отличие от идеологии, не имеет специализированного представительства. Идеологизация относится к сфере сознания. Обращаясь к рассуждениям В.Л. Цымбурского, понятие идеологизации уместнее всего соотносить с формами «идеологизированного мышления, проникнутого устойчивыми, ценностно нагруженными клише и ассоциативными схемами» [11, 21].

Наиболее распространенная позиция гласит, что истоки идеологизации лежат в методах идеологического воздействия (политическая пропаганда и агитация) на сознание и поведение людей. По нашему мнению, с подобным аргументом трудно согласиться.

Весьма условным выглядит непосред-

ственное понимание воздействия идеологии на массовое сознание. Корни массового сознания – в культуре, в социальном укладе жизни людей. Не учитывать этого нельзя. Идеологизация поэтому не принимает подчинительное к идеологии положение. Напротив, идеология призвана быть адекватна образу общества, на базе которого она утверждается.

Методы политико-идеологического воздействия выступают *внешней* по отношению к идеологизации силой, поскольку идеологизация не подвержена *прямым* приемам идеологического воздействия. Это положение объясняется тем, что идеологизация включена в собственный «раздел» жизни, несколько отличный от «официального». Производство стереотипов лежит в *практике* повседневной жизни. Образы и впечатления складываются не из конкретных призывов и агитации, а из тех наглядных, иллюстрированных сюжетов, с которыми человек проживает жизнь. В этих сюжетах – в социокультурном понимании слова, отображена эпоха, переживающая в себе судьбу человека, общества, страны.

Стереотипы обладают особой – самобытной – динамикой развития, что обуславливает устойчивость стереотипизации массово-обыденного сознания. Устойчивость стереотипа порождается не только его общепонятностью, но и медленно вытесняемой привычностью, клишированностью в отношении тех или иных объектов-образов, образцов, идеалов. В силу данной специфики устойчивость «стереотипов подразумевает не их абсолютную стабильность, а особую динамику, отличную от динамики других... представлений» [8, 23].

Можно предположить, что агитационно-пропагандистская деятельность в целом *стимулирует* массово-обыденное сознание к тем или иным формам социальных и жизненных представлений и восприятий. Говоря об истоках политизированной идеологизации, согласимся с мнением, что они лежат не в сфере «прямой» – т. е. «идейной» пропаганды, а в сфере социологической пропаганды, которая связана с «влиянием особен-

ностей социальной среды на формирование сознания и поведения личности...» [10, 122] и охватывает скорее направленное, нежели целенаправленное воздействие на индивида. Кроме того, многие задачи по целенаправленному формированию, например, «в политическом сознании российских граждан... политико-психологических установок и стереотипов...» [12, 534], на практике не состоятельны, так как имеющиеся установки и стереотипы уже исторически сложены и отражают особенности менталитета российских граждан.

Рассмотрим теперь *общие* признаки идеологии и идеологизации.

Во-первых, идеология и идеологизация в своем историческом статусе имеют общую – предметно-рациональную – природу. Идеологизация, хотя и обладает самостоятельностью по отношению к идеологии, тем не менее и одна и другая возможны лишь на базе рационализировавшегося в процессе исторического развития конструкта сознания.

Во-вторых, как идеология, так и идеологизация подвергаются влиянию образно-конструирующего, идеализирующего сознания. Этим объясняется, в частности, мифологическая тенденция в идеологии, которая, безусловно, в отличие от мифологии, имеет иную сущностную природу. Сама способность человека к воображению, а также присущее ему стремление к идеализации, теоретизации, деконструкции реальности превращают идеологию в утопию, в трудно реализуемый на практике желаемый образец.

В-третьих, и идеология, и идеологизация упорядочены. Хотя принципы упорядочивания – разные. Идеология упорядочена системой концептуально-практической сообразности. Идеологизация – поочередно возникающими и исчезающими в контексте логики развития реальности объектами-обрами.

В-четвертых, идеология и идеологизация стереотипизированы. Отличны *основания* стереотипизации. Если идеология обращена «к пропагандистским стереотипам», например, «поиск врага», «наклеивание ярлыков»

и др. [3, 48], то идеологизация стереотипизируется массово-обыденным сознанием, в результате, она не обязательно и не всегда «совпадает» с идеологической стереотипизацией.

Говоря о *взаимосвязи* идеологии и идеологизации, очевидно, правильнее всего понимать эту взаимосвязь как *совпадение* идеологии и идеологизации в контексте развертывания реальности, где проблема совпадения проистекает из «латентной социализации, которая может обладать как «положительным», так и «отрицательным» зарядом» по отношению к чему-либо [2, 3]. Сама ситуация времени, положение в стране и в мире подводят к переменам в жизни, к стремлениям людей к переменам, которые «подхватываются», направляются и инициируются идеологией. Таковы, например, свидетельства революционных перемен, в ходе которых перед нами «человек, ослепленный революционными чувствами, желанием все изменить...» [1, 101]. При этом (как показывает история) сочетание отсутствия «элементарной грамотности» и «высокий эмоциональный накал революционных действий» [1, 139] создают благоприятную почву для проведения в массы идеологических идей.

Взаимосвязь идеологии и идеологизации проявляется и на уровне языка. Язык повседневного мышления структурирован как знаково-символической, так и смысловой системами, а также – в широком смысле – образом времени и эпохи, в которой человек живет. Стоящий за определенными выражениями, словами и словосочетаниями обыденного языка образ как *представление* о чем-либо, нагруженное образно-ассоциативными клише, ориентирован на их эпохально-временную принадлежность.

По масштабу идеологизация может быть локальной, то есть иметь отношение к предметным сущностям, в адрес которых поступают различного рода «осмеяние, идеологизированное острословие» [6, 81], и глобальной, охваченной процессами стилизации жизни, тенденциями моды в социальной сфере и в культуре, что формирует «отношение обыва-

теля к происходящему не только на экране, но и в жизни» [6, 97]. Идеологизация сопровождается формирующейся в каждый период времени специфику типа личности.

Как отмечает В. Шапиро, несмотря на то, что «в сфере политической социализации еще многое предстоит сделать, и есть большой потенциал для новых и важных открытий, образ проблемы политической социализации, созданный десятилетия назад, так и остался неизменным». Автор указывает: наряду с несомненными достоинствами более поздних публикаций по теме, «стержневые аспекты современных исследований в области политической социализации базируются на прошлом» [14, 4].

Недостаток поиска новых форм и приемов научного анализа в ходе изучения процесса политической социализации приводит к концептуально-содержательной односторонности, снижению показателей профессионально-деловой активности, конкурентоспособности, а также весомости политической социализации как тематического раздела в политической науке по сравнению с другими тематическими разделами.

В целом высказывание Д. Джароса, датированное 1973 г., на наш взгляд, пока не утратило своей своевременности и актуальности: «изучение политической социализации – отличается больше тем, что сокрыто, и еще предстоит открыть, нежели неоспоримыми основами проверенного знания» [13, 137].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акишева, Н.Б. Идеологизация обыденного сознания (философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. – Свердловск, 1989.
2. Гуменчук, О.Н. Политическая социализация индивида в условиях тоталитарного политическо-го режима (институциональный аспект) / Караганд. металлургический ин-т. – Темиртау, 1993. – Деп. в ИНИОН РАН, № 48512.
3. Денисова, И.В. Политическая система как субъект социализации // Омский научный Вестник. Сер. Общество. История. Современность. – 2006, № 8 (44). – С. 44-50.
4. Касьянов, В.В. Политическая социализация молодежи в современной России: дис. ... д-ра социол. наук. – Ростов н/Д., 1999.
5. Краснова, Е.А. Идеологическая социализация современной российской студенческой молодежи: дис. ... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2009.
6. Кузнецов, Д.В. Массовое сознание в современном российском обществе (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. – М., 2005.
7. Латыпов, Р.Ф. Политическая социализация: этнический аспект: дис. ... канд. полит. наук. – Уфа, 2003.
8. Медведева, С.М. Воздействие политических стереотипов на массовое сознание (опыт России, 90-е годы): дис. ... канд. полит. наук. – М., 2000.
9. Политическая энциклопедия: В 2 т. / Рук. научного проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – Т. 1: Политическая энциклопедия, 1999.
10. Тарасова, Е.Г. Политическая социализация в СССР: идеологические основы и технологии воздействия на массовое сознание (1945-1953 гг.): дис. ... канд. полит. наук. – М., 2006.
11. Цымбурский, В.Л. Человек политический между ratio и ответами на стимулы (К исчислению когнитивных типов принятия решений) // Понимание. – 1995, № 5. – С. 15-33.
12. Якушева, И.П. Основные направления государственной политики по формированию политического сознания российской молодежи // Вопросы гуманитарных наук. – 2006, № 6. – С. 533-537.
13. Jaros, D. Socialization to Politics. – L.: Nelson, 1973.
14. Sapiro, V. Not Your Parents' Political Socialization: Introduction for a New Generation // Annual Review of Political Science. – 2004, Vol. 7. – P. 1-23.

УДК 32:93/94

Ганюшкина Н.А.

Московский государственный областной университет

УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ СОЗНАНИЕМ ЭЛЕКТОРАТА ПОСРЕДСТВОМ МАНИПУЛЯЦИИ ИСТОРИЧЕСКИМИ ФАКТАМИ*

N. Ganyushkina

Moscow State Regional University

MANAGEMENT OF ELECTORATES POLITICAL CONSCIOUSNESS BY MEANS OF MANIPULATION WITH HISTORY FACTS

Аннотация. В статье раскрывается специфический аспект современной российской политики. Автор изучает особенности создания у избирателей определённого имиджа политической партии с помощью манипуляции историческими фактами. В основе исследования лежит анализ выступлений политических лидеров и программных документов партий «Единая Россия» и «КПРФ», а также данные Всероссийского центра изучения общественного мнения. Проведя сравнительный анализ исторического компонента идеологических платформ вышеупомянутых партий, автор пришел к заключению, что обе политические силы апеллируют к различным этапам истории страны, формируя в политическом сознании современных россиян имидж партий-наследниц великого прошлого.

Ключевые слова: политический имидж, политическое сознание электората, идеология партии, консерватизм, модернизация.

Abstract. In the article the specific aspect of a modern Russian policy is revealed. The author studies the features of creation a certain image of political party at voters by means of manipulation with historic facts. In this paper the analysis of political leaders' performances and programme documents of the parties "United Russia" and "Communist Party of Russian Federation" as well as the data of All-Russian Public Opinion Research Center is presented. After comparative analyze of historical component of ideological platforms of mentioned above parties, the author has come to conclusion that both political forces appeal to various stages of the country history, forming the image of parties-successors of great past in political consciousness of modern Russians.

Key words: political image, political consciousness of electorate, ideology of a party, conservatism, modernization.

Необходимость изучения вопроса об управлении политическим сознанием электората посредством манипуляции историческими фактами диктуется современной реальностью. Ведь мировоззрение российских избирателей является объектом конкурентной борьбы различных общественно-политических сил, осуществляющих свою деятельность на базе разных, зачастую диаметрально противоположных идеологических платформ, в условиях многопартийности.

Эмпирической базой анализа управления политическим сознанием электората в современной России могут стать программные документы крупнейших политических партий страны – «Единой России» и КПРФ, выступления их политических лидеров, а также данные социологических исследований, проведенных в 2010 г. ВЦИОМ.

В настоящее время политическое сознание понимается как осознание сферы политики социальными субъектами (личностями, группами, различными общностями и т. п.) [14, 386]. Иными словами, оно представляет собой совокупность оценок, чувств, воззрений, переживаний, касающихся власти и механизмов ее осуществления. Одной из важных форм по-

* © Ганюшкина Н.А.

литического сознания выступает идеология, которая является, прежде всего, определенной доктриной, оправдывающей притязания той или иной группы лиц на власть или ее использование, добывающейся в соответствии с этими целями подчинения общественного мнения собственным идеям [6, 230-231].

Компонентом идеологии и фактором легитимизации власти нередко выступает история. Так, в целях обоснования своих прав на занятие престола русские князья, а впоследствии и цари, апеллировали к древности рода, высокому социальному положению предков, их подвигам и заслугам. Например, в концепции «Москва – Третий Рим», сформулированной монахом Филофеем в XVI в., утверждалось, что московские великие князья являются преемниками римских и византийских государей. Иван Грозный утверждал, что генеалогия Рюриковичей восходит к брату римского императора Августа Кесаря.

В современной России, в соответствии с 1-м и 2-м пунктами 13-й статьи Конституции, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной [8, 7]. Между тем имеют место различные партийные идеологии, наибольшее значение из которых приобретают концепции крупнейших российских партий «Единая Россия» и КПРФ.

Изначально идейные принципы «Единой России» сводились лишь к поддержке курса второго Президента России Владимира Путина, но «контрольный пакет» мест в Государственной Думе и доминирующее положение в политической системе современной России заставили партию формулировать идеологию, включающую более широкие «общенациональные принципы». Таким образом, как заметила старший научный сотрудник ИНИОН РАН И. Глебова, «через свою партию власть пытается реализовать идею «нового общественного договора», достичь базового социального консенсуса [2, 131].

Важным событием в жизни партии, которое подвело черту под многолетними «идейными поисками», стало заявление, сделанное Председателем высшего совета «Единой Рос-

сии» Б.В. Грызловым на XI съезде партии в ноябре 2009 г.: «Сегодня мы принимаем Программный документ партии, в котором вместе с задачами повышения качества жизни и проектами экономического развития будет четко обозначена наша идеология – российский консерватизм» [10].

Если обратиться к социологическим данным, то, согласно опросу, проведенному в июне 2010 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), большинство россиян (36%) выбирают консервативные ценности. Наибольшие симпатии вызывают такие постулаты консерватизма, как возвращение к традициям и моральным ценностям, проверенным временем, а также порядок, основанный на сплочении нации и защите национальных интересов. При этом главными сторонниками консерватизма считаются Путин В.В. (15%), Зюганов Г.А. (13%) и Медведев Д.А. (11%) [12].

Согласно другому опросу, наиболее привлекательной идеологией 33% опрошенных граждан является национальный консерватизм, представляемый в опросе, как «защита традиционных русских ценностей», «национальной независимости», «самостоятельности», «укрепление сильной державы», «защита интересов русских» [9].

В связи с такой популярностью консерватизма, идеологический выбор «Единой России» в пользу данной концепции представляется разумным и взвешенным. Вместе с тем не следует забывать о том, что история знает множество разновидностей консерватизма.

Центральной идеей «Единой России» стала «консервативная модернизация». Аргументируя необходимость такого курса развития страны, идеологи-единороссы отмежевываются от имевших место в прошлом других проектов модернизации: «социалистического» и «либерального».

«Модернизацию революционными способами мы уже проходили, – отмечает руководитель исполкома Бурятского регионального отделения партии М. Кравченко. – Ее ценой в 1917 – 1937 годы стали жизни и свобода миллионов наших сограждан» [5]. Но и мо-

дель развития образца 1990-х гг. признается членами «Единой России» неприемлемой: «Мы знаем, что такое модернизация с точки зрения либералов – это шоковая терапия 91-го года. Это ваучерная приватизация, а в последствии – залоговые аукционы, которые перераспределили самым несправедливым образом бывшую социалистическую собственность» [15].

Оценка единосроссами либеральных реформ начала 1990-х гг. совпадает с общественным мнением. Так, более половины сограждан (58%) свое продемонстрировали негативное отношение к экономическим реформам Егора Гайдара. С тезисом, что в 1990-е гг. политика «шоковой терапии» не имела реальной альтернативы, согласилось лишь менее четверти опрошенных. И хотя порядка 40% опрошенных высказалось в пользу создания рыночной экономики в нашей стране, но при этом все они осудили методы, применённые Е. Гайдаром [4].

Таким образом, опираясь на силу общественного мнения, партия «Единая Россия» провозглашает «консервативный вариант» развития государства, т. е. не подразумевающий радикальных перемен и социально-экономических потрясений. «Какой, с нашей точки зрения, должна быть модернизация? – задается вопросом лидер партии власти Б.В. Грызлов. – Прежде всего – она не должна проводиться путем революции, она не должна быть модернизацией за счет граждан. Исторические примеры такой модернизации, проводившейся именно партиями консервативного направления, существуют. Это послевоенная Германия, послевоенная Япония и ряд других стран Азиатско-Тихоокеанского региона» [3].

Однако главным в консерватизме, согласно Б. Грызлову, должен стать не зарубежный опыт, а национальные традиции и нормы, такие, как патриотизм, семейные ценности, историческая память, уважение к традициям, здоровая и растущая нация, гарантии частной собственности, уважение к закону и др. [3]. «Обращение к русским традициям – единственное, что нам остается сделать.

Аскеза и культ труда, честь и милосердие, покорение Сибири и развитие искусств в монастырях. Именно с этим и может обращаться российская консервативная партия к своим избирателям. Развитие – это еще одна наша традиция» [13].

Как видно, обращение к традициям подразумевает возвращение к дореволюционному российскому опыту. При этом такой пласт российской истории, как традиции, рожденные и сложившиеся в советское время, игнорируется.

Иначе подходят к трактовке прошлого идеологи Коммунистической партии Российской Федерации, уделяя внимание не столько дореволюционному, сколько послереволюционному периоду развития страны. Об этом свидетельствует содержание программного документа этой партии, в котором обнаруживается специальная глава под названием «Уроки истории и пути спасения Отечества». В ней раскрываются место и роль революционных сил в истории России, говорится об их положительном влиянии на ход развития российского государства. В программе анализируется отечественный опыт построения социализма и указывается на достижения советского строя: высокие темпы индустриализации и коллективизации, культурная революция (ликвидация массовой безграмотности), победа в Великой Отечественной войне, успехи в освоении космоса и т. д.

В конечном счете, из всего вышеизложенного делается вывод: спасение Отечества – только в возрождении советского строя и следовании страны по пути социализма. При этом единственной силой, способной реализовать такой курс развития страны, объявляется КПРФ, ведущая свою родословную от РСДРП — РСДРП (б) — РКП (б) — ВКП (б) — КПСС — КП РСФСР [11].

Но, провозглашая курс на социалистическое общество, КПРФ, так же как и «Единая Россия», указывает на историческую обусловленность такого пути, ссылаясь на исторический опыт России. «Путеводной звездой в борьбе за светлое будущее являются идеалы Великой Октябрьской социалистической

революции». – отмечает лидер КПРФ Г.А. Зюганов. – «Сейчас для исправления ситуации в стране вновь требуется общая воля. Но она никогда не появится, если будут уничтожать советскую историю, оскорблять тех, кто храбро сражался, защищал свою Родину, завоевал Победу в Мае 45-го» [1; 7].

Анализ картины прошлого, созданной идеологами КПРФ, убеждает в том, что политический имидж КПРФ создается путем обращения к ярким историческим фактам, образам и персоналиям времен советской России. Проявляется это, прежде всего, в копировании советской атрибутики – красного знамени с серпом и молотом, дополненного изображением книги, использованием «Интернационала» в качестве официального гимна партии. Кроме того, ЦК КПРФ выпускает памятные медали, приуроченные к различным юбилейным датам – со дня рождения В.И. Ленина и И.В. Сталина, в ознаменование таких важных событий, как Великая Октябрьская Социалистическая революция и победа в Великой Отечественной войне. В различных городах России создаются и активно поддерживаются пионерские и комсомольские организации, ежегодно устраиваются митинги и шествия, приуроченные к важнейшим датам советских праздников.

Проведенный анализ исторических компонентов идеологий двух наиболее крупных и влиятельных парламентских партий – «Единой России» и КПРФ – позволяет сделать **некоторые выводы**.

Программные документы «Единой России» и КПРФ имеют сходные черты: в обеих программах дается негативная оценка эпохи 1990-х гг., используется патриотическая риторика (защита национальных интересов страны), делается акцент на социально-экономических проблемах страны, приоритете прав человека и т. п.

Однако, несмотря на некоторое сходство программных тезисов, существуют и серьёзные различия. Среди последних, прежде всего, разное отношение к советскому прошлому.

Члены «Единой России» апеллируют к до-революционному периоду развития страны.

Выдвигая в качестве центрального положения своей программы «консервативную модернизацию», идеологи единороссов стремятся представить свою партию в роли политической силы, восстанавливающей отринутые большевиками традиционные российские ценности и традиции. В этой связи вполне логичными выглядят попытки «партии власти» инициировать вопрос о возвращении улицам и городам страны дореволюционных названий, а также признание «Единой Россией» неприемлемости стратегии «социалистической модернизации» для страны.

Коммунистическая партия России, напротив, призывает к реставрации советской власти и советской модели государственности. Сама партия постоянно подчеркивает, что является преемницей РСДРП-ВКП(б) – КПСС и оперирует доступными для большого числа обывателей историческими образами: советской символикой и терминологией. При этом акцент сделан исключительно на достижениях советского периода: победе в Великой Отечественной войне, успехах советской модернизации, полете в космос и т. п.

Как видим, идеологи обеих политических партий стремятся создать в сознании избирателя яркий положительный образ России определенного периода, замалчивая имевшиеся тогда же проблемы и сложности. Все это позволяет охарактеризовать такое обращение с историческими фактами как манипуляцию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Астрахань: Да здравствует Россия советская, социалистическая! // 09.11.09. URL: <http://kprf.ru/actions/72835.html> (дата обращения: 10.10.2010).
2. Глебова И.И. Как Россия справилась с демократией: Заметки о русской политической культуре, власти, обществе. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 144 с.
3. Грызлов Б.В. Сохранить и приумножить: консерватизм и модернизация // 01.12.09. URL: <http://www.izvestia.ru/politic/article3136012/> (дата обращения: 30.09.2010).
4. Егор Гайдар и его реформы: Взгляд из 2000-х // ВЦИОМ. Пресс-выпуск №1391. 16.12.09. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=12912> (дата обращения: 14.10.2010).

5. Единороссы Бурятии раскрывают суть партийной идеологии // 14.12.2009. URL: <http://www.edinros.ru/text.shtml?11/3138> (дата обращения: 15.10.2010).
6. Желтов В.В. Основы политологии. – Ростов н/Д: «Феникс», 2004. – 544 с.
7. Зюганов Г.А. вручил памятные медали КППФ «В честь 130-летия И.В. Сталина» родственникам героев Советской эпохи, похороненных на Красной Площади // 18.12.09. URL: http://kprf.ru/rus_soc/74120.html (дата обращения: 09.10.2010).
8. Конституция Российской Федерации: Словарь-справочник учащегося. – М.: Вахмурка, 2004. – 256 с.
9. «Левый поворот» в российской политике: Реальность или мираж? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск №1107. 02.12.08. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=11070> (дата обращения: 10.09.2010).
10. Наша идеология – идеология стабильности и развития // 21.11.2009 URL: <http://www.edinros.ru/text.shtml?10/9267,110041> (27.09.2010).
11. Программа партии КППФ. URL: <http://kprf.ru/party/program/> (28.09.2010).
12. Путин и Медведев – главные консерваторы, либералы и демократы России // ВЦИОМ. Пресс-выпуск №1508. 03.06.2010. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13557> (22.09.2010).
13. Сергеева М. Развитие – это традиция // 20.08.2010. URL: <http://www.edinros.ru/text.shtml?15/0742,110759> (03.10.2010).
14. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. Учебник для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 389 с.
15. Стенограмма презентации проекта партии «Единая Россия» «Мировой опыт консервативной модернизации» в пресс-центре агентства «Интерфакс» // 01.12.2009. URL: <http://www.edinros.ru/text.shtml?11/1107> (04.10.2010).

УДК 347.78:32

Максимов А.Ю.

Московский государственный областной университет

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИМПЕРАТИВОВ И ПРИОРИТЕТОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ОХРАНЫ АВТОРСКИХ ПРАВ
В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА***

A. Maksimov

Moscow State Regional University

**TRANSFORMATION OF IMPERATIVES AND PUBLIC POLICY PRIORITIES
OF THE PROTECTION OF COPYRIGHT IN RUSSIA IN THE
CONTEXT OF THE CHANGES IN STATE DOMESTIC POLICY**

Аннотация. В настоящей статье выявлены и проанализированы особенности политики охраны авторского права в России в различные периоды исторического и политического развития. И на основе историко-политологического анализа процесса трансформации императивов и приоритетов государственной политики охраны авторских прав в России доказана зависимость степени и характера защиты авторского права от режима осуществления политической власти в стране.

На основе сравнительного анализа государственных политик в области охраны авторского права зарубежных стран показана детерминированность развития авторского права становлением демократии и наличие прямой связи между типом демократии и формой политики охраны авторских прав.

Проанализированы сущность, содержание и генезис политико-правовых проблем в сфере охраны авторских прав в современной России и предложены пути оптимизации политики охраны авторского права в современной России.

Ключевые слова: авторское право, авторитаризм, доступ к культурным ценностям, либерализм, общее благо, общественный интерес, политический режим, право собственности, права и свободы личности, тоталитаризм.

Abstract. This article identifies and analyses the features of the policy for the protection of copyright in Russia in different periods of historical and political development. And on the basis of historical and political analysis of the process of the transformation of imperatives and priorities of state policy of copyright protection in Russia the dependence of the degree and character of copyright defence from the mode of implementation of political power in the country has been proved.

Based on the comparative analysis of state policies on copyright protection of foreign countries, the determination of the development of copyright by the establishment of democracy and a direct association between the type of democracy and the shape of the policy for the protection of copyright has been presented.

The essence, the content and the genesis of political and legal problems in the sphere of copyright protection in modern Russia have been analysed and the ways to optimize the policy of protection of copyright in Russia today have been suggested.

Key words: copyright, authoritarianism, access to culture, liberalism, common good, public interest, political regime, property rights, individual rights and freedoms, totalitarianism.

Актуальность вопросов, затронутых автором в данной статье, обусловлена следующими обстоятельствами:

Во-первых, связь охраны авторского права с политическим режимом, характером развития политических процессов в России и во всем мире, остается не в полной мере исследо-

* © Максимов А.Ю.

ванной. Изменения, которые привносятся в политику охраны авторского права в связи с изменениями политического режима или корректированием государственного курса, отражаются в нормативно-правовых актах, однако сами изменения не получают полноценного научного осмысления.

Во-вторых, ключ к пониманию современных проблем в сфере охраны авторского права во многом кроется в историко-политологическом анализе государственной политики охраны авторского права, поскольку он помогает раскрыть генезис и содержание современной российской культуры охраны авторского права.

Первым российским законом об авторском праве было Положение о Сочинителях и Издателях книг, принятое в 1828 г. в качестве приложения к Цензурному Уставу. В первых сводах норм авторское право в России рассматривалось как разновидность права частной собственности. Интересы приобретателя авторского права – издателей, коммерсантов защищались государством наравне с интересами самого автора. Такой подход к охране авторского права не в полной мере соответствовал духу *Droit d'auteur*, концепции, утверждающей не только имущественные привилегии, а всю полноту прав автора, являющейся «декларацией прав гения». Гений, творец не стал системообразующей осью авторских прав в России.

Однако «собственнический» подход к авторскому праву в XIX в. стал фактором зарождения и развития предпринимательства и капиталистических отношений в сфере издательской деятельности, торговли произведениями литературы и искусства [2, 5]. С их развитием возникла и стала расти необходимость введения новых норм в сфере авторского права: 20 марта 1911 г. было принято Положение об авторском праве, которое, по мнению современников, впитало в себя «современные принципы права вообще и авторского права в частности», и блистало «цветами новейших правовоззрений Запада» [2, 12]. Вместе с тем Положение 1911 г. было преимущественно по отношению к предшеству-

ющим нормативным актам: в нем было отражено понимание авторского права как права собственности. Согласно Положению, авторское право носило отчуждаемый характер: автор мог не только уступать издателю правомочие на издание произведения, но и вообще передать свое авторское право в его полном объеме (ст. 6958). Несмотря на запрет внесения каких-либо изменений, дополнений и сокращений, закон не предусматривал для автора инструментов защиты своего произведения от каких-либо искажений. Законом также предусматривалась возможность «запродажи», то есть покупки авторского права издателем загодя, на еще не созданные автором-литератором произведения.

Таким образом, закон 1911 г. в явном виде выражал интересы не только авторов, но и предпринимателей, издателей, книготорговцев, а также был нацелен на защиту экономических интересов государства. Такой подход к регулированию авторско-правовых отношений можно рассматривать, с одной стороны, как отражение недостаточного признания моральных прав творца и свидетельство традиционной недооценки значения творческой личности в России; с другой стороны, как законотворческий шаг, призванный стимулировать предпринимательскую активность, книгоиздание, торговлю. И в этом отношении Закон мог стать фактором развития технологий и цивилизованных экономических отношений в сфере книготорговли, издательского и галерейного дела.

Важной характерной особенностью авторского права в России в период его становления было фактическое отсутствие коллизии между интересами автора и интересами общества, то есть той коллизии, которая являлась «пусковым механизмом», и одновременно «путеводной нитью» развития авторского права в США и Европе. Имеет место лишь столкновение интересов экономических субъектов: капиталистов, с одной стороны, и авторов, с другой. Такого рода противоречие было разрешено государствами Европы в пользу авторов, в то время как в России положение субъектов оставалось практически

паритетным. В российской политике защиты авторских прав имело место противопоставление экономических интересов государства и интересов творческой личности, а такое противоречие однозначно разрешалось в пользу государства и государственных институтов.

Таким образом, в России авторское право не было глубоко, тесно и сущностно увязано ни со смыслом и содержанием прав и свобод граждан, как в Европе, ни с пониманием социумом и государством общественных интересов, связанных с развитием культуры и техники, как в США. Методологический подход, который применялся для рассмотрения содержания авторского права, лежал в рамках камералистики, причем той ее части, которую принято называть полицейской, поскольку государственная политика авторского права в России осуществлялась как полицейская, а авторское право было долгое время неотделимо от цензурного. Показательно в этом отношении, что авторы, так или иначе анализировавшие авторское право в XIX в., характеризовали его именно в экономических терминах и, как правило, рассматривали в рамках экономических взаимоотношений как имевшее смысл и проявлявшее свое содержание только в них. В связи с понятием авторского права не затрагивались проблемы других прав и свобод, понятия гражданства и свободы творчества. Проблемы культуры и общественных интересов, претензий общества на доступ к культурным ценностям также оставались на периферии общественной рефлексии авторского права. В ее центре – имущественные интересы субъектов, задействованных в авторско-правовых отношениях и политэкономические интересы государства.

Посредством норм авторского права государство, прежде всего, ограждало свои экономические интересы от посягательств других субъектов, во вторую очередь, обеспечивало бесконфликтное взаимодействие экономических субъектов, в качестве одного из которых рассматривался автор. Можно говорить о том, что авторское право в России в XIX в. было не столько политико-правовым,

сколько политэкономическим и полицейским феноменом, своей сущностью и содержанием отражавшим двуукладное состояние российской экономики и полицейскую сущность внутренней политики государства.

После Октябрьского переворота 1917 г. ЦИКом были отменены все нормы гражданского законодательства Российской империи. Первой советской нормой, регулирующей авторско-правовые отношения, стал декрет «О государственном издательстве» от 29 декабря 1917 г. Под предлогом необходимости для общества и государства утолить «книжный голод в стране» посредством издания сочинений русских классиков, декретом права на произведения были переведены «из области частной собственности в область общественной» [3, 22]. Фактически авторское право на сочинения, избранные к изданию, было изъято у авторов и их наследников в пользу государства и монополизировано на 5 лет. В соответствии с Декретом об уничтожении наследственного права на произведения литературы и науки и о переходе их со дня смерти автора на 5 лет в монополию государства, ЦИК Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов объявил книгоиздательствам, что «со дня принятия данного декрета издание сочинений перешедших в ведение государства может быть предпринято частными издателями только с разрешения литературно-издательского отдела и при соблюдении известных условий» [4, 2].

Уже 14 февраля было издано еще более жесткое решение в отношении «самовольного» издательства. Постановлением государственной комиссии по народному образованию от 14 февраля 1918 г. утверждался список русских критиков, поэтов и беллетристов, авторские права которых монополизировались. При этом объявлялось, что список ученых, авторские права которых еще будут национализированы и монополизированы, еще будет опубликован.

Политика национализации имущественной части авторского права была продолжена декретом Совнаркома РСФСР от 26 ноября 1918 г. «О признании научных, литературных,

музыкальных и художественных произведений государственным достоянием». Согласно Декрету, «всякое как опубликованное, так и неопубликованное научное, литературное, музыкальное или художественное произведение, в чьих бы руках оно ни находилось, может быть признано, по постановлению Народного Комиссариата Просвещения, достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» [5, 1]. Декрет устанавливал, что может быть монополизировано также «как право перевода, так и самый перевод на русский язык литературных произведений, появившихся на иностранных языках как в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, так и за ее пределами» [5, 1].

В соответствии с декретом «Об отмене наследования» от 27 апреля 1918 г., декретом Совнаркома РСФСР от 26 ноября 1918 г. было установлено, что авторское право не может быть передано по наследству, однако государство гарантировало наследникам пенсию в размере прожиточного минимума [1, 24]. Декретом от 29 июля 1919 г. была отменена частная собственность на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящиеся в библиотеках и музеях, а за Народным комиссариатом по просвещению было закреплено право первого издания всяких публикаций из этих архивов. Затем последовал декрет от 10 октября 1919 г. «О прекращении силы договоров на приобретение в полную собственность произведений литературы и искусства», которым были объявлены недействительными все договоры авторов с издателями, по которым авторская интеллектуальная собственность была в полном объеме продана издателям [6, 1].

30 января 1925 г. вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «Об основах авторского права», которое знаменует собой начало общесоюзного регулирования государством авторско-правовых отношений. Согласно Постановлению, «авторское право на произведение, как появившееся в свет (ст.12) на территории Союза ССР, так и находящееся на территории Союза ССР в виде рукописи,

эскиза или в иной объективной форме, признается за автором и его правопреемниками независимо от их гражданства» [9, 1]. Эта широкая формулировка без изменений вошла в последующее законодательство.

Согласно этому Постановлению, «авторское право, за некоторыми изъятиями, принадлежит автору в течение 25 лет со времени появления его произведения» [9, 1]. Таким образом, закон периода НЭПа признает и допускает частные имущественные права, однако с рядом ограничений либо объема правомочий, либо срока их существования. Поскольку в период НЭПа появились и функционировали частные издательства, ограничение сроков существования авторского права было нацелено в основном против расширения имущественных прав издателей. После ликвидации частных издательств эти ограничения утратили свой политический смысл. Поэтому уже в Основах авторского права СССР 1928 г. не содержится такого ограничения, и лишь устанавливается бессрочность авторского права при жизни автора [1, 24].

11 октября 1926 г. был издан декрет ВЦИК, СНК РСФСР «Об авторском праве», предусматривающий, что имущественные права автора на издание и распространение своего произведения могут быть переуступлены «издательствам, находящимся в ведении государственных органов, а также профессиональных, партийных и кооперативных организаций, на любой срок или бессрочно, в полном объеме или с ограничениями» [7, 1], переуступка авторских прав частным издательствам предусматривалась лишь по договору сроком на 5 лет. В этих нормах отчетливо проявляется преференция полномочий государства по отношению к правам творческой личности, частного предпринимателя или любого другого экономического субъекта.

В данном Декрете также сохраняется положение о возможности *национализации* прав на произведение. Так, статья 11 гласит: «Всякое произведение, как являющееся предметом авторского права, так и то, в

отношении которого срок авторского права истек, если оно впервые было выпущено в свет на территории РСФСР или находится на означенной территории в письменной или иной объективной форме, может быть объявлено, по постановлению Совета Народных Комиссаров РСФСР, достоянием государства» [7, 1]. Предусмотрен был также переход произведения в государственное достояние и «в отношении произведений, действие авторского права на которые не истекло» [7, 1] при условии уплаты вознаграждения.

8 октября 1928 г. был принят Закон «Об авторском праве», конституировавший начало нового этапа развития авторского права в СССР. Законом было закреплено пожизненное авторское право на продукт творчества, зафиксирован договорный принцип использования авторских произведений. Вместе с тем перевод литературного произведения, публичное исполнение при выплате гонорара не считался нарушением авторского права. Вместе с тем, если в период военного коммунизма авторские права были фактически нивелированы государственной политикой национализации, то после 1928 г. начался период *относительного* восстановления и расширения авторских прав [1, 56].

Администрирование отношений в сфере литературного, художественного и иного творчества было возложено на союзно-республиканское Министерство культуры СССР, которое осуществляло централизованное руководство деятельностью издательств, театров, кинотеатров, киностудий, студий механической записи произведений литературы и музыки.

Советские авторские союзы: Союз советских писателей СССР, Союз советских композиторов СССР, Союз советских художников СССР и др. по своей сути были не столько институтами гражданского общества, защищавшими права автора, сколько частью механизма государственного администрирования, осуществляемого Министерством культуры СССР, который «направлял деятельность союзов работников творческих профессий» [1, 78].

Союз советских писателей был образован в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» [10, 1]. Согласно Уставу Союза, утвержденному СНК СССР 17 февраля 1935 г., его основной целью было «активное участие советских писателей своим художественным творчеством в социалистическом строительстве, защиту интересов рабочего класса и укрепление Советского Союза путем правдивого изображения истории классово-борьбы пролетариата, классово-борьбы и строительства социализма в нашей стране, путем воспитания широких трудящихся масс в социалистическом духе» [10, 1]. Устав Союза писателей был пересмотрен в 1954 г., в результате чего в него вошло большее количество писателей, однако и цели, и сама суть Союза остались неизменными.

Постановлением СНК СССР от 28 июня 1934 г. был образован Литературный фонд Союза ССР, функционировавший при Союзе писателей. Его задачей, согласно Постановлению, стало «содействие членам Союза советских писателей СССР путем улучшения их культурно-бытового обслуживания и материального положения, а также оказание помощи растущим писательским кадрам путем создания для них необходимых материально-бытовых условий» [11, 1].

4 мая Постановлением СНК СССР от 4 мая 1939 г. был образован Союз советских композиторов, а 20 сентября 1939 г. – Музыкальный фонд СССР. Его целью также стало содействие «творческой деятельности советских композиторов и музыковедов, а также улучшения их материально-бытового положения» [1, 98]. Аналогичным образом были образованы Художественный фонд СССР и Архитектурный фонд.

Средства музыкального и литературного фондов составляли взносы издательств, театров, культурно-просветительских учреждений, выплачивавшие вознаграждение авторам литературных и музыкальных произведений, а также отчисления авторам от сборов за театральные постановки, литературные вечера и т. д.

Творческие союзы номинально должны были осуществлять правовую защиту интересов своих членов. Однако главным результатом их деятельности стало то, что многочисленные избранные, входившие в элиту члены «творческих союзов», благодаря соответствующим фондам, действительно обеспечивавшим их материально-бытовое положение, превращались в своего рода творческую номенклатуру. Иными словами, творческие союзы были инструментом внутреннего разделения авторов, а не их корпоративного объединения.

Правозащитная деятельность не могла иметь места в тоталитарном государстве, в котором, даже при существовании норм права, гарантирующих права и свободы личности, ни один человек не был защищен от правового произвола и насилия. Личность, вне зависимости от своего социального или материального положения, полностью зависела от воли немногочисленных субъектов принятия решения. Отсутствие какой-либо корпоративной защиты прав автора в 1930-1950-е гг. может служить иллюстрацией положения, что корпоративное единение и взаимовыручка не имеют места в условиях тоталитаризма, когда ключевым мотивом поведения большинства оказывается базовый страх за свою жизнь. В этом смысле показательно, что во время репрессий в отношении представителей творческих профессий – писателей, ученых, врачей, композиторов – творческие союзы либо отрекались от них, либо даже «усиливали» сторону обвинения. Как правило, самые известные, высокопоставленные и высокооплачиваемые представители творческих профессий не вступались в защиту права коллег, опасаясь за свои собственные, поскольку «за примиренческое отношение» к их «контрреволюционным» настроениям могли подвергнуться гонениям. Более того, видные представители творческих союзов оказывались и в наиболее уязвимом положении, поскольку их личное благополучие напрямую зависело от степени лояльности политическому режиму, а близость к партийно-правительственной номенклатуре не давала возможности для

политического или этического нейтралитета, тем более несогласия или протеста. В этом отношении деятельность Управления по охране авторских прав РСФСР, преобразованного в 1938 г. во Всесоюзное управление по охране авторских прав (ВУОАП), мало отличалась от деятельности иных организаций.

Следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Творческие союзы были одним из ключевых инструментов «отслеживания» и корректировки настроений в среде интеллигенции. Уже к 1928 г. в органах власти имелись объемные справки-доносы о настроениях во всех группах интеллигенции – среди учителей, литераторов, актеров, студентов и т. д. Эти справки свидетельствуют о том, что уже в 1920-е гг. была широко развита сеть осведомителей и «аналитиков» любого творчества, которые могли трактовать каждое слово именно так, как это было удобно однопартийной системе. Создание творческих союзов в этом отношении ознаменовало собой организацию и институционализацию контроля за творческими средами. Все творческие индивиды, группы и объединения, не желавшие входить в официальные союзы, создававшие альтернативные группы, подвергались критике в средствах массовой информации, репрессиям, а произведения их участников не публиковались [9, 22].

Таким образом, тенденции в сфере охраны авторских прав 1920-х–1950-х годов иллюстрируют зависимость степени и характера защиты авторского права от режима осуществления политической власти в стране. Тоталитарный режим властвования предполагал практически полное нивелирование сущности и содержания авторского права, наряду с иными другими личными и конституционными правами. Причем авторское право могло быть отчуждено от личности как в его имущественной, так и в неимущественной форме. Имущественная часть авторского права могла быть экспроприрована в пользу государства и монополизирована, и именно такой подход к имущественному праву автора характеризовал период военного коммунизма.

Вместе с тем и неимущественная, неотчуждаемая, неуничтожимая по самой своей сути и смыслу сторона авторского права также оказывается незащищенной в условиях тоталитарного режима властвования. Моральные права автора на созданное им произведения могли быть ликвидированы вследствие репрессий в отношении автора и запрета на продукты его творчества. Автор мог быть осужден к высылке, исключению из союза, заключению и даже смертной казни, причем часто репрессии были нацелены на уничтожение автора именно как носителя творческой мысли. Часть авторских прав впоследствии была восстановлена, но только в том случае, если само произведение как объект права было сохранено в какой-либо объективно выраженной форме. В ряде случаев авторское право было безвозвратно утрачено вместе с его субъектом или объектом.

Запрет на публикацию произведения приводил к тому, что произведение оказывалось неявленным в культурном пространстве, не представленным обществу, публике, реципиенту, что делало моральную суть авторского права сведенной до полного отсутствия.

В этих отношениях неимущественная и имущественная часть авторского права как воплощение *притязаний личности на конкретные возможности реализации свободы творчества и соответствующее поведение общества, государства, должностных лиц, органов, организаций, обращаться в органы исполнительной власти и суд за защитой своих интересов как автора, опираясь на действие нормативно-правовых актов*, ограничивалось в условиях тоталитарного режима до крайней степени. Такой уровень ограничения является достаточным основанием для того, чтобы подвергнуть сомнению их существование. Такое равенство авторов в их ничтожестве иллюстрирует положение Ш. Монтескье: «Все люди равны в республиканских государствах, они равны и в деспотических государствах; в первом случае они равны, потому что они – все, во втором – потому, что они ничто».

В начале 1960-х гг. начался новый, пост-тоталитарный период развития страны, начальный этап которого сопровождался пересмотром советского законодательства. Были пересмотрены и нормы авторского права. В результате как сфера имущественных, так и сфера неимущественных прав автора была существенно расширена. Авторам были предоставлены более широкие возможности, воплотившиеся в конкретные правомочия, которые они могли реализовать в отношениях с организациями, использующими их произведения. В 1970-е гг. начался процесс интеграции СССР и в общемировое пространство охраны авторского права: так, в 1973 г. СССР стал участником Женевской конвенции (в варианте ее текста от 1952 года). В порядке ее исполнения в советском законодательстве было зафиксировано право автора на перевод произведения и кодифицировано продление срока посмертного действия авторского права до 25 лет. В тот же период был расширен круг субъектов авторского права. Однако в течение многих лет Советский Союз, а потом и Россия, не могли стать участниками Бернского Союза в силу несоответствия предоставляемой по национальному законодательству охраны произведений «уровню Бернской Конвенции».

Международное сотрудничество Советского Союза в сфере авторского права осуществлялось преимущественно посредством заключения двусторонних соглашений о культурном сотрудничестве. Приоритетным долгими годами было сотрудничество со странами социалистического лагеря, поэтому и соглашения заключались с ними. В отдельных случаях договоры о культурном сотрудничестве дополнялись соглашениями по вопросам взаимной охраны авторских прав. Первым – 17 ноября 1967 г. – было заключено соглашение с Венгрией, которое было пересмотрено и обновлено в 1978 г. Такого рода соглашения заключались также с Болгарией (1971 и 1975 гг.), ГДР (1975 г.), Польшей (1974 г.), Чехословакией (1975 г.) и Кубой (1985 г.). Из стран капиталистического лагеря были заключены соглашения с Австрией (1981 г.) и

Швецией (1986 г.). В ряде случаев межправительственные соглашения дополнялись так называемыми рабочими соглашениями между авторскими организациями соответствующих стран. В остальном политика охраны авторских прав в СССР основывалась на территориальном принципе. Соответственно, реализация авторских прав для субъекта творчества, особенно в их имущественной части, была осложнена наличием железного занавеса и не включенностью СССР в европейское и общемировое пространство охраны и защиты авторских прав.

Остановимся на особенностях охраны Copyright в СССР 1950-1980-х гг. Императивом охраны авторского права периода социализма было *безукоризненное исполнение законодательных норм: при тотальном государственном регулировании и контроле какое-либо нарушение прав автора было невысказано*. Следует также подчеркнуть, что имущественная компонента авторских прав была довольно существенной. Так, гонорар автору произведения, опубликованного в центральном журнале, составлял примерно 250 рублей за печатный лист (при средней зарплате инженера в 150 рублей). Гонорар за авторский лист прозы, опубликованной в виде книги, составлял 300 рублей при минимальном тираже.

Таким образом, доходы многих советских авторов, связанные с реализацией их имущественных прав, могли быть очень высокими, однако имущественный статус автора оказывался в зависимости от многих обстоятельств, напрямую не связанных с творчеством. Остановимся на главных.

Во-первых, в соответствии с действовавшими нормами права, «доходность» в разных профессиях и сферах творчества сильно различалась. Например, детская литература издавалась большими тиражами, чем взрослая, и ее чаще переводили за рубежом, что обуславливало доходы детских авторов, которые были значительно выше, чем гонорары «взрослых писателей», при прочих равных условиях. Доходы сценаристов были на порядок выше доходов режиссеров в сфере со-

ветского кинопроизводства. Меньше чем за сто страниц сценария для полнометражного фильма сценарист, в зависимости от статуса и заслуг, получал от киностудии гонорар в размере 6-8 тысяч рублей, а после выхода фильма на экран - «потиражные» – примерно 150% суммы авторского договора, то есть не менее 9 тысяч. Режиссеры как авторы фильмов получали значительно меньше сценаристов или композиторов, поскольку политика в отношении кино формировалась задолго до его расцвета. Исправить эту ситуацию творческого неравенства была призвана Экспериментальная творческая киностудия, созданная уже во времена «застоя». Однако, по воспоминаниям Владимира Мотыля, «появилось указание ЦК КПСС, по которому расчет запретили».

Наиболее привилегированным сословием советской творческой интеллигенции длительное время оставались драматурги, получавшие процентные отчисления от валового сбора, размер которых зависел от количества актов в пьесе – по 1,5% за акт: пятиактная пьеса приносила драматургу 7,5% от сбора.

Такое имущественное неравенство среди представителей разных «сословий» творческой интеллигенции в значительной степени восходило к императивам сталинской культурной политики. Самыми востребованными, с точки зрения решения идеологических задач, поставленных государством, и целей пропаганды, были авторы слова: именно они определяли содержательную сторону, смысловую нацеленность советской культуры. Поэтому пишущие авторы составляли когорту наиболее «имущественно стимулируемых» авторов.

Во-вторых, где, как, в каком объеме и каким образом мог реализовать имущественные права тот или иной автор в СССР, определялось государственными органами. Размеры тиражей книг или пластинок, количество театральных постановок пьес, соответственно, и доходы их авторов, не были связаны напрямую с востребованностью произведения публикой и талантливостью автора. Зато они зачастую были показателя-

ми того, насколько политически верно автор понимает и отражает в своем творчестве «генеральную линию» Коммунистической партии и Советского Правительства. Такие «оазисы» поддержки таланта и культивирования свободного творчества, как журнал «Новый мир» или театр «Современник», практически не влияли на общую ситуацию в культурной и авторско-правовой сфере.

Авторские привилегии для «авторской номенклатуры» сопровождалась и другими преференциями для «близких Кремлю» авторов, которые также имели конкретное воплощение в имущественных благах: дачи в «закрытых» поселках, привилегированное обслуживание в санаториях, пансионатах и других учреждениях творческих союзов и т. п. Творческие союзы до последних лет своего существования в рамках советского режима номинально продолжали содействовать «улучшению материально-бытового положения» советских писателей, композиторов, скульпторов, на практике – лишь их номенклатурной части.

Несомненно, были и исключения из данного правила. Вторую когорту авторов, пользовавшихся имущественными привилегиями, составляли творцы, обеспечивавшие политизированной и идеологизированной системе воспроизводства культуры экономический базис. Так, звукозаписывающему государственному монополисту – фирме «Мелодия» необходимо было «делать план», и этот план выполнялся не за счет песен «советских композиторов», а за счет изданий популярных альбомов Ю. Антонова. Как говорил художник-иллюстратор Л. Владимирский, «отбивать» валявшиеся по книжным магазинам бездарные, но идеологически верные издания приходилось за счет издания и продажи действительно популярных произведений талантливых авторов. Вместе с тем система «идеологического фильтра» была столь жесткой, что преодолеть его удалось единицам.

Таким образом, развитие института авторского права в 1960-1980-е гг. XX в. характеризовалось сохранением территориального

принципа защиты авторского права, ограниченностью как его объектов, так и субъектов, узостью авторских правомочий, особенно в имущественной части права. Политика охраны авторского права была частью советской культурной политики, основывающейся на императиве политизации культурной деятельности. В сфере охраны авторского права ее характерной чертой являлось наличие привилегий, имеющих имущественное выражение, у узкого круга представителей творческой интеллигенции – авторской «номенклатуры», и их отсутствие у остальных авторов, составлявших абсолютное большинство. В этом отношении при наличии объективного авторского права как правового института, при неукоснительности исполнения его норм, что также было характерной чертой советского режима, субъективное авторское право, то есть притязание личности на конкретные возможности реализации *свободы творчества* и соответствующее поведение общества, государства, должностных лиц, органов, организаций, не было в достаточной степени защищено. Более того, политика охраны авторского права, основанная на принципах творческих привилегий и политических предпочтений, нивелировала само сущностное основание авторского права – воплощение свободы творчества и равенство творческих возможностей с другими субъектами творческой деятельности.

Заключение.

Степень и характер защиты авторского права зависит от режима политической власти в стране. Данное положение раскрывается в следующих тезисах:

- Тоталитарный режим властвования в России предполагал практически полное нивелирование сущности и содержания авторского права. Стремление правящей элиты к глобальному господству и контролю над сферой науки и культуры, подавлению личной свободы и предотвращению любых проявлений политической неконвенциональности реализовывалось, в том числе, посредством сохранения за элитой возможности отчуждения от личности авторского права как в

его имущественной, так и в неимущественной форме.

• При авторитарном режиме осуществления власти, определявшем характер функционирования политической системы СССР в 1960-1980-е гг. XX в., политика охраны авторского права была частью советской культурной политики, основывающейся на императиве политизации культурной деятельности. Ее характерной чертой являлось, с одной стороны, наличие привилегий, имеющих имущественное выражение, у узкого круга представителей творческой интеллигенции – авторской «номенклатуры», и, с другой стороны, их отсутствие у остальных авторов. При наличии объективного авторского права как правового института субъективное авторское право, то есть притязание личности на конкретные возможности реализации *свободы творчества* и соответствующее поведение общества, государства, должностных лиц, органов, организаций, не было в достаточной степени защищено. Политика охраны авторского права, основанная на принципах творческих привилегий и политических предпочтений, нивелировала само сущностное основание авторского права – воплощение свободы творчества и равенство творческих возможностей с другими субъектами творческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право. - М.: Госуд. изд-во юр. литературы, 1957. – 278 с.
2. Беляцкий С.А. Новое авторское право в его основных принципах. – СПб.: Издание юридического книжного склада «Право». – 1912 //Allpravo. Ru (07.12.2010 г.).
3. Гордон М.В. Советское авторское право. – М.: Юрид. литература, 1995. – 316 с.
4. Декрет об уничтожении наследственного права на произведения литературы и науки и о переходе их со дня смерти автора на 5 лет в монополию государства //Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1918. – № 1(46) 3(16) января. – С. 2.
5. Декрет Совнаркома РСФСР от 26 ноября 1918 г. «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» //Газета Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1918. – № 27(72) 19. - http://www.spbpravo.ru/docs_ccsr.php?id=8056 (07.12.2010 г.).
6. Декрет Совета Народных Комиссаров «О прекращении силы договоров на приобретение в полную собственность произведений литературы и искусства» // СУ РСФСР. – 1919. – № 51. – Ст. 492.
7. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «Об авторском праве» от 11 октября 1926 г. // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.spbpravo.ru/docs_ccsr.php?id=7433 (08.12.2010 г.).
8. Ершова Е.Б. Репрессии против художественной интеллигенции в конце 20-х–начале 30-х гг. // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://history-ershova.narod.ru> (08.12.2010 г.).
9. Постановление ЦИК и СНК СССР «Об основах авторского права» //Известия от 4 февраля 1925 г. – № 28 (2361) и Собр. Зак. СССР 1925 г. – № 7. – Ст. 67.
10. Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» //Правда. – 24 апреля 1932 г.
11. Постановление СНК СССР от 28 июня 1934 г. // СЗ СССР 1934 г. – № 39. – Ст. 311.

УДК 342.7

Удалая Т.В.

Московский государственный областной университет

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ
И НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ВОПРОСАХ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ
СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЗА РУБЕЖОМ***

T. Udalaya

Moscow State Regional University

**INTERACTION OF STATE INSTITUTIONS AND NONGOVERNMENTAL
ORGANIZATIONS IN THE QUESTIONS OF THE REALIZATION
OF POLICY CONCERNING COMPATRIOTS ABROAD**

Аннотация. Статья посвящена проблемам взаимодействия государства и общества в диаспоральной сфере. Автором обосновывается положение о доминирующей роли российского государства во взаимоотношениях с формирующимися институтами гражданского общества.

Несмотря на незавершенность взаимодействия институтов гражданского общества и государства, можно констатировать, что определенная система привлечения общественных структур к решению диаспоральных проблем уже сложилась.

Ключевые слова: государство, диаспоральная политика, институты гражданского общества.

Abstract. The article is devoted to the problems of the interaction of the State and the society in a diaspora's area. The author proves the position about dominating role of the State in Russia in relationships with forming institutions of the civil society.

Despite the incompleteness of the interaction of the institutions of the civil society and the State, it is possible to ascertain, that a definite system of attraction of public structures to the decision of diaspora's problems has already developed.

Key words: state, diaspora's policy, institutions of the civil society.

Государство играет важную роль в развитии институтов гражданского общества: обеспечивается правовая база функционирования общественных объединений граждан, создаются механизмы материальной поддержки неправительственных организаций. В России, где опыт общественной самодеятельности ныне живущих поколений весьма скромнен, на государстве также лежат определенные стимулирующие функции по развитию институтов гражданского общества. Задача поддержки позитивных начинаний граждан выдвинута в ряд приоритетных направлений политики власти. Выстраивается система взаимодействия государства с институтами гражданского общества.

Знаменательным шагом в этом направлении было создание Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Совет осуществляет законотворческую деятельность, анализ законодательства и правоприменительной практики, координацию деятельности неправительственных организаций, в том числе деятельность, направленную на содействие российским соотечественникам.

В 2005 г. была учреждена Общественная палата Российской Федерации – совещательный орган, созданный для осуществления связи между гражданским обществом и представителями власти [1, 1]. Деятельность Общественной палаты направлена на согласование инте-

* © Удалая Т.В.

ресов граждан, общественных объединений, органов государственной власти и местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов текущей политики. Общественная палата проводит общественную экспертизу социально значимых законопроектов, рассматриваемых Государственной думой.

Законодательные основы деятельности общественных структур в Российской Федерации определяются Федеральными законами «Об общественных объединениях» [2, 167] и «О некоммерческих организациях» [3, 203].

Государство выделяет специальные средства из федерального бюджета на поддержку некоммерческих неправительственных организаций, выполняющих социально значимые проекты. Так, 18 марта 2009 г. распоряжением Президента России «Об обеспечении в 2009 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества» ряду уполномоченных некоммерческих организаций из федерального бюджета выделены субсидии в размере 1,2 млрд руб. на проведение конкурсов и выделение по их результатам грантов другим некоммерческим неправительственным организациям для реализации социально значимых проектов. В числе получивших поддержку были проекты в области образования, культуры и общественной дипломатии и проведение мониторинга состояния гражданского общества. В 2010 г. в целях государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, из федерального бюджета было выделено 1 млрд руб.

Одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации является поддержка российских соотечественников, проживающих за рубежом (далее – соотечественники). В настоящее время выстроена определенная система работы с соотечественниками. Главным ведомством, ответственным за данную работу,

является МИД России. Деятельность различных министерств и ведомств в данном направлении координирует Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом, возглавляет которую Министр иностранных дел России. Федеральный закон «О государственной политике в отношении соотечественников за рубежом» [4, 69] дает законодательную основу для осуществления деятельности в данном направлении государственными и общественными институтами.

Данный закон предоставляет широкие возможности для развития общественной самодеятельности российских граждан по поддержке соотечественников. Органам государственной власти на федеральном и региональном уровне законом предписано поощрять благотворительную деятельность по поддержке соотечественников [4, 71].

НПО на конкурсной основе привлекаются к реализации различных проектов поддержки соотечественников¹, к организации фестивалей, конкурсов с участием соотечественников, к проведению исследований о положении диаспоры, конференций, «круглых столов», поднимающих вопросы важные для соотечественников, проводимых в России за счет средств федерального и региональных бюджетов (по линии Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, по специальным программам министерств и ведомств, по соответствующим программам субъектов Российской Федерации). В работах по диаспоральной проблематике НПО также привлекают средства из внебюджетных источников. Известные экспертные организации (например, Институт стран СНГ) на безвозмездной основе привлекаются для подготовки аналитических материалов для Правительственной комиссии по делам

¹ Итоги проведения конкурсов по тематике работы с соотечественниками на официальном сайте Российской Федерации для размещения информации по размещению заказов – <http://zakupki.gov.ru/Tender/Purchase.aspx>; или на портале государственных закупок города Москвы – <http://tender.mos.ru/pgz/default.aspx>

соотечественников за рубежом. Выводы и рекомендации исследований, аналитических материалов, итоги конференций и круглых столов учитываются при принятии решений о мерах по поддержке соотечественников за рубежом, о направлениях деятельности дипломатических представительств в отношении соотечественников в тех или иных странах.

Привлечение институтов гражданского общества к формированию и осуществлению государственной политики по различным направлениям, в том числе по работе с соотечественниками за рубежом, стало устойчивой практикой во многих министерствах и ведомствах. Представители неправительственных организаций и фондов входят в общественные советы, экспертные рабочие группы в Министерстве иностранных дел, в Федеральном агентстве по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), ответственных за реализацию государственной диаспоральной политики.

Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом (ПКДСР) при подготовке некоторых важных решений создает специализированные экспертные рабочие группы, куда включаются представители заинтересованных министерств и специалисты-эксперты из негосударственных организаций. Так, например, при подготовке поправок в Федеральный закон «О политике в отношении соотечественников за рубежом» Департамент по работе с соотечественниками за рубежом МИД России, выполняющий функции секретариата ПКДСР, работал совместно со специальной межведомственной рабочей группой, в состав которой были включены представители НПО.

В 2010 г. ПКДСР созданы специальные рабочие группы по важным направлениям осуществления государственной политики в отношении соотечественников. Первая – рабочая группа по вопросам русского языка, культуры, образования (под руководством главы Россотрудничества) [5, 4], вторая – по вопросам консолидации и структуризации

общин, защиты прав и законных интересов соотечественников, совершенствования законодательства и координации работы субъектов Федерации в отношении соотечественников [6, 12]. В состав рабочих групп включены представители профильных министерств и ведомств, а также неправительственных организаций. Россотрудничество в своей деятельности также активно привлекает неправительственные организации. Руководитель Россотрудничества подчеркивает, что «несомненным приоритетом в деятельности Россотрудничества станет поддержка и тесное взаимодействие с неправительственными организациями» и уже «создан отдел НПО и объединений дружбы, которому поручено взаимодействие с этими организациями с целью координации совместной работы и оказания им необходимой поддержки»¹.

Роль и место НПО в осуществлении государственной политики России в отношении соотечественников должны возрасти. Как признал Министр иностранных дел России, председатель Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом С.В. Лавров, вести работу в иностранных государствах по защите прав соотечественников очень непросто для официальных структур². Министр подчеркнул, что нужно всячески поощрять деятельность правозащитных организаций, создаваемых самими соотечественниками, оказывать им организационную и материальную помощь, а также подключать российские институты гражданского общества к решению этих проблем. Прорабатывается вопрос о создании в России специальной неправительственной правозащитной организации, которая возьмет на себя функцию поддержки правозащитного движения соотечественников за рубежом.

Неправительственные организации (НПО) привлекаются МИДом России для

¹ <http://rs.gov.ru/node/4967>

² Докучаева А.В. Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом определилась с работой в 2010 году. Портал «Материк» Института стран СНГ, 16/10/2009. <http://www.materik.ru/nationals/smi/problem/detail.php?ID=7390>

обсуждения вопросов реализации государственной политики в отношении соотечественников за рубежом. Так, в июне 2009 г. Департамент по работе с соотечественниками МИД России начал серию рабочих встреч с представителями НПО, известных своей деятельностью по данной проблематике. Была поставлена задача координации работы государственных структур, уполномоченных на работу с соотечественниками и НПО. На встречу были приглашены представители 19 неправительственных организаций, а также Россотрудничества, Департамента по внешнеэкономическим и международным связям города Москвы, Московского дома соотечественника. Руководство МИД России признает большой вклад, который вносят общественные, некоммерческие организации и фонды в поддержку соотечественников за рубежом, в выработку стратегии в работе с соотечественниками, в реализацию конкретных программ и мероприятий. Были обсуждены вопросы подготовки третьего Всемирного конгресса соотечественников, который прошел в декабре 2009 г. в Москве. Участники совещания внесли свои предложения по тематике заседаний Конгресса, предложили свои услуги по организации работы отдельных секций. Проведение таких встреч признано очень продуктивным, и решено сделать их регулярными.

По мере развития институтов гражданского общества в России увеличивается многообразие и растет количество неправительственных организаций, имеющих целью работу с соотечественниками.

Среди российских регионов, активно работающих с соотечественниками, тон задает Москва, которая в своем законе среди принципов осуществления органами государственной власти столицы поддержки соотечественников называет «взаимодействие органов государственной власти города Москвы по вопросам поддержки соотечественников с общественными организациями» (статья 3, п. 7) [7, 3].

Одним из направлений деятельности органов государственной власти города Мос-

квы при осуществлении поддержки соотечественников является «стимулирование сотрудничества российских организаций с организациями соотечественников, создания предприятий, товариществ и обществ; налаживание связей российских организаций с иностранными предприятиями, на которых работают преимущественно соотечественники» (статья 4, п.5).

Поддержка соотечественников посредством привлечения некоммерческих организаций осуществляется на основе их участия в открытых конкурсах, получении ими грантов, субсидий, предоставленных государственными институтами. Содействие соотечественникам оказывается в следующих направлениях:

1) оказание методической и организационной помощи организациям соотечественников, в том числе региональным и международным;

2) оказание правовой помощи соотечественникам, в том числе путем взаимодействия с международными организациями по правам человека;

3) налаживание и развитие всесторонних связей между органами государственной власти города Москвы и организациями соотечественников;

4) поддержка русского языка и культуры, содействие в получении образования на русском языке и повышении квалификации в образовательных и научно-исследовательских учреждениях города Москвы, оказание поддержки зарубежным образовательным учреждениям, осуществляющим преподавание на русском языке;

5) информационное сотрудничество с организациями соотечественников, поддержка русскоязычных средств массовой информации;

6) поддержка социально незащищенных слоев соотечественников, а также организаций, объединяющих соотечественников с ограниченными возможностями и соотечественников-инвалидов.

Кроме того, в соответствии с законом Правительство Москвы «принимает участие

в работе международных межправительственных и неправительственных организаций по поддержке соотечественников» (статья 6, п.1).

Работа с соотечественниками закреплена на законодательном уровне и в Московской области. Закон Московской области «Об областной целевой программе «Поддержка Московской областью соотечественников за рубежом на 2007–2010 годы» также предусматривает поощрение деятельности российских неправительственных организаций по поддержке соотечественников: «Основной задачей настоящей Программы является стимулирование сотрудничества российских организаций, зарегистрированных на территории Московской области, с хозяйствующими субъектами соотечественников в странах их проживания, привлечение их экономического, творческого и духовного потенциала для укрепления экономического и культурного сотрудничества Московской области с зарубежными партнерами».

Таким образом, особенностью интеграции общества и государства в диаспоральной сфере является доминирующая роль последнего, что обусловлено спецификой российского политического процесса. Вместе с тем привлечение к решению проблем, связанных с соотечественниками, институтов форми-

рующегося гражданского общества способствует обретению ими своей субъектности, что, безусловно, вписывается в общую логику демократических преобразований в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Федеральный закон «Об Общественной палате Российской Федерации» от 4.04.2005 № 32-ФЗ. – М., 2005. – 5 с.
2. Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ. Принят Государственной думой Федерального собрания Российской Федерации 14.04.1995 г. // Сборник законов РФ. – М., 2006. – 467 с.
3. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ. Принят Государственной думой Федерального собрания Российской Федерации 8.12.1995 // Сборник законов РФ. – М., 2008. – 502 с.
4. Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ // В помощь российским соотечественникам за рубежом. Справочное издание. – М., 2009. – 789 с.
5. Решение ПДКСР от 28.03.2010 г. – М., 2010. – 23 с.
6. Решение ПДКСР от 1.10.2010 г. – М., 2001. – 25 с.
7. Закон города Москвы «О поддержке соотечественников за рубежом органами государственной власти города Москвы» от 23.09.2009 № 37. – М., 2010. – 6 с.

УДК 620.92 (470) “21”

Минаев О.С.

Московский государственный областной университет

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ РОССИИ В XXI ВЕКЕ*

О. Minaev

Moscow State Regional University

ENERGY SECURITY AS A FACTOR OF PROVIDING DEFENCE IN RUSSIA IN XXI CENTURY

Аннотация. В статье проведен анализ некоторых «точек пересечения» обороноспособности России с энергетической безопасностью, в частности таких как: обороноспособность и ресурсообеспеченность; количество и эффективность внутреннего потребления энергоресурсов, как один из критериев обороноспособности; развитие геополитических партнерских отношений со странами, имеющими сходные с Россией энергетические интересы, для коллективного укрепления обороноспособности; развитие регионального энергетического потенциала России, как способ обеспечения обороноспособности; развитие ядерного потенциала как важного инструмента обеспечения энергетической безопасности и ключевого инструмента сохранения высокого уровня обороноспособности страны.

Ключевые слова: энергетика, энергетическая безопасность, энергоресурсы, энергетический потенциал, атомная энергетика, обороноспособность.

Abstract. The article analyses some “points of intersection” of Russia’s defence capability and energy security such as: state’s defence and the availability of sufficient energy resources; the number and effectiveness of internal energy consumption as one of the criterion for the defence; the development of geo-political partnership with countries with similar energy interests with Russia for strengthening the collective defence; the development of regional energy potential of Russia as a mean of defence; the development of nuclear capability as an important tool for achieving energy security and a key instrument in maintaining a high level of defence.

Key words: energy, energy security, energy resources, energy potential, nuclear energy, defence.

В риторике политических выступлений часто звучат заявления о возрастании значимости энергетики для обеспечения политической и экономической мощи России, для восстановления ее международного статуса, даже имперского могущества. В научной литературе и публицистике энергетическая безопасность также чаще всего рассматривается в связи с проблемами макроэкономики, политики и геополитики. Вместе с тем автор считает недостаточно изученными различные аспекты такой связи энергетической безопасности и обороноспособности страны. Эти актуальные вопросы и являются предметом исследования при выяснении, в какой степени и каким образом взаимосвязаны обороноспособность и энергетическая безопасность России.

Если обороноспособность понимать как готовность субъекта к обороне и обладание всеми необходимыми для обороны средствами [22, 580], то следует выделить, по меньшей мере, пять «точек пересечения» обороноспособности российского общества и государства с энергетической безопасностью.

В первой «точке» обороноспособность в значительной степени является функцией ресурсообеспеченности.

* © Минаев О.С.

Каков уровень обороноспособности России с точки зрения обеспеченности энергетическими ресурсами? Госкомстат РФ и Российская академия наук оценивают ресурсный потенциал России в 340-380 трлн долларов. На российской территории к настоящему времени в абсолютных цифрах уже добыто 14 млрд тонн нефти и 8,5 трлн кубометров газа. Однако потенциал далеко не исчерпан: во всем объеме мировых прогнозных запасов нефти Россия владеет 13%. На нашей территории, согласно оценкам, залегают 42% газа и 43% – угля. В настоящее время в России добывается 11% мирового объема нефти, 28% – газа, 14% – угля. Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что наша страна обеспечена энергоресурсами не только полностью, но и с избытком, в то время как Япония зависит от иностранных энергоресурсов на 82%, Германия и Франция – на 50-52%, США – на 23% [3, 78].

Однако для обеспечения нужд обороны недостаточно лишь наличия месторождений энергоносителей на территории государства – необходима развитая инфраструктура их добычи, транспортировки и переработки. Российская энергетическая инфраструктура является в достаточной степени развитой для обеспечения нужд оборонного комплекса. Так, Россия имеет магистральные трубопроводы протяженностью 210 тыс. км [3, 79]. Добываемый в России природный газ поступает в магистральные газопроводы, объединенные в Единую систему газоснабжения протяженностью 155 тыс. км, обеспечивающую непрерывный цикл поставки газа от скважины до конечного потребителя. В систему входят 268 компрессорных станций с общей мощностью газоперекачивающих узлов в 44,8 млн кВт. Единая система газоснабжения России принадлежит ОАО «Газпром». Около 95% нефти, добываемой в России, транспортируется потребителю по системе магистральных нефтепроводов ОАО «Транснефть» – государственной компании, учрежденной Правительством РФ. Ее мощность оценивается в 545.000 тонн нефти в день [4, 14]. На трубопроводный транспорт

приходится 52,5% общего грузооборота в стране по сравнению с 16,1% в США, 4,4% – во Франции, 2% – в Китае [3, 75].

Остальная часть нефти транспортируется по железной дороге или в танкерах. Россия контролирует единственный наземный путь, связывающий Евро-Атлантический и Азиатско-Тихоокеанский регионы – Транссибирскую железную дорогу. Важным стратегическим объектом является также Байкало-Амурская магистраль. Россия унаследовала 57% всех судов торгового флота СССР и до сих пор сохраняет одно из лидирующих мест в мире по количеству судов и по тоннажу [3, 76].

Однако и наличие ресурсов, и инфраструктуры само по себе не гарантирует энергетическую составляющую оборонного потенциала, стратегической стабильности и военной безопасности. При изношенности инфраструктуры, неэффективности управленческой подсистемы, недостатках в планировании, организации, контроле и информационном обеспечении, – энергетическая система не сможет реагировать должным образом на угрозы целостности и суверенитету государства.

Существующий в настоящее время механизм управления российской энергетикой представляет собой несистемное и порой противоречивое единство либерализованной и централизованной управленческих подсистем, что делает всю энергетическую систему недостаточно устойчивой к внешним воздействиям. Состояние энергетической инфраструктуры также не в полной мере соответствует задачам оборонного комплекса страны. Факт ее изношенности отмечается всеми аналитиками. Только в Сибири из-за устаревших технологий, трещин в трубопроводах и т. д. происходит утечка 1-2% добываемой нефти, что наносит непоправимый ущерб окружающей природной среде. В Северном море эта цифра составляет около 0,001 % [23, 14]. О вероятности и опасности техногенных катастроф уже сказано выше.

Кроме того, количество энергетических ресурсов и даже качество инфраструктуры

сами по себе не могут предрешить исход военного конфликта: например, американскому военному департаменту для полного развертывания оборонного потенциала достаточно лишь 2% всей потребляемой в США нефти.

Следует отметить также следующую проблему. Наличие большого количества энерго-ресурсов, при отсутствии общенациональной стратегии их эффективного использования и национального консенсуса по поводу их распределения, может стать при определенных условиях не двигателем развития, а внутренней угрозой для суверенитета государства. Так, доступ к запасам нефти в Нигерии стал не только предметом конфликта между двумя политическими группировками, но и причиной длительной и кровопролитной гражданской войны, унесшей жизни около 700 тысяч человек. Доступ к ресурсам может рассматриваться и как источник угрозы для суверенитета России. Когда территория и ее потенциал – ресурсы, инфраструктура, коммуникации, – становятся объектом притязания региональных элит, возрастает вероятность разрастания сепаратистских конфликтов.

Именно искушение элит доступом к энергоресурсам подпитывает как сепаратистские настроения в Чечне, так и латентный сепаратизм Сибири и Дальнего Востока. В Сибири политическая элита и часть граждан, разделяющих сепаратистские взгляды, утверждают, что «Москва толкает нас к сепаратистским действиям» [24], обращаясь к аргументу, что федеральное правительство ведет колониальную политику по отношению к Сибирскому региону и ссылаясь на соотношение количества природных ресурсов, добываемых в Сибири, и уровня жизни сибиряков. Сторонники сибирского сепаратизма заявляют, что «восточные территории России давно стали объектом нещадной эксплуатации и получения прибыли в интересах других территорий и групп населения», и констатируют, что «за последние десять - пятнадцать лет контраст стал еще резче» [19, 3]. Так, энергоресурсы становятся фактором разрастания сепаратизма: в настоящее время

значительная часть (25,7%) респондентов в Иркутске считает наиболее выгодным существование Иркутской области в форме самостоятельного государства [24].

В разрастании ресурсного сепаратизма совершенно очевидно заинтересованы геополитические оппоненты России. Сепаратизм, ослабляя Россию, усиливает позиции потенциальных интервентов в российскую экономику и политику. Об этом прямо пишет З. Бжезинский: «Первоочередная задача России должна состоять в том, чтобы модернизироваться, а не в том, чтобы предпринимать тщетные усилия в попытках вернуть себе статус мировой державы. С учетом размеров этой страны и разнообразия условий, сложившихся в ее условиях, можно утверждать, что децентрализация политической системы и переход к рыночной экономике наибольшим образом способствовали бы высвобождению созидательного потенциала российского народа и освоению богатых природных ресурсов. России, построенной на основе свободной конфедерации в составе Европейской России, Сибирской и Дальневосточной республик, было бы легче развивать тесные экономические отношения с соседями» [7, 107]. Представляется, что под «тесными экономическими отношениями с соседями» как раз и подразумевается интервенция иностранных компаний в добычу энергоресурсов на территории России. Следовательно, есть все основания утверждать, что обеспечение энергетической безопасности как фактор обороноспособности подразумевает нахождение всенационального консенсуса по поводу принципов добычи и распределения прибылей от эксплуатации месторождений энергоресурсов и преодоление энергетического сепаратизма.

На взгляд автора, Россия пока еще далека от достижения такого консенсуса. Так, на основе использования опыта Норвегии, где осуществляется жесткий контроль за поступлениями в государственный бюджет доходов, полученных за счет прямого участия государства в сфере добычи нефти и газа, и функционирует так называемый «нефтяной

фонд», в России также был создан Стабилизационный фонд. Однако до сих пор в России не существует согласия политических сил по вопросу управления Стабфондом и использования его средств. Более того, в период глобального финансового кризиса 2008-2010 гг. в адрес Правительства РФ раздавалась справедливая критика по поводу недостаточной эффективности управления средствами Фонда.

Таким образом, зависимость обороноспособности от ресурсообеспеченности является не единственной и не основной точкой пересечения военной и энергетической безопасности.

Второй точкой пересечения энергетики и обороноспособности является *количество и эффективность внутреннего потребления энергоресурсов, выступающие как критерий обороноспособности государства*. Чем больше потребность общества в энергоресурсах и чем лучше она удовлетворена, тем интенсивнее экономическое и социальное развитие и тем выше способность общества реагировать на вызовы и угрозы, в том числе с использованием оборонного инструментария.

Страны блока НАТО являются крупнейшими в мире потребителями нефти и газа, причем европейские страны по потреблению энергии значительно отстают от США, обладая меньшим экономическим потенциалом и меньшим количеством транспорта. США, имея около 5% населения планеты, потребляют примерно 50% сырья и 25% нефтепродуктов, добываемых в мире [3, 79]. Это означает, что энергоресурсы перерабатываются внутри страны, в том числе для нужд оборонного комплекса. Причем доля нефти и газа, несмотря на нынешнее увлечение всех этими вопросами, в мировом валовом национальном продукте постоянно падает, и большинство государств-экспортеров, имея энергоресурсы, в отличие от импортеров, относительно беднеет [5, 103; 6, 207]. «Экспорт нефти не только не обеспечил в большинстве основных стран-экспортеров роста душевого производства ВВП ППС до уровня развитых стран или так называемых «азиатс-

ких тигров», но и не смог даже сохранить его на том уровне, который имелся у них 30 лет назад». В самом деле, в Саудовской Аравии он снизился на 13.4% [10], в Нигерии – на 15, в Венесуэле – на 22.5, а ОАЭ – на 31%, в Ливии – в 3.5 раза, в Ираке – в 5.3 раза. Напротив, в некогда отсталых, не имеющих собственных ресурсов нефти странах, экономический рост в рассматриваемый период времени был в десятки раз более интенсивным, чем в ведущих мировых экспортерах нефти. Так, в Израиле, Таиланде и Гонконге производство ВВП ППС на душу населения увеличилось в 3.6-3.8 раза, в Корее и Сингапуре – в 4.6-4.7 раза, на Тайване – в 5.9 раза. И только на Филиппинах, в Бразилии и Турции производство ВВП ППС на душу населения за 30 лет увеличилось примерно так же, как в Алжире или Мексике. Таким образом, экономическая история однозначно свидетельствует, что «нефтяная отрасль, ориентированная на экспорт, в принципе не может обеспечить долговременный и устойчивый экономический рост» [14, 11].

Россия не должна повторить путь энергетических придатков развитых стран, которые используют нефть и газ как *материю и инструмент для развития экономики, укрепления обороноспособности*, поднятия уровня жизни населения, активно и с нарастающими темпами потребляя как собственные запасы, так и импортные энергоресурсы. Более того, даже не наличие, а отсутствие собственных энергоресурсов подчас становится двигателем прогресса. «Необходимость» – один из самых сильных стимулов к развитию. В процессе развития общество вынуждено не просто потреблять, но добывать, искать, экономить, эффективно использовать энергетические ресурсы, изобретать новые источники и новые технологии. Необходимость в энергетическом развитии приводит к совершенствованию технологической, экономической и социальной инфраструктур. Так, потребность в новых источниках побудила нефтяников первыми в мире пробурить морскую скважину и добыть первую нефть с глубины моря. И не столько открытие, сколько разра-

ботка технологий добычи нефти в Северном море оценивается как технологический скачок в развитии многих стран Европы, сравнимый с созданием космических технологий [1, 149].

Таким образом, необходимо предостеречь от представления, что наличие большого количества ресурсов обеспечивает обороноспособность России [8, 14]. Нашему государству «нельзя быть энергетической сверхдержавой. Исходя из опыта США и стран Европы, нефть и газ следует рассматривать лишь как дополнение к стратегии национального развития, но на них собственную стратегию обороны и национального развития строить нельзя. Если мы не используем нынешнее наше сложившееся богатство для развития человеческого капитала, различных отраслей, других отраслей экономики, то через несколько лет неизбежно наши мировые позиции начнут тихо проседать» [10].

Третья точка пересечения энергетической безопасности и обороноспособности находится в плоскости геостратегического соперничества и геостратегического партнерства.

Как уже отмечалось в исследовании, борьба за доступ к энергетическим ресурсам и реализация других геоэнергетических интересов, является основным объектом геополитических соперничеств, противоборств и даже конфликтов с использованием военной силы в XXI веке [15, 86; 16; 401]. При этом уже сегодня силовые методы защиты национальных, государственных интересов интегрируются с методами внешнеэкономической борьбы. Объективно возникают предпосылки для рассмотрения новых форм геополитического соперничества – геоэкономического противоборства [3, 84].

Иными словами, энергетические интересы являются базисом современной геополитики. Но если верно суждение, что энергетические интересы лежат в основе геополитических соперничеств, то в такой же степени верно и то, что интересы обеспечения энергетической безопасности и обороноспособности образуют новые конфигурации геополити-

ческих союзов и долгосрочных партнерств.

Уже к началу XXI в. высокие темпы набрал процесс нового геополитического деления, но уже не на капиталистический и социалистический блоки, а по принципу наличия или отсутствия запасов нефти и газа и на основе стратегических подходов к обеспечению энергетической безопасности [13, 7]. Эти подходы лежат в основе укрепления Евросоюза – нового геостратегического конгломерата [6, 219]. Новые структуры в Евросоюзе строятся с опорой на стратегии обеспечения всеевропейской энергетической безопасности, с расчетом на расширение доступа европейских стран к энергетическим ресурсам, в том числе к ресурсам других субъектов мировой политики [11, 212]. Таким образом, энергодефицитные (европейские) страны образуют политические блоки для осуществления совместных стратегий снижения угрозы дефицита энергии и обеспечения доступа к ресурсам, причем в перспективе при помощи не только дипломатических средств, но и военных.

Эта политика создает угрозы для «стран-энергодоноров», к числу которых относится и Россия. Интересы обеспечения энергетической безопасности вынуждают и Россию формулировать для себя новые задачи военной и энергетической политики, строить новые долгосрочные стратегические партнерства.

Показательно, что в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной Президентом Российской Федерации в мае 2009 г., вопросам энергетической безопасности и стратегического партнерства в этой области уделено особое внимание. Главными стратегическими рисками и угрозами национальной безопасности в энергетической сфере названы потеря контроля над национальными ресурсами, ухудшение состояния сырьевой базы промышленности и энергетики, «дефицит топливно-энергетических, водных и биологических ресурсов, принятие дискриминационных мер и усиление недобросо-

вестной конкуренции в отношении России» [21].

В Стратегии официально признается возможность использования военной силы для отстаивания интересов энергетической безопасности. Так, указывается, что в будущем «не исключены решения возникающих проблем с применением военной силы – может быть нарушен сложившийся баланс сил вблизи границ РФ и границ ее союзников, возрастет риск увеличения числа государств – обладателей ядерного оружия» [21].

В связи с этим важным, даже приоритетным для России называется развитие отношений двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками СНГ. Главным межгосударственным инструментом, призванным противостоять «региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера...» называется ОДКБ – Организация Договора о коллективной безопасности (военно-политический союз, созданный государствами СНГ на основе Договора о коллективной безопасности, подписанного 15 мая 1992 г.). Задачами ОДКБ является защита территориально-экономического пространства стран-участниц договора совместными усилиями армий и вспомогательных подразделений от любых внешних военно-политических агрессоров, международных террористов, а также от природных катастроф крупного масштаба. С этой же целью при участии Китая была создана Шанхайская организация сотрудничества [15, 86; 16, 408]. Подобные способы сотрудничества, в том числе и военного, должны будут эффективно обеспечивать безопасность России и ее партнеров в Центрально-Азиатском регионе [13, 8].

Таким образом, в настоящее время одним из направлений обеспечения обороноспособности и энергетической безопасности для России является развитие геополитических партнерских отношений со странами, имеющими сходные с Россией геоэнергетические интересы, и выстраивание с ними долгосрочного сотрудничества для коллективного ук-

репления обороноспособности и энергетической безопасности.

Четвертой точкой пересечения энергетической безопасности и обороноспособности является развитие регионального энергетического потенциала России как способ обеспечения доступа к новым месторождениям энергоресурсов и укрепления энергетической безопасности, с одной стороны, и как условие укрепления государственного суверенитета и обеспечения обороноспособности, с другой.

В настоящее время регионом, который, с одной стороны, обладает огромными запасами углеводородов (около 13% неразведанных мировых запасов нефти и 30% оценочных мировых запасов газа), с другой стороны, большое военно-стратегическое значение имеет Арктика (через ее территорию проходят кратчайшие морские и воздушные маршруты, соединяющие Северную Америку и Евразию). Причем как энергетическое, так и военно-стратегическое значение Арктики в последнее время только возрастает. Осознание этой тенденции означает для России необходимость энергетического освоения Арктики и эскалации военного присутствия в ней.

В первом направлении ведет активные работы «Штокман Девелопмент АГ» по проекту разработки гигантского газового месторождения «Штокман» в Баренцевом море, стоимость которого может превысить 40 млрд. долларов США. Посредством которого Россия планировала продемонстрировать свои претензии на исключительное право владения и разработку богатств Арктики. Была произведена установка на дне Северного Ледовитого океана российского титанового флага.

По второму направлению осуществляется активная милитаризация Арктики. Согласно «Основам государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», принятым 18 сентября 2008 г., главными целями и стратегическими приоритетами геополитики России в Арктике является «обеспечение благоприятного режима в российской Арктической зоне,

включая поддержание необходимого боевого потенциала группировок войск общего назначения Вооруженных сил РФ, других войск, воинских формирований и органов в этом регионе» [17]. В документе отражено намерение России «в сфере военной безопасности, защиты и охраны государственной границы РФ создать группировку войск общего назначения Вооруженных сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, в первую очередь пограничных органов, в Арктической зоне РФ, способных обеспечить военную безопасность в различных условиях военно-политической обстановки» [17]. ВМФ РФ уже возобновило морское, а ВВС РФ – воздушное патрулирование арктического пространства.

Таким образом, несмотря на активное противодействие со стороны других государств, Россия, будучи одним из крупнейших производителей и экспортеров энергоресурсов, активно включилась в процесс отстаивания собственных энергетических интересов в Арктике.

В качестве пятой координаты пересечения энергетической безопасности и обороноспособности ядерной державы, каковой является Россия, выступает развитие ядерного потенциала как важного инструмента обеспечения энергетической безопасности, с одной стороны, и как ключевого инструмента сохранения высокого уровня обороноспособности, с другой.

Под ядерным потенциалом в данном контексте понимается не только и не столько ядерное оружие, сколько весь комплекс объектов, в которых используется энергия расщепленного атома, в том числе атомные электростанции, реакторы и т. д. «Ядерный щит и меч» России были созданы еще в 70-е гг. XX в.: в те годы СССР мог противостоять даже объединенным ядерным силам США, Великобритании и Франции. «К этому времени и в этих условиях вопросы ядерной безопасности стали лучше пониматься и лучше обеспечиваться, как один из видов национальной безопасности. В процессе создания и развития атомной отрасли были построе-

ны не только отдельные предприятия, но и целые промышленные комплексы и города, рассредоточенные по территории страны и аккумулировавшие в себя важнейшие достижения мировой и отечественной науки и техники, явившиеся центрами научно-технической мысли, инженерного творчества, рабочего мастерства и социального развития» [2, 29]. Постепенно атомная энергетика, оставаясь приоритетным направлением обеспечения обороноспособности, приобретала все большее мирное – собственно энергетическое – значение: АЭС стали производить электроэнергию для различных отраслей жизни. «И ядерная и радиационная безопасность становились главным условием осуществления деятельности, одной из характеристик качества выполняемых работ и услуг и производимой продукции, условием конкурентоспособности на внутреннем и внешних рынках» [2, 30]. Таковыми они остаются и по сей день.

На взгляд автора, проблема обеспечения ядерной безопасности и обороноспособности должна являться объектом отдельного научного исследования. В рамках нашей работы хотелось бы лишь отметить, что Россия является одной из немногих стран мира, обладающих всем спектром ядерных технологий, который в то же время обеспечивает высокий уровень ядерной, радиационной, общепромышленной и экологической безопасности использования атомной энергии.

В 1990-е гг. происходили революционные изменения во всех сферах жизни в нашей стране. Переход на рыночные отношения, либерализация и монетаризация, конверсия, приватизация и многие другие процессы настолько негативно сказались на состоянии атомной энергетике, что создали угрозу национальной безопасности. Эта ситуация подробно описана и проанализирована в «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24). В связи с наличием таких угроз в качестве основного принципа государственной политики в области ядер-

ной энергетики отнесено централизованное государственное управление ядерно-опасными объектами и контроль над их деятельностью.

В 1990-е гг. атомная отрасль России переживала свой упадок. Однако в настоящее время она рассматривается как форпост обеспечения энергетической безопасности и обороноспособности России. В рамках реализации стратегии инновационного развития в России начинается воплощение в жизнь Атомного проекта № 2, регулируемого соответствующим законодательством. Этот атомный проект предусматривает следующие направления обеспечения энергетической безопасности и обороноспособности:

- демократизация управления;
- введение рыночных механизмов;
- сохранение и увеличение доли атомной генерации;
- оптимизация состава и численности ядерного оборонного комплекса;
- активное вовлечение технологий ядерного оборонного комплекса в гражданскую деятельность – технологии двойного назначения;
- безусловное обеспечение ядерной и радиационной безопасности;
- ликвидация ядерного наследия и обеспечение решения «отложенных проблем» [2, 29].

Энергетическую безопасность следует считать одним из ключевых факторов обороноспособности России от энергетической безопасности объективно проявляет себя в следующем:

1. *Обороноспособность является функцией ресурсообеспеченности.*
2. *Количество и эффективность внутреннего потребления энергоресурсов выступают как критерий обороноспособности государства.* Чем больше потребность общества в энергоресурсах и чем лучше она удовлетворена, тем интенсивнее экономическое и социальное развитие и тем выше способность общества реагировать на вызовы и угрозы, в том числе с использованием оборонного

инструментария. Исходя из этого, на пути энергетической сверхдержавы Россию подстерегает опасность превратиться в энергетический придаток стран, в которых энергоресурсы выступают лишь как условие и дополнение к стратегии национального развития. Обеспеченность ресурсами не гарантирует безопасности и обороноспособности: их необходимо использовать для развития человеческого капитала, различных отраслей экономики.

3. *Развитие геополитических партнерских отношений со странами, имеющими сходные с Россией геоэнергетические интересы, и выстраивание с ними долгосрочного сотрудничества для коллективного укрепления обороноспособности и энергетической безопасности, прежде всего, в рамках ОДКБ и Шанхайской организации сотрудничества, является одним из направлений обеспечения обороноспособности и энергетической безопасности.*

4. *Развитие регионального энергетического потенциала России является способом обеспечения доступа к новым месторождениям энергоресурсов и укрепления энергетической безопасности, с одной стороны, и условием укрепления государственного суверенитета и обеспечения обороноспособности, с другой.*

5. *Развитие ядерного потенциала России является важным направлением обеспечения энергетической безопасности, с одной стороны, и ключевым фактором сохранения высокого уровня обороноспособности, с другой.*

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агакишиев И. Глобализация и энергетические проблемы // Взаимодействие культур в условиях глобализации. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти общенационального лидера азербайджанского народа Гейдара Алиева / Под ред. Мамедова Н.М., Чумакова А.Н. – М.: Канон+, 2010. – 528 с.
2. Агапов А.М., Михайлов М.В., Новиков Г.А. Обеспечение ядерной и радиационной безопасности в условиях реформирования атомной отрасли: от первого Атомного проекта к Атомному проекту 2 // Новые промышленные технологии. – № 2. – 2008. – с. 28-32
3. Ангелов В.Д., Турко Н.И. Энергетика и геополитика

- тика //Дипломатический ежегодник. – 2007. – № 7.
4. Бамбуляк А.Н., Францен Б.О. Транспортировка нефти в Баренцевом регионе. – Сванховд: Экологический Центр, 2008. – 48 с.
 5. Балувев Д.Г. Личностная и государственная безопасность: международно-политическое измерение. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2004. – 231 с.
 6. Браницкий А.Г. Erit una Eurora? История объединения Европы: проекты, противоречия, перспективы. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2006. – 322 с.
 7. Бжезинский З.Б. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 2009. – 280 с.
 8. Григорьев Л. Как энергетическая сверхдержава Россия должна проецировать сверхспокойствие и сверхстабильность // Электронный журнал «Экологические системы». – 2007. – № 2 (февраль).
 9. Кавешников Н.Ю. Роль энергодиалога Россия – ЕС в обеспечении энергетической безопасности «Большой Европы» //Вся Европа. – № 5(33). – 2009. – Электронный ресурс: <http://www.allegora.ru>
 10. Карагонов С.А. Политические проблемы энергетики применительно к Центральной Азии и Казахстану: Выступление на конференции «Политические реформы в Казахстане: внутренние и внешние аспекты» в Алматы. 1 ноября 2006 г. //Информационно-аналитический центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. – Электронный ресурс: <http://www.ia-centr.ru/archive/public.html>
 11. Клименко А.Ф. Энергетические факторы в военной политике государств Евразии //Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / Под. ред. Торкунова А.В. – М.: Протор, 2007. – 214 с.
 12. Конопляник А.А. Россия на формирующемся евразийском энергетическом пространстве: проблемы конкурентоспособности. – М.: Нестор академик Паблишерз, 2004. – 270 с.
 13. Лукшин Б.С. Борьба за доступ к энергетическим ресурсам как фактор активизации военной политики государства //Россия и Америка в XXI веке. – 2009. – ноябрь – 02.
 14. Мастепанов А.М., Шафраник Ю.К. Нефть России и глобализация: выбор парадигмы развития //Энергия. – 2006. - № 9. – с. 2-14.
 15. Нефть и газ во внешней политике России /Под ред. Шафраника Ю.К. – М.: Энергоатомиздат, 2000. – 172 с.
 16. Нефть новой России. Ситуация, проблемы, перспективы /Под общ. ред. Алекперова В.Ю. – М.: Древлехранилище, 2007. – 688 с.
 17. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу //http://www.scrf.gov.ru/documents/98.html
 18. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. – 848 с.
 19. Пронин Ю. Государство Сибирь: факт или химера? // Байкальские вести. – 10.09.2005
 20. Симонов К.В. Энергетическая сверхдержава. – М.: Алгоритм, 2006. – 272 с.
 21. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года //http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html
 22. Толковый словарь русского языка //Под ред. Ушакова. – М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2006. – 1056 с.
 23. Environmental Perceptions //Northwest-Russia Internasjonal Politick. – 65 (1). – 2007. – С. 7-22. – Цит. по: Бамбуляк А.Н., Францен Б.О. Транспортировка нефти в Баренцевом регионе. – Сванховд: Экологический Центр, 2008. – 48 с.
- Электронные ресурсы:*
24. Архив голосований //Бабр.ру. – РИЦ, Сибирь.

УДК 327(44)

Белов В.С.

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

**ЭВОЛЮЦИЯ И СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ОТНОШЕНИЯ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ К ЕВРОИНТЕГРАЦИОННЫМ АМБИЦИЯМ ТУРЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МАСС-МЕДИА ЗА 2005-2010 гг.)***

V. Belov

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

**EVOLUTION AND ESSENCE OF VIEWPOINTS OF THE PARLIAMENTARY
PARTIES OF THE FRENCH REPUBLIC ON THE ISSUE OF TURKEY'S
EUROINTEGRATION AMBITIONS (BASED ON MASS MEDIA
MATERIALS SINCE 2005-2010)**

Аннотация. Настоящая работа – разыскания в области остроактуальной проблематики расширения Евросоюза, а именно: вступления в Союз Турецкой Республики. Автор отстаивает тезис о том, что нельзя стереотипно редуцировать позицию Франции до уровня противника входа Турции в ЕС. Ссылаясь на существенный в современном информационном обществе эмпирический материал – источники масс-медиа, в статье показывается отношение ведущих в политическом спектре Франции парламентских партий (Союз за народное движение, Союз за французскую демократию, Французская социалистическая партия, Французская коммунистическая партия) к перспективе членства Турции в Европейском Союзе.

Ключевые слова: расширение ЕС, Турция и Европа, масс-медиа Франции, СНД/СФД, ФСП/ФКП.

Abstract. The research is dedicated to the most topical issue of the EU Enlargement Policy, namely: Turkey's admission into the European Union. The author holds the opinion that on the basis of stereotypes French position in above-mentioned problem cannot be utterly reduced to a level of real animosity to Turkey joining the EU. Referring to reliable empirical material in information-oriented society – mass media data – the author reveals the attitude of the leading in a political spectrum of France parliamentary parties (Union for a Popular Movement, Democratic Movement, Socialist Party, French Communist Party) towards Turkey's EU entry.

Key words: EU Enlargement, Turkey and Europe, French mass media, UMP/ UDF-MoDem, PS/ PCF.

Будучи одной из субстанциональных стран-архитекторов панъевропейских проектов, Французская Республика – ортодоксальный противник одиозной для Евросоюза Турции. Таков на первый, не подкреплённый фактами, а спекулятивно-стереотипизированный взгляд на отношения между двумя государствами в контексте расширения ЕС в первом десятилетии XXI в. Однако научный подход подразумевает опору на факты и исследование широкого спектра источник-эмпирического материала, предоставить который, по мнению автора, помогают масс-медиа – экзистенциально-экзогенный по отношению к политическому актору, но находящийся с ним в многогранной специфической взаимосвязи агент-посредник, медиатор. Обозначенная многогранная взаимосвязь агента-медиатора, влияющего на народные массы, и политического актора проявляется в: «скрытом финансовом субсидировании; контроле прессы частными лицами, связанными с политическими партиями; контроле лицами, делающими политическую карьеру; неформальная связь прессы с партиями в

¹ © Белов В.С.

силу симпатии к их программе и целям; принадлежность частному лицу, придерживающемуся взглядов определённой партии, но не являющегося партийным активистом» [50, 67]. Следовательно, изучение значительного массива информации из статей-источников политически стратифицированных масс-медиа позволяет преодолеть стереотипную инспирированность и понять позиции парламентских партий как субстрата внешнеполитического курса Французской Республики по вопросу вступления Турции в ЕС.

Отношение блока СНГ/СФД к вступлению Турции в ЕС – «историческая аномалия» [14], – заявляет в интервью для «TF1» Фарук Билиджи (тур. Faruk Bilici), историк, специалист по франко-турецким отношениям, – и эта аномалия, по мнению автора, формируется квартетом хитросплетённых факторов.

Первый фактор – историческая традиция взаимодействия: «в 1525 г. Франциск I, после своего поражения при Павии, искал военного союзника, чтобы спасти Францию. Он тогда обратился к единственной силе, способной соперничать со Священной Римской империей: речь идёт об Османской империи. В 1535 г. Франция открыла своё первое посольство в Стамбуле» [14]. «TF1» сообщает: «Османская империя распространялась на три континента: Европа, Африка и Азия. У неё были все драгоценности цивилизации: Каир, Багдад, Иерусалим, места паломничества, промышленные и технологические достижения. Запад нуждался в Востоке. Обратное утверждение будет иметь место только в XVIII-ом веке» [14]. Далее: «султан, Селим III, фактически поддерживал революционные идеи, так как они шли в ногу с его реформами и идеологией. В то время, как вся Европа объединилась против французских революционеров, он признал новый режим» [14]. Позже: «в течение Крымской войны (1853-56 гг.), Франция, Англия и Османская империя боролись с русскими. Главным образом, Парижский договор 1856 г. ввёл понятие – концерт европейских наций, к которому Османская империя полностью присоединилась... Утверждать, что Турция не европейская

– исторически неверно» [14]. «TF1» подчёркивает: «франкофил Кемаль Ататюрк устанавливал отношения с Францией. Турецкое общество франкофильское. Его элита знает о Западе благодаря Франции. Интеллигенты и политический истеблишмент получили французское образование. Французская культура по отношению к англо-саксонской культуре оставалась господствующей в Турции до семидесятых годов XX века» [14].

Второй фактор – современное априорное предубеждение французов, – как, в общем, относительно расширения ЕС и глобализации: «французы из всех граждан ЕС наименее расположены к будущим расширениям, только 39% «за», в то время как среднеевропейская цифра составляет 53%» [23]. Так, собственно, предубеждение по отношению к Турции, основанное на образе, «пропагандируемом такими фильмами, как «Полуночный экспресс» [англ. «Midnight Express», 1978] с ужасом турецких тюрем» [23].

Третий фактор – ключевые задачи французской дипломатии в вопросе интеграции Турции в ЕС, их освещает «Le point»: «надо принять в расчет три элемента – убеждение в необходимости привязать Турцию к Европе, уважение обязательств, взятых уже сорок два года [цитата 2005 г.] по отношению к Анкаре и, наконец, беспокойство общественного мнения» [59].

Четвёртый фактор – хаотичный внутрипартийный бэкграунд в СНД. Никола Саркози враждебен к вступлению Турции в Союз, в интервью для «Le Figaro» он заявил: «никакой Турции в ЕС» [47], в «Le point» Саркози обозначил: «Турция – мусульманская страна с 71 миллионом жителей и не имеет оснований для членства в Евросоюзе» [54]. В то же время экс-премьер-министр Доминик де Вильпен в перспективе такого расширения Союза «осмотрителен» [59]. А Жак Ширак, «горячий сторонник процесса вступления Турции в ЕС во имя диалога цивилизаций» [34], в «Le Figaro» отметил, что: «исключительно дружеские отношения, которые Франция уже века поддерживает с Турцией, говорят о нашей [Турецкой и Французской

республик] общей судьбе в Евросоюзе» [61].

Всё вышеперечисленное не превращает в какофонию отношение правоцентристских сил к евроинтеграционным амбициям Турции, оно – полифоничное созвучие. Данный тезис подтверждает «France-Soir»: «Франция тормозит процесс вступления, начатый в 2005 г. и блокирует открытие наиболее значимых глав, но она не осмеливается полностью остановить процесс. Результат: переговоры не двигаются, но продолжаются» [12]. Сущность отношения правоцентристских масс-медиа и партий СНД/СФД заключается в *перманентном скептицизме*. Они, в пику германским ХДС/ХСС переговорам «для результата» [42], работают над «бесконечной перспективой» (продолжением), дозированно камуфлируя её в «неперспективу» членства Турции в ЕС, и «дразня» тем самым официальную Анкару, не настроены на исход переговоров вообще, будь то вступление или отказ. С этой целью создают амбивалентный образ, сеющий смятение, смуту в восприятии страны-кандидата и держащий общественное мнение Франции в напряжении и постоянном ожидании финального резюме, какой же является Турция. Однако окончательный ответ правоцентристские силы не дадут, по их замыслу вместо него обществу постоянно должен быть предложен слепок, в котором негативная окраска, безусловно, присутствует, но не обращает Турцию в пугающий вызов основным элементам европейской идентичности (общей истории, сильной экономики, демократическим идеалам).

Перманентный скептицизм масс-медиа СНД/СФД пронизан двумя тенденциями и онтологически обязан им:

1-ой, открыто осуждающей вступление Турции в ЕС: «из-за саботажа турками избрания датского премьер-министра в качестве генсека НАТО, министр иностранных дел Франции Бернар Кушнер больше не расположен к входу Турции в Европейский Союз» [20] – сообщает «France 24». Перед президентскими выборами в 2007 г. на «TF1»: «повторяя свою оппозицию входу Турции в ЕС, Николя Саркози утверждал, что если

будет избран, то защитит политическую Европу и Европу, у которой будут границы» [55]. «И, – продолжал непоколебимый Саркози со страниц «France-Soir», – я всегда выступал против входа Турции в Европу, если я буду президентом Республики, то сделаю референдум по вопросу Турции в ЕС» [38]. Для репрезентации настроения народных масс к интеграции Турции в Союз и влияния на аудиторию, приводятся данные социологических опросов: «на референдуме о вступлении Турции, 64,4% французов ответили бы «нет»» [36]. В порицающем входе Турции курсе, масс-медиа СНД/СФД особо часто постулируют схожесть позиций Франции и ФРГ в целом, что, по мнению автора, неверно, поскольку кроме СНД/СФД, во Франции есть ещё ФСП/ФКП. А в Германии большинство политических партий (СДПГ, Союз 90/Зелёные, СвДП) и соответственно масс-медиа не против членства Турции в Союзе, консервативные силы ФРГ – не противники, а сомневающиеся скептики-практики интеграции Турции в Евросоюз [2, 146]. Однако факт спекулятивно-намеренной стереотипизации у правоцентристских масс-медиа наличествует: «именно оппозиция нескольких стран, среди которых Франция и Германия, опасается прибытия в европейском клубе исламского государства» [36]. «France 24» продолжает: «Германия, совсем как Франция, опасается вступления в ЕС страны с 71-им миллионом жителей, большинство из которых мусульмане» [9]. Этому вторит «Le Figaro»: «Франция и Германия неблагоприятно настроены к входу Турции в Европейский союз» [11].

2-ой, завуалированно, а иногда явно поощряющей вступление Турции в ЕС: тенденция представлена в виде масс-медиа обмолвок, оговорок и дополнений к сказанному, здесь правоцентристские силы «не стесняются» заявлять о своём отношении к членству Турции в Евросоюзе как об «исторической аномалии» [14]. Привычная критика Турции президентом Саркози дополняется: «при французском председательстве в Союзе [в Совете министров ЕС] Саркози не остановил процесс входа Турции» [13], – пишет «Le

Figaro». «Николя Саркози принял открытие двух дополнительных глав в переговорах с Анкарой» [12], – дополняет «France-Soir». «Только что две новые главы были открыты: по свободному передвижению капиталов, а также по информационному обществу и средствам информации» [26], – детализирует «Le point». Относительно социологических опросов «France 24» поясняет: «если вы вынуждаете людей голосовать на референдуме либо «да», либо «нет», они стесняются и становятся менее отважными. А если у них спросить просто мнение, с оттенками, такими, как – «вы расположены» или «скорее склонны», то результаты меняются» [36]. Поэтому: «за Турцию в ЕС высказываются уже 47% респондентов, против 47%, и 6% воздерживаются» [36]. По данным «TF1» за апрель 2009 года: «50% французов против входа Турции в Евросоюз, 35% к этому благосклонны, и 15% затрудняются ответить. Эти цифры свидетельствуют об увеличении числа французов, расположенных к входу Турции в ЕС. В июне 2005 г., предыдущий опрос общественного мнения по тому же вопросу давал 66% противников, 28% сторонников и 6% не высказавшихся» [24]. «Союз всей Франции и ФРГ» против устремлений Турции в ЕС конкретизируется «проговорившимся» «TF1»: «СНД предложил ХДС совместно приготовить план для «привилегированного партнерства» с Турцией» [21], т. е. правые предложили союз только единственной с *отчасти схожим* отношением к Турции партии в Бундестаге ФРГ, а не всем. Но стоит учесть, что «привилегированное партнёрство» предлагается блоком СНД/СФД без конструктивной составляющей, исключительно с целью «разозлить» Анкару, в Германии у консерваторов цель иная [2, 147].

Изучение источников-статей масс-медиа СНД/СФД позволяет проследить эволюцию отношения правоцентристских сил Французской Республики к вступлению Турции в ЕС:

Октябрь 2005 г. – май 2007 г. – этап «неясности», прослеживается контрадикторность в заголовках статей: «Турция: Европа в щипцах» [59]. «Анкара гордится поддержкой

Бенедикта XVI» [7]. «Снова поднимается тон диалога между Францией и Турцией» [33]. «Турция отпускает балласт на Кипре» [27]. «Франция - Турция: длинная история любви» [14]. «Турция угрожает Франции ответными мерами» [28]. «ЕС подчинился турецкому шантажу» [40], – отзывается «TF1» 4 октября 2005 г., на следующий день после представления Турецкой Республике официального статуса кандидата в члены Евросоюза. «Франция будет пытаться тормозить переговоры с Турцией» [21]. «Турция кристаллизует страхи» [4]. «ЕС - Турция: за и против» [65], – девиз всего этапа.

Май 2007 г. – апрель 2008 г. – этап «антипатии», чему способствовал приход к власти Николя Саркози, обсуждение закона об уголовном преследовании за отказ признавать геноцид армян. «Геноцид: Анкара не перестаёт сердиться на Париж» [15]. «Роберт Кочарян: Турция должна извиниться» [52]. «Двуличная Турция» [35].

Апрель 2008 г. – декабрь 2008 г. – этап «краткосрочного потепления в отношении к Турции», Правоцентристские масс-медиа положительно отзываются о внутренних реформах в стране-кандидате: «Реформа свободы слова в Турции» [67]. «Турция хочет усилить свободу слова» [30]. «Необходимая Турция» [17]. «Турция приближается к ЕС» [26].

Декабрь 2008 г. – август 2009 г. – этап «антипатии», его девизом стали слова Николя Саркози, опубликованные в «Le Figaro»: «Никакой Турции в ЕС» [5]. «Отказ Турции в ЕС: Гюль возмущён» [51].

С августа 2009 г. – этап «улучшения отношения», Правоцентристские масс-медиа в один голос заявляют: «Турция и Армения: исторический прорыв» [56]. «Париж и Анкара хотят расширить франко-турецкое сотрудничество» [46]. Заголовки приобретают экспрессивно-декларативный тон: «ЕС-Турция: общая судьба (Ширак)» [61]. «Мадрид выступает в пользу переговоров о вступлении Турции» [64]. «Рим вновь подтверждает свою поддержку приёма Турции в ЕС» [53]. «Турция поддерживается Словенией» [63].

Далее, по мнению автора, вновь наступит период «антипатии», поскольку армянский парламент прекратил сближение между Ереваном и Анкарой, а именно мирный процесс между обеими странами явился поводом к улучшению отношения правоцентристских сил Франции к Турции. Также общая закономерность приведённой эволюции и концепция перманентного скептицизма, чередование «да» и «нет» у блока СНД/СФД и его медиа-структур в вопросе вступления Турции в ЕС подтверждают заявленное выше предположение.

Левая группировка ФСП/ФКП считает, что существует два типа противников входа Турции в Европейский союз: «идеологи» [16], для которых, как пишет «Marianne», «европейская цивилизация основана на родственных христианских демократиях» [16], и «циники» [16], безразличные к природе европейского проекта. Для последних Турция как угроза – «слагаемое предвыборного успеха» [16], ведь, по мнению «Le Courrier International», «циники» проводят политику: «двойных стандартов и демонстративного лицемерия» [39].

Логические рамки отношения ФСП/ФКП и их масс-медиа к вступлению Турецкой Республики в ЕС формально очерчены, с одной стороны, Манифестом, принятым 33 членами партии европейских социалистов (PSE), где, согласно анализу распределения влияния в партиях Европарламента [1], именно французские левые имеют наибольший вес. «L'Express» цитирует Манифест: «Мы в пользу процесса, открытых переговоров с перспективой вступления Турцией в ЕС на базе ясных критериев» [8]. А с другой стороны, заявления французских коммунистов, в частности Алэна Боке (Alain Bocquet) в интервью «L'Humanite»: «Процессу вступления сопутствуют многие противоречия, но коммунисты не прячут голову в песок, а готовы работать на благо будущих преобразований в Европе и Турции» [3]. То есть, в сущности, отношение левых сил Франции к евроинтеграционному курсу Турции характеризуется как *релятивно-положительное*. Условием

прямо пропорциональной поддержки выступает готовность Турции соответствовать вступительным критериям и проводить необходимые внутренние реформы. Поэтому ФСП/ФКП, в пику «противникам-идеологам» входа Турецкой Республики в Союз и приверженцам концепции «ЕС – христианский клуб», заявляют: «Европа основана на демократических, социальных и экологических ценностях. Должна ли Турция войти в Европейский союз или нет, зависит от того, разделяет ли она эти ценности» [19]. А «противникам-циникам» противопоставляют *реалистичный образ Турции*, лишённый умозрительных обобщений, только факты, и постепенно развенчивают мифы о Турции. Заявляют: Турция – светская страна. Пусть турецкий светский характер не идентичен французской и в целом европейской светскости XXI в., как поясняет «L'Express»: «в действительности, турецкий светский характер государства приближается к французскому светскому характеру, такому, как он был задуман во время Наполеона III. Речь не идёт об абсолютном отделении государственных дел от религиозных, скорее о том, что государство строго контролирует практику религиозных культов» [57]. Однако факт, по мнению масс-медиа ФСП/ФКП, остаётся фактом, и Турецкая Республика – светская страна. В пику лукавым европейским антимилитаристам, утверждающим, что в Турции, светский характер государства пагубно (для европейских устремлений) гарантирован только всемогущей армией, «Marianne» напоминает о: «положительной роли, которую сыграла португальская армия в свержении диктатуры Салазара, в учреждении и гарантии демократии, что в конечном итоге, в 1986 году, привело Лиссабон в ЕЭС» [16]. Безусловно, французские левые силы против вмешательства армии в государственное управление, но за то, чтобы не обобщать и не абсолютизировать факты вмешательства, утверждая, что их наличие полностью исключает перспективу вступления в ЕС любой страны. Более того, «L'Humanite» акцентирует внимание на сокращении поли-

тического веса армии в турецком обществе: «прекращено присутствие военных в Совете высшего образования, отменены суды государственной безопасности» [32].

Поддерживая вход Турции в Союз, левые силы Франции заявляют, что географически эта страна-кандидат европейская: «Турецкая часть европейской Фракии, на северо-западе Босфора, является экономическим сердцем страны с крупным городским центром – Стамбулом. Исторически у Турции есть ещё опора в Европе – легендарный город Троя» [57]. Т. е. настаивают на том, что географически в *формально необходимой* мере, чтобы претендовать на вход в ЕС, Турция – европейская страна.

Отсутствие свободы слова в Турции, по мнению масс-медиа ФСП/ФКП, миф: «Турция – единственная страна региона, где действительно сосуществуют политический плюрализм и демократические выборы. У власти есть оппозиция. Лишь несколько тем под контролем, в частности: критика на Атаюрка и обсуждение геноцида армян» [57]. Левые поясняют, что нет оснований опасаться входа Турции в ЕС из-за её гипотетически-возможного большого веса в Европарламенте: «Лиссабонский договор предусматривает установление предела представителей в Европарламенте 96-тью депутатами от страны. Следовательно, Турция не будет представлена больше, чем Германия или Великобритания» [18].

Левые силы Франции разделяют оптимизм министра иностранных дел Турецкой Республики Ахмета Давутоглу относительно стратегического посредничества Турции, который в интервью «Le Monde diplomatique» заявил: «Мы [турки] готовы играть роль посредника в конфликтах, благодаря нашим хорошим отношениям с различными этническими, религиозными и именно тюркоязычными группами, а это выгода [для ЕС] на Балканах, Кавказе, в России, на Кипре и Ближнем Востоке» [44].

Блок ФСП/ФКП, подобно СДПГ в Германии, остерегается выхода Турецкой Республики из геополитического европейского

пространства [2, 147]. Турция располагает альтернативой, поясняет «Liberation»: «она способна создать «Черноморский союз» с Россией. Она может выковать коалицию с Ираном, владельцем ядерного оружия, так как за века истории Иран никогда не угрожал ей. Турция окружена тюркоязычными республиками, богатыми энергоресурсами. У неё есть возможность сблизиться с Пакистаном, для того, чтобы создать «полумесяц влияния», объединяющего ряд исламских государств, которыми управляют полуавторитарные режимы» [43]. Отказ Турции в европейском будущем грозит, как подчёркивает «L'Humanite», «подъёмом фундаменталистского исламизма, обострением милитаризма в стране и активизацией атлантического вектора турецкой внешней политики» [3]. И чтобы заставить задуматься французскую и всю европейскую аудиторию о реальности отказа, уже *изнутри* Турции, ФСП/ФКП масс-медиа – «Le Monde diplomatique», констатирует рост евроскептицизма среди граждан Турецкой Республики: «с начала вступления приблизительно 65-70% населения поддерживало вход в Союз, в 2006 г. уже не больше, чем 54%, а в 2007 г. только 40%» [48]. «L'Humanite» дополняет: «турки заявляют: Европа должна занять ясную позицию, если она желает наше вступление – пусть не увиливает и прямо об этом скажет» [22].

Изучение эмпирического материала ФСП/ФКП масс-медиа даёт возможность проследить эволюцию отношения левых сил Французской Республики к входу Турции в ЕС:

октябрь 2005 г. – январь 2006 г. – этап «оптимистической поддержки». Заголовки о Турции исключительно позитивные: «Европейское предназначение Анкары признанно» [31]. «ЕС приветствует переговоры с Турцией» [41]. «Отцы-основатели Евросоюза уже думали о Турции» [37]. «Прекращаем лицемерить Турции» [58]. «Европа не может обойтись без Турции» [39]. «Рядом с силами будущего Турции» [3].

Январь 2006 г. – март 2007 г. – этап «фрустрации». Лояльность Турецкой Республики соответствовать вступительным критериям

ставится под вопрос в связи с обострением проблемы Кипра: «Почему мы сказали «нет» турецкому шантажу» [49]. «Новые напряжения в расширении» [45]. «Кипр между Турцией и Европой» [10]. «Брюссель предо-стерегает Турцию» [62]. «Турция: процесс вступления замедлился» [60]. «Анкара долж-на пойти на согласие с Никосией, чтобы из-бежать кризиса с ЕС» [6].

Смарт 2007 г. – этап «сдержанной симпатии». Уже нет оптимизма 2005 г., однако слабая поддержка присутствует: «Турция: меж-ду вымыслами и реальностью» [57], «Турция поворачивается к Европе» [29], «Шаг Анкары к ЕС?» [66], «На какой стадии переговоры о вступлении?» [48], «Турция и Армения сбли-жаются» [25].

Подводя итог, можно утверждать, что неверно аксиоматизировать Францию как ярого противника евроинтеграционных ам-биций Турции. Ведь оппозиционные фран-цузские коммунисты и социалисты условно поддерживают вступление Турецкой Рес-публики в ЕС. А перманентный скептицизм к входу Турции в Союз у правящих право-центристских сил Франции и их масс-ме-диа является общеевропейским механизмом *практической реализации симультанного* удержания Турции в векторе Европы и эска-лирования в этой стране-кандидате реформ, направленных на преобразование турецкого государства для соответствия вступитель-ным критериям.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анализ распределения влияния в Европарла-менте// Высшая школа экономики. URL: http://www.hse.ru/data/546/768/1238/yakuba_ConfText.doc (дата обращения: 18.06.2010).
2. Белов В.С. Позиции ведущих политических пар-тий Германии по вопросу вступления Турции в ЕС (по материалам масс-медиа)/ В.С. Белов // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 4 «История. Ре-гионоведение. Международные отношения» № 1 (17). – Волгоград: издательство ВолГУ, 2010. – С. 145-150.
3. «Aux côtés des forces d'avenir en Turquie»// L'Humanite. URL: http://www.humanite.fr/2005-02-09_Politique_-Aux-cotes-des-forces-d-avenir-en-Turquie (дата обращения: 18.06.2010).
4. «La Turquie cristallise les peurs», par Nonna Mayer// TF1. URL: <http://lci.tf1.fr/monde/europe/2005-05/turquie-cristallise-peurs-par-nonna-mayer-4906847.html> (дата обращения: 10.06.2010).
5. «Pas de Turquie dans l'UE» (Sarkozy)// Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2009/04/05/01011-20090405FILWWW00079-pas-de-turquie-dans-l-ue-sarkozy.php> (дата обра-щения: 10.06.2010).
6. Ankara doit accepter les conditions de Nicosie pour éviter une crise avec l'UE// Le Courrier International. URL: <http://www.courrierinternational.com/breve/2006/06/12/ankara-doit-accepter-les-conditions-de-nicosie-pour-eviter-une-crise-avec-l-ue> (дата обращения: 18.06.2010).
7. Ankara se targue du soutien de Benoot XVI// TF1. URL: <http://lci.tf1.fr/monde/europe/2006-11/ankara-targue-soutien-benoit-xvi-4905671.html> (дата обращения: 10.06.2010).
8. Aubry n'est pas pour l'entrée de la Turquie, mais pour des négociations// L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/politique/aubry-n-est-pas-pour-l-entree-de-la-turquie-mais-pour-des-negociations_763576.html (дата обращения: 18.06.2010).
9. En visite a Ankara, Merkel s'oppose a l'adhésion enti-ère de la Turquie a l'UE// France 24. URL: <http://www.france24.com/fr/20100329-visite-a-ankara-merkel-soppose-a-ladhesion-entiere-turquie-a-lue> (дата обращения: 10.06.2010).
10. Entre la Turquie et l'Europe, il y a Chypre//L'Humani-te. URL: http://www.humanite.fr/2006-11-08_International_Entre-la-Turquie-et-l-Europe-il-y-a-Chypre (дата обращения: 18.06.2010).
11. Erdogan: «Sarkozy doit venir voir la Turquie d'aujourd'hui»// Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2010/04/06/01003-20100406ARTFIG00002-erdogan-sarkozy-doit-venir-voir-la-turquie-d-aujourd-hui-.php> (дата обращения: 10.06.2010).
12. Européennes - UMP et PS au banc d'essai européen// France-Soir. URL: <http://www.francesoir.fr/politique/europeennes-ump-et-ps-au-banc-d-essai-europeen> (дата обращения: 09.06.2010).
13. Européennes: la question turque ouvre la campagn// Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/politiqu-e/2009/04/07/01002-20090407ARTFIG00010-europeennes-la-question-turque-ouvre-la-campagne-.php> (дата обращения: 10.06.2010).
14. France-Turquie, une longue histoire d'amour // TF1. URL: <http://lci.tf1.fr/monde/2005-09/france-turquie-longue-histoire-amour-4902297.html> (дата обращения: 09.06.2010).
15. Génocide: Ankara ne décolère pas contre Paris// Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/internatio-nal/2006/10/17/01003-20061017ARTFIG90170->

- genocide_ankara_ne_decolere_pas_contre_paris.php (дата обращения: 10.06.2010).
16. Halte a la turquophobie// Marianne. URL: http://www.marianne2.fr/Halte-a-la-turquophobie_a98221.html (дата обращения: 18.06.2010).
 17. Indispensable Turquie// Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/debats/2008/09/04/01005-20080904ARTFIG00008-indispensable-turquie.php> (дата обращения: 10.06.2010).
 18. Intégrer la Turquie «dans une Europe confiante, riche et plurielle»// L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/integrer-la-turquie-dans-une-europe-confiante-riche-et-plurielle_764876.html (дата обращения: 18.06.2010).
 19. Je refuse une Union, club de l'Occident chrétien// L'Humanite. URL: http://www.humanite.fr/2007-03-23_International_Je-refuse-une-Union-club-de-l-Occident-chretien (дата обращения: 18.06.2010).
 20. Kouchner se ravise sur l'entrée de la Turquie dans l'UE// France 24. URL: <http://www.france24.com/fr/20090407-union-europeenne-turquie-adhesion-bernard-kouchner-defavorable-entree> (дата обращения: 09.06.2010).
 21. La France essaiera de freiner les négociations avec la Turquie// TF1. URL: <http://lci.tf1.fr/monde/2005-06/france-essaiera-freiner-negociations-turquie-4902039.html> (дата обращения: 10.06.2010).
 22. La frustration et le dépit des citoyens turcs// L'Humanite. URL: http://www.humanite.fr/2006-12-15_International_La-frustration-et-le-depit-des-citoyens-turcs (дата обращения: 18.06.2010).
 23. La Turquie cristallise les peurs», par Nonna Mayer// TF1. URL: <http://lci.tf1.fr/monde/europe/2005-05/turquie-cristallise-peurs-par-nonna-mayer-4906847.html> (дата обращения: 09.06.2010).
 24. La Turquie dans l'UE: l'avis des Français // TF1. URL: <http://lci.tf1.fr/france/societe/2009-04/la-turquie-dans-l-ue-l-avis-des-francais-4889872.html> (дата обращения: 10.06.2010).
 25. La Turquie et l'Arménie se rapprochent// L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/la-turquie-et-l-armenie-se-rapprochent_783722.html (дата обращения: 18.06.2010).
 26. La Turquie gravit une nouvelle petite marche vers l'UE// Le point. URL: <http://www.lepoint.fr/actualites-monde/2008-12-19/la-turquie-gravit-une-nouvelle-petite-marche-vers-l-ue/924/0/301301> (дата обращения: 10.06.2010).
 27. La Turquie lâche du lest sur Chypre// TF1. URL: <http://lci.tf1.fr/monde/europe/2006-12/turquie-lache-lest-sur-chypre-4906830.html> (дата обращения: 10.06.2010).
 28. La Turquie menace la France de rétorsions // TF1. URL: <http://lci.tf1.fr/monde/europe/2006-10/turquie-menace-france-retorsions-4907001.html> (дата обращения: 10.06.2010).
 29. La Turquie regarde vers l'Europe // Le Monde diplomatique. URL: <http://www.monde-diplomatique.fr/2008/06/FINKEL/16007> (дата обращения: 18.06.2010).
 30. La Turquie veut renforcer la liberté d'expression// France 24. URL: <http://www.france24.com/fr/20080408-turquie-veut-renforcer-liberte-d-expression-turquie> (дата обращения: 10.06.2010).
 31. La vocation européenne d'Ankara reconnue// L'Humanite. URL: http://www.humanite.fr/2005-10-05_International_La-vocation-europeenne-d-Ankara-reconnue (дата обращения: 18.06.2010).
 32. Le gouvernement d'Erdogan sur la corde raide // L'Humanite. URL: http://www.humanite.fr/2006-05-26_International_Le-gouvernement-d-Erdogan-sur-la-corde-raide (дата обращения: 18.06.2010).
 33. Le ton remonte entre la France et la Turquie // TF1. URL: <http://lci.tf1.fr/monde/2005-08/remonte-entre-france-turquie-4901223.html> (дата обращения: 10.06.2010).
 34. L'Élysée prêt au débat sur l'adhésion de la Turquie // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/2009/04/07/01002-20090407ARTFIG00262-l-elysee-pret-au-debat-sur-l-adhesion-de-la-turquie.php> (дата обращения: 09.06.2010).
 35. Les deux visages de la Turquie // Le point. URL: <http://www.lepoint.fr/actualites-monde/2007-01-17/ue-les-deux-visages-de-la-turquie/924/0/31341> (дата обращения: 10.06.2010).
 36. Les Européens partagés sur l'entrée de la Turquie dans l'UE, voteraient non// France 24. URL: <http://www.france24.com/fr/20100124-europ-ens-partag-s-lentr-e-turquie-lue-voteraient-non> (дата обращения: 09.06.2010).
 37. Les pères fondateurs de l'UE pensaient déjà a la Turquie // Le Nouvel Observateur. URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com/actualite/monde/20051004.OBS1089/les-peres-fondateurs-de-l-uepensaient-deja-a-la-turquie.html> (дата обращения: 18.06.2010).
 38. Les principales déclarations du président Sarkozy hier soir// France-Soir. URL: <http://www.francesoir.fr/divers/les-principales-declarations-du-president-sarkozy-hier-soir> (дата обращения: 09.06.2010).
 39. L'Europe ne peut se passer de la Turquie// Le Courrier International. URL: <http://www.courrierinternational.com/breve/2005/10/03/l-europe-ne-peut-se-passer-de-la-turquie> (дата обращения: 18.06.2010).
 40. L'UE a cédé au chantage turc// TF1. URL: <http://lci.tf1.fr/monde/2005-10/cede-chantage-turc-4901535.html> (дата обращения: 10.06.2010).
 41. L'UE salue les négociations avec la Turquie // Le Nouvel Observateur. URL: <http://tempsreel.nou>

- velobs.com/actualite/monde/20051004.OBS1082/1-ue-salue-les-negociations-avec-la-turquie.html (дата обращения: 18.06.2010).
42. Merkel steht zu EU-Beitrittsverhandlungen// Die Welt. URL: http://www.welt.de/politik/artikel157836/Merkel_steht_zu_EU_Beitrittsverhandlungen.html (дата обращения: 09.06.2010).
43. Ne tirez pas sur la Turquie// Liberation. URL: <http://www.liberation.fr/tribune/010163552-ne-tirez-pas-sur-la-turquie> (дата обращения: 18.06.2010).
44. Ni Orient ni Occident, les choix audacieux d'Ankara// Le Monde diplomatique. URL: <http://www.monde-diplomatique.fr/2010/02/KRISTIANA-SEN/18795> (дата обращения: 18.06.2010).
45. Nouvelles tensions sur l'élargissement // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/nouvelles-tensions-sur-l-elargissement_459021.html (дата обращения: 18.06.2010).
46. Paris et Ankara veulent étendre la coopération franco-turque// France 24. URL: http://www.france24.com/fr/20091009-paris-ankara-veulent-tendre-coop-ration-franco-turque-%5Bfield_surtitreformatted%5D (дата обращения: 10.06.2010).
47. Pas de Turquie dans l'UE (Sarkozy) // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2009/04/05/010111-20090405FILWWW00079-pas-de-turquie-dans-l-ue-sarkozy.php> (дата обращения: 09.06.2010).
48. Pourparlers d'adhésion, où en est-on? // Le Monde diplomatique. URL: <http://www.monde-diplomatique.fr/2008/06/BILLION/16010> (дата обращения: 18.06.2010).
49. Pourquoi nous avons dit non au chantage turc// Marianne. URL: http://www.marianne2.fr/Pourquoi-nous-avons-dit-non-au-chantage-turc_a114391.html (дата обращения: 18.06.2010).
50. Raymond Kuhn. The Media in France/Raymond Kuhn. - London, Routledge, 1995, 284 p.
51. Refus de la Turquie dans l'UE: Gül indigné// Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2009/05/17/010111-20090517FILWWW00138-refus-de-la-turquie-dans-l-ue-gl-indigne.php> (дата обращения: 10.06.2010).
52. Robert Kotcharian: «La Turquie doit demander pardon»// Le Figaro. URL: http://www.lefigaro.fr/international/2007/02/19/01003-20070219ARTFIG90379-robert_kotcharian_la_turquie_doit_demander_pardon.php (дата обращения: 10.06.2010).
53. Rome réaffirme son soutien à l'adhésion de la Turquie à l'UE// France 24. URL: <http://www.france24.com/fr/20100409-rome-reaffirme-son-soutien-a-ladhesion-turquie-a-lue> (дата обращения: 10.06.2010).
54. Sarkozy et Gül constatent leur désaccord// Le point. URL: <http://www.lepoint.fr/actualites-politique/2009-10-09/diplomatie-sarkozy-et-gul-consta-tent-leur-desaccord/917/0/384508> (дата обращения: 09.06.2010).
55. Sarkozy: «la France ne peut rien sans l'Europe»// TF1. URL: <http://lci.tf1.fr/politique/2007-02/sarkozy-france-peut-rien-europe-4886244.html> (дата обращения: 09.06.2010).
56. Turquie - Arménie: Une avancée historique// France-Soir. URL: <http://www.francesoir.fr/etranger/turquie-armenie-une-avancee-historique> (дата обращения: 10.06.2010).
57. Turquie, entre fantasmes et réalité // L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/turquie-entre-fantasmes-et-realite_761911.html (дата обращения: 18.06.2010).
58. Turquie: en finir avec l'hypocrisie // Marianne. URL: http://www.marianne2.fr/Turquie-en-finir-avec-l-hypocrisie_a112633.html (дата обращения: 18.06.2010).
59. Turquie: l'Europe au forceps // Le point. URL: <http://www.lepoint.fr/actualites-monde/2005-10-06/elargissement-turquie-l-europe-au-forceps/924/0/22496> (дата обращения: 09.06.2010).
60. Turquie: processus d'adhésion ralenti// L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/turquie-processus-d-adhesion-ralenti_461546.html (дата обращения: 18.06.2010).
61. UE/Turquie: «un destin partagé» (Chirac)// Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2010/05/11/97001-20100511FILWWW00404-ueturquie-un-destin-partage-chirac.php> (дата обращения: 09.06.2010).
62. UE: Bruxelles met en garde la Turquie// L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/ue-bruxelles-met-en-garde-la-turquie_461170.html (дата обращения: 18.06.2010).
63. UE: la Turquie soutenue par la Slovénie // Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2009/08/30/010111-20090830FILWWW00049-ue-la-turquie-soutenue-par-la-slovenie.php> (дата обращения: 10.06.2010).
64. UE: Madrid plaide pour une relance des négociations d'adhésion de la Turquie // France 24. URL: <http://www.france24.com/fr/20100222-ue-madrid-plaide-une-relance-negociations-dadhesion-turquie> (дата обращения: 10.06.2010).
65. UE-Turquie: le pour, le contre // TF1. URL: <http://lci.tf1.fr/monde/2005-09/turquie-pour-contre-4902223.html> (дата обращения: 10.06.2010).
66. Un pas d'Ankara vers l'UE?// L'Humanite. URL: http://www.humanite.fr/2009-10-12_International_Un-pas-d-Ankara-vers-l-UE (дата обращения: 18.06.2010).
67. Une réforme pour la liberté d'expression en Turquie// France 24. URL: <http://www.france24.com/fr/20080430-une-reforme-liberte-dexpression-turquie-turquie> (дата обращения: 10.06.2010).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д. 212.155.05. ПО ИСТОРИЧЕСКИМ НАУКАМ

Диссертационный совет – сначала как кандидатский – был открыт в МГОУ в 1995 г. С ростом научных кадров, приглашением на факультет ученых, формированием на нем новых кафедр этот совет был преобразован в докторский наряду с правом защиты кандидатских диссертаций по специальностям: 07.00.02 - отечественная история, 07.00.03 - всеобщая история, 07.00.09 - историография, источниковедение и методы исторического исследования. За годы работы совета на его заседаниях защищены десятки докторских и более сотни кандидатских диссертаций. Все они прошли утверждение в ВАКе, за исключением одной докторской с повторной ее защитой в этом же совете.

Итоги работы совета за 2010 г.: защищено 4 докторских (2 уже прошли утверждение) и 6 кандидатских диссертаций. Количественные показатели защит различаются по годам, что не может быть устранено путем попытки планирования вследствие зависимости работы совета от заявлений о защите извне. Например, в 2009 г. было 19 защит, из них 2 - доктор-

ских. Однако статистика защит выявляет следующую устойчивую их особенность: защиты докторских диссертаций с учетом поступивших на кафедры факультета в докторантуру или соискательство представлены почти полностью не преподавателями факультета, тогда как защита кандидатских диссертаций представлена в основном аспирантами факультета. Например, из 17 кандидатских защит 2009 г. нет ни одной внешней, из 6 защит в 2010 г. 4 представлены выпускниками аспирантуры факультета. Отсюда следует: устойчивость работы совета по защитам зависит от устойчивой работы аспирантуры (сейчас на факультете около 60 аспирантов по специальности история) и приема в докторантуру извне.

Очень важен вопрос о качестве диссертаций обоого вида, что зависит от уровня и качества экспертизы при приеме на защиту. Такой уровень требовательности к качеству диссертаций в диссертационном совете поддерживается.

Председатель Диссертационного совета, доктор исторических наук, профессор Н.И. Смоленский

О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 212.155.14 ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ НАУКАМ В 2010 ГОДУ

Диссертационный совет Д 212.155.14 по политическим наукам был создан при Московском государственном областном университете приказом Рособнадзора от 18.07.2008 г. № 1484-1139. Диссертационному совету разрешено принимать к защите диссертации по специальности 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии.

В 2010 г. состоялось шесть заседаний диссертационного совета. Все они проводились

в строгом соответствии с «Положением о порядке присуждения ученых степеней».

В течение года в совете была рассмотрена одна диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук – диссертация Кирсанова Анатолия Ивановича «Противодействие наркобизнесу и наркомании в системе национальной безопасности России: политологический анализ». Также в 2010 г. были рассмотрены пять диссертаций на со-

искание ученой степени кандидата политических наук:

- диссертация Федуловой Александры Сергеевны «Политологический анализ деятельности общественно-политических фондов ФРГ в России на современном этапе»;

- диссертация Крылова Дениса Валерьевича «Проблемы формирования и реализации государственной политики в отношении предпринимательства в современной России»;

- диссертация Кадерова Мухаммета Хамматовича «Основные направления и тенденции развития политики Правительства Москвы по взаимодействию со странами ближнего и дальнего зарубежья»;

- диссертация Смыра Тимура Раулиевича «Проблемы формирования и реализации государственной молодежной политики по предупреждению и противодействию преступности (на примере Республики Абхазия)»

- диссертация Ахвледиани Нино Резмановны «Государственная политика патриотического воспитания молодежи в современной России»

Из всех вышеназванных диссертаций лишь две были подготовлены в сторонних высших учебных заведениях, остальные выполнены аспирантами и соискателями кафедры политологии и права МГОУ.

Тематика рассмотренных диссертаций соответствует номенклатуре специальности 23.00.02, в частности таким пунктам паспорта специальности, как «типы политических организаций», «формы артикуляции интересов» (диссертация А.С. Федуловой), «государственная политика и управление», «виды государственной политики», «эволюция политической системы и государственной политики Российской Федерации в постсоветский период» (диссертации А.И. Кирсанова, Д.В. Крылова, М.Х. Кадерова, Т.Р. Смыра и Н.Р. Ахвледиани).

Защиты диссертаций проходили в обстановке высокой требовательности к соискателям, носили характер научных дискуссий. Оппонентами приглашались ведущие специалисты в соответствующих отраслях политологии.

Все диссертации получили положительную оценку как обладающие несомненной

научной новизной и актуальностью, выполненные на высоком научно-теоретическом уровне. Диссертационный совет отметил, что многие работы строились на интересном фактологическом материале и были выполнены с использованием современных методов научного исследования.

Все докторанты, аспиранты и соискатели имели необходимое количество публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Статьи большинства соискателей были опубликованы на страницах серии «История и политические науки» «Вестника МГОУ».

Диссертационный совет также отметил, что защищенные диссертации имеют большое практическое значение, заключающееся в возможности использования полученных исследователями результатов при выработке конкретных мер решения проблем, возникающих в соответствующих отраслях государственного управления; при корректировке некоторых видов государственной политики (в частности, государственной политики по противодействию наркоугрозе, политики в отношении предпринимательства, политики по предупреждению молодежной преступности, политики по патриотическому воспитанию граждан и др.); в деле совершенствования российского законодательства, а также при разработке курсов и спецкурсов по общей и прикладной политологии, предназначенных студентам, аспирантам и государственным служащим.

В конце 2010 г. диссертационный совет Д 212.155.14 понес невосполнимую утрату. В ноябре из жизни ушли два самых ярких его члена: создатель совета и его председатель доктор исторических наук, профессор Фридрих Гайкович Сейранян и доктор философских наук, профессор Анатолий Иванович Дырин. Без них совет никогда уже не будет прежним, но смеем надеяться, что деловая и вместе с тем доброжелательная атмосфера, созданная ушедшими, сохранится. В ВАК РФ уже поданы документы о введении в совет новых членов.

Ученый секретарь диссертационного совета, кандидат политических наук, доцент А.В. Абрамов

НАШИ АВТОРЫ

Авилова Людмила Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Российской академии наук; e-mail: aviloval@mail.ru

Барсукова Анжелика Владимировна, старший преподаватель кафедры истории Московского государственного областного социально-гуманитарного института (г. Коломна); e-mail: vrubel14@yandex.ru

Белов Владимир Станиславович, аспирант кафедры зарубежного регионоведения факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; e-mail: belov_vladimir_@mail.ru

Ганюшкина Наталия Александровна, аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: ya.nataliya2010@yandex.ru

Горбаченко Максим Валерьевич, аспирант кафедры всеобщей истории и теологии Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова; e-mail: maxim@gorbachenko.ru.

Гутиева Мадина Алимбековна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории Горского государственного аграрного университета (г. Владикавказ); e-mail: chebotarew.mpgu@mail.ru

Домнин Артем Игоревич, аспирант кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета; e-mail: hartwood@yandex.ru

Дюков Александр Решидеович, соискатель кафедры отечественной истории и методики преподавания истории Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского, директор Фонда «Историческая память»; e-mail: a.dyukov@gmail.com

Иванов Андрей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург); e-mail: andriv78@yandex.ru

Колемасов Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин филиала Московского института предпринимательства и права в г. Пензе; e-mail: kolemasov@penza-gorod.ru

Колокольчикова Римма Станиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Череповецкого государственного университета; e-mail: retinovka@mail.ru

Крысов Александр Георгиевич, священник Римско-Католической Церкви, приор оратория св. Пия V прихода св. Людовика в г. Москве; соискатель при кафедре Новой и новейшей истории стран Запада и Востока Московского государственного педагогического университета; e-mail: ludas@zmail.ru

Лю Цян, аспирант кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов (г. Москва); e-mail: triumph117@rambler.ru

Максимов Александр Юрьевич, кафедра политологии и права Московского государственного областного университета, старший преподаватель кафедры менеджмента Московской открытой социальной академии; e-mail: prcentre@inbox.ru

Малярова Анна Викторовна, аспирант кафедры истории Московского государственного областного гуманитарного института; e-mail: korrka@mail.ru

Минаев Олег Сергеевич, старший преподаватель, соискатель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; тел. 923-66-17

Мищенко Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского, филиал в г. Новозыбкове; e-mail: mtaipost@yandex.ru

Мищенко Виктор Васильевич, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского; e-mail: vicpost@inbox.ru

Моркунцов Сергей Анатольевич, соискатель кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: korrka@mail.ru

Нигматуллин Сергей Халитович, аспирант Московского государственного областного университета; e-mail: 9696330@mail.ru

Николаева Надежда Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и средних веков; e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Орлинская Ольга Михайловна, кандидат политических наук, доцент кафедры истории политических партий и общественных движений факультета международных отношений ННГУ им. Н.И. Лобачевского; e-mail: orlinskaya@mail.ru

Пенькова Юлия Александровна, аспирант Мурманского государственного гуманитарного университета, преподаватель кафедры экономики и права Российского государственного социального университета, филиал в г. Мурманске; e-mail: julija34@yandex.ru

Плугатаренко Полина Николаевна, аспирант Московского педагогического государственного университета; e-mail: plugatarenko@mail.ru

Сафронов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: safronov1477@yandex.ru

Удалая Татьяна Владимировна, соискатель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: korrka@mail.ru

Шаожева Наталия Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела этнополитических исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН; e-mail: disana05@mail.ru

Шматова Маргарита Борисовна, соискатель кафедры отечественной истории Московского государственного гуманитарного университет им. М.А. Шолохова; e-mail: shmatova.margari@mail.ru

Щеглов Илья Алексеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана; e-mail: sgn3kaf@bmstu.ru

ВЕСТНИК Московского государственного областного университета

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik.mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБ- ЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» *И.А. Потапова*
литературный редактор *Т.О. Волобуева*
переводчик *Е.А. Титова*
корректор *Н.Л. Борисова*

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik.mgou.ru

Формат 60x86/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 390 экз. Уч.-изд. л. 14,75, усл. п.л. 11,75.

Подписано в печать 25.02.2011. Заказ № 381.

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а

К сведению авторов «Вестника МГОУ»

Для публикации научных работ в выпусках серий «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат». Отдел по изданию научного журнала «Вестника МГОУ» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

За точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор. Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. Статьи, не соответствующие требованиям Отдела по изданию «Вестника МГОУ», решением редакционной коллегии серии не публикуются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором предметной серии. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть издательские расходы «Вестника МГОУ» на ее публикацию. В журнале не будут публиковаться статьи авторов, не предоставивших квитанцию почтовой подписки на «Вестник МГОУ».

Для публикации научной статьи в определенной серии «Вестника МГОУ» автору необходимо предоставить в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: 1) авторскую анкету; 2) заявление на имя ответственного редактора (оригинал или факсимильную копию); 3) выписку из заседания кафедры (отдела, сектора), где выполнялась работа (оригинал или факсимильную копию); 4) текст статьи в электронном виде; 5) квитанцию о полугодовой подписке (оригинал или факсимильную копию); 6) внешнюю рецензию (отзыв) (оригинал или факсимильную копию).

По вопросам публикации следует обращаться в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: статья регистрируется автором в Отделе, после чего проходит внутреннее рецензирование и при положительной рецензии и наличии необходимых документов принимается к публикации.

В случае положительного решения вопроса о публикации, автор, предоставивший свою статью в определенную серию «Вестника МГОУ», выражает согласие на размещение полного текста статьи в сети Интернет на официальных сайтах журнала «Вестник Московского государственного областного университета» (www.vestnik.mgou.ru) и Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) (См.: ст. 1286 и 1238 Гражданского Кодекса Российской Федерации). Одновременно автор дает согласие на доступ своих персональных данных неограниченному кругу лиц.

Подробная информация об оформлении статей и условиях их публикации размещена на сайте журнала (<http://vestnik.mgou.ru>), пункт «Информация для авторов».

По финансовым и организационным вопросам публикации статей
обращаться в Отдел по изданию журнала «Вестник МГОУ» к Потаповой Ирине Александровне
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98;
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31;
e-mail: vest_mgou@mail.ru